

592

РУССКАЯ СТАРИНА

"RUSSKAYA STARINA"

ЕЖЕМЬСЯЧНОЕ

"6
1872"

1485

34

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

Т О М Ъ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. БАЛАШЕВА, (Большая Садовая ул., д. № 49 — 2).

1872.

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Читатели „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, оживили въ своей памяти рыцарскій обликъ личности партизана Давыдова, по прочтѣніи мастерски набросанного его сыномъ біографического очерка (см. въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 624 — 639). Нынѣ предлагаемъ „Записки“ партизана о польской кампаніи 1831 г. Этотъ исторический памятникъ созданъ бойкимъ, даровитымъ первомъ поэту и партизану въ 1836 г., слѣдовательно, по самыи живымъ воспоминаніямъ о событияхъ, въ которыхъ онъ, либо принималъ непосредственное участіе, либо слышалъ о нихъ, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Наблюдатель глубоко просвѣщенный, воинъ — безъ упрека, представитель бойцовъ славной памяти двѣнадцатаго года — Денисъ Давыдовъ — внесъ въ печатаемыя нынѣ „Записки“ много мѣткихъ замѣчаній, полезныхъ даже теперь; — сорокъ лѣтъ спустя, послѣ того какъ были набросаны его замѣтки, онъ не утратилъ своей свѣжести и интереса. Что касается до описанія событий, то оно отличается присущимъ таланту Давыдова свойствами: живостью разсказа, образностью выраженій, и тѣмъ увлеченіемъ, которое водило его къ побѣдамъ и окрыляло его своеобразную музу.

„Воспоминанія о польской войнѣ 1831 г.“ издавна извѣстны любителямъ новѣйшей отечественной исторіи по многимъ спискамъ. Они долго ходили по рукамъ, и нѣсколько списковъ перебывало и въ нашемъ собраніи рукописей. Лучшій изъ нихъ, къ сожалѣнію, не полушенъ, подаренъ намъ уважаемымъ Петромъ Павловичемъ Зуевъ, къ которому перешелъ отъ брата Д. П. Зуева, а къ тому, въ свою очередь, поступилъ отъ подпоручика корпуса путей сообщенія Нивцева († 1843 г.). Этотъ молодой человѣкъ былъ, если не ошибаюсь, племянникомъ Д. В. Давыдова, и изъ кабинета дяди получилъ полный списокъ его записокъ, до восемнадцати небольшихъ традей. Весь этотъ манускриптъ разстратился у генералт.-лейтенанта

Серг. Гавр. Веселитского; уцѣлѣла лишь тетрадь въ 26 полулистовъ мелкаго, убористаго письма, находящаяся въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ основнымъ спискомъ при изданіи мы приняли рукопись, сообщенную сыномъ партизана, Василиемъ Денисовичемъ Давыдовымъ. Списокъ этотъ, какъ свидѣтельствуетъ сообщившій его, снятъ съ подлинной рукописи автора.

Для удобства чтенія—мы раздѣлили весь разсказъ на главы. Въ концѣ записокъ приведены варьанты изъ прочихъ списковъ и дополненія В. Д. Давыдова къ биографическому очерку, помѣщенному въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 1624.

Л. А. 1613 Радицк. 1885 год.

История Наполеона. I. Краткое изложение

Цаденіемъ Наполеона заключилась великая эпоха войны, справедливо называемая эпохой военного искусства. Каждое государство, участвовавшее въ низверженіи завоевателя, требовало себѣ вознагражденія за убытки, понесенные въ теченіе тягостной и продолжительной войны. Норфира исполина была разорвана на части; Англія, Австрія, Пруссія, Швеція и прочія союзныя государства были вознаграждены расширенiemъ границъ своихъ на счетъ владѣній Наполеона и его союзниковъ.

На долю главной виновницы сего чуднаго переворота—Россіи досталось герцогство Варшавское, обнаженное отъ герцогства Познанскаго, доставшагося Пруссіи, Краковской области, признанной независимою, и округъ въ Галиціи, вошедший въ составъ австрійскихъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху вещественнаго и нравственнаго могущества Россіи, когда еще не остыла пепель Москвы, курившійся на жертвенникѣ отечества, и щиты 200,000 испытаннаго русскаго войска, предводимаго опытными и искусными генералами, сверкали на поляхъ Франціи, она могла пріобрѣсти несравненно болѣе того, чѣмъ она получила; не взирая на хвастовство французовъ, Франція, сознавала себя гораздо болѣе побѣжденной, чѣмъ Наполеонъ и Германія, утомленная своими собственными побѣдами.

По великодушный государь нашъ удовольствовался лишь пріобрѣтенiemъ для Россіи полнаго права гражданства въ Европѣ, участія въ совѣціяхъ европейскихъ государствъ между собою и чучуннаго цара на кровавыхъ баллотировкахъ спорныхъ мнѣній.

ий союзниковъ. Александръ I, ограничившись присоединенiemъ къ Россіи царства польскаго, охотъль ввѣти здесь, въ видѣ опыта, тѣснѣніе упражденій; кончили въ концѣ послѣ паденія Наполеона. Отынъ маскаль себѣ надеждой, склоняюще противоположной стезѣ, превозѣти славу падшаго соперника. Радѣль Польши былъ окончательно признанъ и утвержденъ 21-го апрѣля (9-го мая) 1815 г. торжественнымъ актомъ, подписанымъ уполномоченными трехъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. Вотъ статья трактата, относящаяся къ Россіи и царству польскому, помѣщенная въ договорѣ съ Пруссіей: «Статья бгын Герцогство Варшавское, за исключениемъ тѣхъ частей оного, о коихъ упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ и трактатѣ, сено же два подписанными между ею величествомъ императоромъ австро-германскимъ и его величествомъ королемъ прусскимъ, на автографа, присоединяется къ имперіи российской»; это условіе, весьма ясное, не требуетъ потому никакихъ комментариевъ. Высокія договаривающимся державамъ, какъ будто недостаточно упомянутыхъ на пачьѣ выраженій, опредѣляющаго полное и вѣчное подданство царства польскаго Россіи, присовокупили къ слову навсегда: на вѣчныя времена. Одно благородное уваженіе, что величества императора будетъ зависѣть распространеніе упражденій, дарованныхъ царству польскому, въ польско-рussijskія губерніи и присоединеніе сихъ послѣднихъ къ царству. Приведеніе въ исполненіе сего послѣдняго условія предоставлается, какъ выше видѣли, единой волѣ императора, но дарованіе присоединенному царству особаго управления требуется все же ясно и подозрительно. Хотя наше государь, сообразно съ существующимъ порядкомъ и обычаемъ, долженъ присоединить къ промѣнѣ своихъ титуловъ: династию царя (короля) польскаго, но подлинно, находящимся въ подданствѣ высокихъ договаривающихся сторонъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и национальныхъ государственныхъ учрежденій, соподчиняя тѣмъ родомъ польшийскаго существованія, который выйдетъ изъ правильствъ будетъ признанъ за полезнейшій и приличнейшій для нихъ въ кругу союзникъ. Спрашивается: какой образъ польшийского существованія можетъ быть признанъ за полезнейшій и приличнейшій для области, послужившей на вѣчнія времена въ составъ владѣній великаго государства? тотъ ли, вслѣдъ которыхъ наполеонъ соединяется съ духомъ политическаго суп-

ществованія государства, къ коему область присоединяется, или тотъ, который рѣшительно противоположенъ учрежденіямъ, искони въ этомъ государствѣ существующимъ. Безъ сомнѣнія, первый. Разсуждать иначе значило бы руководствоваться одностороннимъ взглядомъ, метафизическими отвлеченностями, а не благоразумiemъ, требующимъ не разрозненія, а напротивъ, приведенія духа учрежденій областей многосложного государства къ общему знаменателю, безъ чего невозможно единство, которое одно составляеть силу государства. Итакъ, сія 5-я статья договора состоитъ, сама по себѣ, изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ послѣдній совершенно противорѣчить первому,—это было вѣроятно включено въ означенные договоры не безъ задней мысли.

По подписаніи договора между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ подобный же съ Австріей. Они были внесены въ акты вѣнскаго конгресса уполномоченными всѣхъ великихъ державъ. На основаніи этого нашъ государь, вооруженный правами, торжественно признанными всей Европой, приступилъ къ дѣлу.

Во-1-хъ, его величество принялъ царство польское въ потомственное и вѣчное владѣніе.

Во-2-хъ, онъ не счелъ нужнымъ распространить дарованный имъ этому царству образъ правленія на польско-рussijskia губерніи и присоединить ихъ къ нему.

Въ-3-хъ, онъ принялъ титулъ царя польского, присовокупивъ его къ прочимъ имъ носимымъ достоинствамъ.

Въ-4-хъ, его величество уклонился, подъ разными предлогами, отъ введенія въ присоединенное царство представительного образа правленія, какъ чрезмѣрно отличающагося отъ учрежденій, искони въ Россіи существующихъ. Онъ ограничился лишь дарованіемъ ему отдѣльного и особаго управления, подобно тому, какое существовало уже въ Финляндіи.

Вотъ на какомъ основаніи Александръ I принялъ царство польское, права на котораго онъ передалъ своему законному наследнику.

II.

Наполеонъ сказалъ однажды: «Европа занималась чтенiemъ исторіи французской революціи, но я положилъ замѣтку и закрылъ книгу. Наступить время, когда замѣтка выпадетъ и Европа вновь обратится къ чтенiu закрытой мною книги». Пророчество

великаго человѣка сбылось: замѣтка выпала и все ринулось на по-
прище возникшихъ преній и переворотовъ. Самые владыки Евро-
пы не могли не подчиниться вліянію этого всеобщаго движенія
умовъ; почти въ одно время были дарованы хартіи: Людовикомъ
XVIII—Франці, Вильгельмомъ—Нидерландамъ, Александромъ—
Польшѣ. Книга революціи раскрылась и съ тѣмъ вмѣстѣ военное
ремесло уступило права свои на всеобщее вниманіе гражданскому
началу, которое въ теченіе 15-ти лѣтъ, скромно довольствуясь не-
извѣстностью, вдругъ воспріянуло. Явились адвокаты, журналисты,
разнаго рода витіи, молодые люди, незнакомые съ военной служ-
бой, либо жалко въ ней служившиe отъ недостатка въ даровані-
яхъ къ подобному роду занятій, кои скрывались до сего времени
въ глубинѣ общества. Они заняли мѣста полководцевъ — этихъ
кумировъ устарѣвшаго богослуженія, капиталистовъ — монеты,
курсъ которой упалъ столь значительно. Громъ оружія былъ за-
мѣненъ напряженiemъ гортаней и скрипомъ перьевъ. Великія по-
бояща были забыты, пренія же палать депутатовъ приковали къ
себѣ всеобщее вниманіе. Грустно было нашему воинственному,
но невѣжественному поколѣнію, быть вынужденнымъ отстраниться,
для того, чтобы дать мѣсто лицамъ, кои, выдвинувъ свои вещественныя
и словесныя батареи, стали оглашать своими звуками не-
сравненно большее пространство. Многіе убѣждены, что усилия
ратоборцевъ настоящей эпохи клонятся лишь къ пользѣ общей,
къ доставленію человѣчеству наибольшей суммы благосостоянія,
свободы и просвѣщенія. Нисколько! не всѣ и далеко не всѣ дви-
жимы столь высокою любовью къ человѣчеству. И тогда, и нынѣ
на человѣчество смотрѣли, какъ на собраніе цифръ, которыми рѣ-
шались и рѣшаются задачи личныхъ честолюбій и корыстолюбій; и
тогда, и нынѣ лишь кажда къ пріобрѣтенію личной извѣстности или
достоянія побуждаетъ многихъ къ неутомимой дѣятельности, посвя-
щенной, по ихъ мнѣнію, одному благу человѣчества. Причина всего
кроется лишь въ всепоглощающемъ я; войны всѣхъ эпохъ происхо-
дили большею частію лишь отъ этого. Различіе заключается лишь
въ образѣ битвы, оружіи и въ способахъ ими дѣйствовать. Вмѣсто
Массенъ, Даву, эрцъ-герцоговъ Карловъ, Кутузовыхъ, Барклаевъ,
Багратіоновъ — мы видимъ Одильоновъ, О'Конелей, Могеновъ и
.Лелевелей.

Самый Наполеонъ, этотъ очаровательный и исполненный

поэзіи исполнить, быть замѣненъ 90-ти лѣтнимъ дилетантомъ маскарадистомъ шкатый полѣскатой гренадера; битвы разыграли тро-
мерическаго, баснословнаго уступили гѣста саси овакамъ чары
въ лопотьяхъ; фразы «Богородица» и «Граватъ аббата Ламене», неиз-
ряемыши многими глупцами, вовсе лихъ не имѣли юмора; не только
благосостоянія, истинная свобода народа (а нисколько не раз-
умѣю подъ этимъ именемъ анархическое состояніе) въ концѣ
находится въ настоящемъ времени (въторымъ государствомъ) должны
повидимому, вѣчно оставаться краснѣющими на мостѣ между двумя
разбойниками: честолобемъ воинами и честолобемъ граждан-
скими, никогда не обнаруживающими ни малѣйшага рескалья.
Конечно, нѣтъ правиль безъ исключения; но эти исключения въ напомъ
вполнѣ мервантильномъ пѣвецъ слишкомъ рѣдко, чтобы
оказать на большинство умовъ и ученыхъ общиимъ потокомъ
идей, едва замѣтное влияніе. Намъ, живущимъ въ этомъ агентри-
ческомъ вѣкѣ, нельзя не привѣтствовать отъ души это радостное,
хотя и слишкомъ рѣдкое, появление избранныхъ типостей, любве-
объильныхъ, не столько на словахъ, сколько на дѣлѣ.

Я можетъ быть ошибаюсь, но тѣмъ не менѣе убѣдительны темы,
что не залудкамъ нашего нравственно-художествика переваривать
такую пищу, какъ свободы; на это потребны желудки древниковъ пра-
ковъ и римлянъ, которые могли съ безпрѣдѣло насыщаться и
пресыщаться ею. Инь-мечтая природа принимала съ пользою
благодать, непосыпаемую бледнѣмъ Ировидѣніемъ народамъ, ис-
полненными любви и самоотверженія и прерѣдышъ въ своихъ убож-
деніяхъ. Но мы, проминутые космополитизмомъ, именуемыи
любовью къ человѣчеству, какъ будто бы люблю всѣхъ неозна-
чаещь никого не люблю, кроме самаго себя; мы, бездумные и
жалкие скептики, безпощадно пренебрѣгающіе всѣ святое; мы, чан-
глы, гнилье и вѣдѣніе прозаические, мы, не доливъ дарзиль мыс-
слить о свободѣ. Нѣтъ, надо спирѣа, и осторожнѣйся сдѣлаться достой-
ными этой небесной мании, и лицы тогда она сама собой низо-
деть къ намъ съ неба; ибо пока все спешающее и будеъ един-
ными кумиромъ, единными рытвомъ всай нашей дѣятельности, всѣ
наши усилия и стремленія будуть тщетны. Надѣть удѣль до
того времени одинъ, либо рабство, либо анархія, гайдай рим-
лянъ и грековъ послѣ ихъ паденія съ высоты добродѣтели и любви
къ родинѣ, и съ ними и спирѣа, и спирѣа, и спирѣа! (читай)

въ отечеству въ то преступное и працественное раздѣлніе, въ то утонченніе себѧ любіе, въ иныхъ имъ нынѣ таѣ погрязши.
Съѣжа еще въ нашей памяти французская революція, Польскій переворотъ и митингъ царства польскаго,— все это, что минѣло то гданихъ говоруловъ, было совершенопочинено для блага общаго, не имѣть назовутъ мнѣ хотя одну личность яко членъ многихъ велиможъ; таѣ сказарь, среди ротихъ кровавыхъ юбокъ, для котораго общее благо стояло бы выше собственнаго къ сожалѣнію, вы не назовете ни одной. У каждого, какъ у лицы Крылова «рыльце въ шуху». Венгриемъ въ Тьера, село панегириста французской революціи, и мы увидимъ проклятое, и, вселывающее какъ бы противъ воли автора: надъ самыми латротическими побужденіями и порывами людей, имъ пронизываемыхъ. Послушаемъ Лафайета и его сообщниковъ, возбудившихъ, при помощи огромныхъ капиталовъ, іюльскій переворотъ; о чмъ горюютъ они? предпрѣтѣ ихъ увѣнчалось усѣхъомъ, о чмъ же быть изѣхать? оизъ вѣды удался для всѣхъ юроющихъ, но не исключительно для тѣхъ, кои зовновали умы для удовлетворенія собственнаго честолюбія.

Послушаемъ Солтыка, превозносящаго героямъ и самоуверженіе пожковъ во время послѣдняго митежа, и мы убѣдимся, что приски членовъ народнаго правленія приготовили для Польши тѣтъ ради бѣдствій, кои она исыпала и которыя были лишь послѣдствіемъ стремлія каждого—извлечь изъ всего наиболынную выгоду, никако не заботясь о прочемъ. Вѣрите послѣ этого забвению личныхъ выгодъ для общаго блага этихъ Брутовъ и Львургевъ нашего вѣка, съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ, укокихъ повергнуть убѣжденія Денежная выгода и коммерческій разочѣр—вотъ убѣжденія нашего вѣка. Грустна становится миѣ при мысли, что въ нашъ вѣкъ, богатый открытиями всякаго рода, просвѣщеніе,—этотъ великій двигатель человѣчества постепѣнно совершенствованій, допустило его пасть столѣтіемъ на этой працственной лѣстницѣ!

Уже на второмъ сеймѣ¹⁾, открывшемся въ 1820 году, въ

) На этомъ сеймѣ десаревичъ, избранный депутатомъ отъ Ираги, держаъ рѣчи,ъ некоторые цольскіе депутаты заставили молчать прислалаго на сеймъ генерала адъютанта Чернышева. Генералъ-контролеръ царство Окодовъ, изловѣкъ, выдалъ замѣчательный по своимъ необыкновеннымъ способностямъ

Варшавѣ, обнаружились стремленія нѣкоторыхъ лицъ къ пріобрѣтенію личной извѣстности выходками, лишенными даже приличія. Члены сейма не столько занимались сужденіями о предметахъ, представленныхъ имъ правительствомъ, сколько предавались буйнымъ противъ него возгласамъ; они находили, что введенныя нашимъ правительствомъ учрежденія были еще слишкомъ тягостны для развитія благосостоянія страны; они забыли, что для Польши самостоятельность есть дѣло весьма трудное и доселѣ невозможное; до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себѣ, какъ она накликала на себя рядъ бѣдствій и вмѣшательство сильныхъ сосѣдей становилось необходимымъ.

Духъ своеvolія, вспыхнувъ въ этой несчастной странѣ, могъ легко распространиться въ областяхъ, смежныхъ съ нею. Императоръ Александръ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій подобного порядка вещей, повелѣлъ производить пренія безъ свидѣтелей и безъ обнародованія ихъ. Такимъ образомъ, пренія членовъ сейма сдѣлялись недоступными для любопытствующихъ; путь къ удовлетворенію славолюбія престіжки для многихъ и не представлялось болѣе для закоренѣлыхъ враговъ Россіи возможности къ возбужденію противъ нея восстанія.

Вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ усиленія ненависти къ Россіи всего польского шляхетства; къ этому надо присовокупить и то, что новыя учрежденія царства не были введены и въ польско-rossijskія губерніи, следовательно надежда на восстановленіе польского государства въ полномъ его составѣ исчезла навсегда. Но въ то самое время, какъ мы явно подавали новые поводы къ усиленію ненависти, питаемой къ намъ во все времена поляками, мы приступали къ образованію польской арміи и тѣмъ давали имъ средства къ явному противъ насъ возмущенію.

свѣдѣніямъ, сказалъ собравшимся депутатамъ: «Такъ какъ вамъ невозможно изобрѣсти лести, которую бы императоръ всероссiйскiй не выслушалъ уже, я совѣтую вамъ сказать его величеству: мы, государь, ни полной зависимости, ни полной самостоятельности одинаково сносить не умѣемъ». Государь, увидавъ, какіе беспорядки возникли во время преній сейма, лишилъ поляковъ конституції, данной имъ въ 1815 г., объяснивъ, что они «еще не умѣютъ пользоваться свободой». Около всъ сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Государь сдѣлялъ большую ошибку, дозволивъ полякамъ собираться на сеймы; это слово, напоминая имъ былое, въ состояніи свести стѣма не одну голову».

Д. Д.

Попечениями российского правительства земледѣліе, промышленность, торговля царства были приведены въ цѣнѣ тупое состояніе. Въ первые годы владычества Россіи надъ этимъ царствомъ, изнуренномъ войнами, контрибуціями всякаго рода, всѣ расходы были прияты Россіею на свой счетъ, доходы же его были обращены лишь на удовлетвореніе потребностей царства. По распоряженію нашего правительства выданы были ссуды для торговыхъ операций; изъ кредитной кассы было раздано отъ 72 до 106 миллионовъ рублей въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина съвозимыхъ въ Россію польскихъ суконъ была уменьшена до одного процента, отъ чего таможня потеряла въ теченіи 15-ти лѣтъ до 60 миллионовъ рублей. Польскимъ войскамъ было назначено жалованье, значительно превосходящее окладъ, определенный российскимъ; оружіе всякаго рода, порохъ и заряды были высылаемы съ изобилиемъ изъ Россіи; крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ; крѣпость Замостье, столь много впослѣдствіи намъ вредившая, была возобновлена и значительно усиlena. Русский корпусъ, расположенный близъ границъ царства, получилъ особое образованіе; всѣ, служившіе въ немъ русские, были переведены въ коренные российские корпуса, расположенные въ нѣдрахъ имперіи, выбранные изъ нихъ уроженцы польско-российскихъ губерній поступили въ составъ этого корпуса, наименованного Литовскимъ, коему были назначены постоянныя квартиры на самой границѣ царства. Назначенный восьмилѣтній срокъ для службы рядовымъ польской арміи послужилъ прекраснымъ средствомъ въ постепенному ознакомленію всей націи съ военнымъ ремесломъ; при первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія могла быть весьма легко удвоена и утроена безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ рекрутовъ. Наконецъ алчность поляковъ къ почестямъ и наградамъ была вполнѣ удовлетворена неисчислимыми щедротами его величества, ежегодно осыпавшими своимъ милостями поляковъ, коихъ ревность къ службѣ была засвидѣтельствована цесаревичемъ.

Такъ поступалъ Александръ I относительно поляковъ! Дѣйствія этого великодушнаго, но слишкомъ недовѣрчиваго монарха не приносили и не могли принести желанныхъ результатовъ. Его либеральная воззрѣнія, значительно измѣнившіяся чрезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе пагубнаго вліянія Меттерниха, руководо-

дими ею въ отношении поляковъ (фабула зданія этого монарха), на-
дѣянія гдѣ удавалось прервать линию существующую между
Россіею и Польшею, вражду, стоявшуюмъ дорого. Этъ не только
не произвело дѣйствій, противныхъ тому, чего ожидали, но доста-
вило, напротивъ, полякамъ огромные способы къ возстанію и
продолжительной борьбы съ Россіею, о коихъ они не смѣли бы и
помышлять.

Такимъ образомъ Польша, превратя мягкость, изрѣденную
въ ней Александромъ I въ минуты несчастной либеральности
его, непрѣтѣльно ожидала срока своего разрѣшенія. Вели-
сій князь Константина Павловича послужилъ ей въ этомъ случаѣ
ненамѣреніемъ.

Надлежало послѣдствіемъ обнаружить величія усилия для того,
чтобы сокрушить оружіемъ возстаніе, которому дали полную сво-
боду разиться до большихъ размѣровъ; къ тому же, рядъ бѣд-
ствій разразился въ то время надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ:
холера, свирѣпствовавшая по всей Россіи; мятежъ, испынувший
въ военныхъ поселеніяхъ смертоносныи болѣзни, проявившіяся
въ войскахъ, возврачающихъ съ Дуная, а главное — вибельная
система отталкивать людей, способныхъ, безкорыстныхъ, прето-
дально предпочитая имъ личности иничтожныи, бездарныи, корысто-
любившии, комъ могли быть лишь слѣпыми исполнителями....

Итакъ, передышъ ваговора въ царствѣ польскомъ можно от-
нести къ концу того года, въ который были прекращены публич-
ныи приемы въ палатахъ; оскорблѣніе тѣмъ поляки скрывали
свои замыслы подъ личиною преданности къ нашему правитель-
ству, предъ которымъ они, можно сказать, преиспользовались съ пол-
найшою забреніемъ собственного достоинства. Нельзя позабыть, до
такой степени отвратительного раболѣпства, доходила въ дни без-
запятія большая часть поляковъ, относительно цесаревича (Кон-
стантина Павловича); послѣдствіемъ эти, выдвинутыи мягкостью,
личности незадѣлили оскорблять сю высочество двумъ и словомъ.
Всѣ, вообще, по въ особенности вѣдывавшие какими-либо
войсками военными управленіями, старались, наперекоръ соб-
ственнаго нерасположенія къ фронтовой службѣ, обнаружить
безграничное къ ней рвение; они не щадили средствъ, чтобы уго-
дить маѣбѣшимъ капризамъ своеуравнаго цесаревича, которою
благосклонность и довѣріе они добивались приобрести. Они успѣли

некогда тайствоватъ трети мѣра разныя улучшениа въ замѣдливаемыи
имъ частяхъ, и темъ приготовили "себѣ" способы къ будущей
борьбѣ съ Россіею. Они, подъ предлогомъ негодности оружія,
испросили праѣзъ имъ присыпку изъ Россіи новаго, и когда было
доставлено не сколько десятковъ тысячъ ружей, это минимогод-
ное оружіе было ими задержано и впослѣдствіи употреблено про-
тивъ настѣль. То же самое повторялось относительно пушекъ, по-
роху, зарядовъ и прочихъ предметовъ.

Поляки испросили также позволеніе обнести Варшаву глубо-
кими рвами, и высокую насыпью, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы
затруднить ввозъ контрабанды; начинецъ, за не сколько времени
до восстания они просили о возведеніи крѣпости въ Тирасполь,
наступивши противъ самаго Бреста-Литовскаго, но на это, къ счастью,
не посыпало согласія его величества. Хотя все это происходо-
дило лишь въ царствѣ, но вѣти заговора простирались дальше.
Шляхетство польско-рussiйскихъ губерній вполнѣ сочувствовало
всему тому, что дѣялось въ Варшавѣ, и можно достовѣрно сказа-
вать, что все шляхетство отъ береговъ Вислы до береговъ Днѣпра
и Днѣбра волновалось.

III.

Чтобы читателю видѣть цѣль математиковъ, я выписываю изъ
сбічинія Солтыка описание предначертаній заговорщиковъ за

два мѣсяца до открытия восстания;

Въ исходѣ сентября 1830 года, т.-е. въ позорный, сентябрь ло замѣду-
ющаго числѣнію, глашаемъ члены «патріотического общества», образились въ
Варшавѣ для совѣщанія; для блюдо представлено два плана. Составитель перво-
го требовалъ незамедлительнаго восстания въ Варшавѣ и въ «опредѣленныхъ». Изъ
этого горнила покаръ долженъ бытъ разлитъ по всевому країну польскому
государству; съ такою быстротою, чтобы известіе о томъ, могло достигнуть
трехъ союзныхъ государствъ, не рапортъ какъ за двое или трое сунокъ до занятия
нашими войсками, покицантыхъ или у своихъ областей. Оно хотѣло, чтобы мы
вошли въ города съ выгодами, которыхъ хотѣло представить намъ быстрота и вѣ-
ральность дѣяній. Отромъмы средства были наложены на пластины
нашихъ будто бы для того, чтобы содействовать нашему восстанию, которое, по
законѣ и общирности своей, не имѣло ничего равнаго въ польскихъ исторіяхъ.
Армія царства, состоявшая изъ 80,000 чел., была распределена слѣдующимъ об-
разомъ: одна третина въ Варшавѣ, другая — на берегу Вислы, а кавалерія находи-
лась въ градѣ Несвижскомъ Герцогствѣ; остальная третина — на правомъ берегу
Вислы; съ кавалеріей, которой маневрировать приотправились отъ
Седлеца до Замостья, касающіе российскихъ границъ — Буга. Большая часть

офицеровъ вышесказанныхъ войскъ, принадлежа патротическому обществу, любила безъ сомнѣнія свое отчество. Одна русская гвардейская дивизія, силою въ 7,000 чл. при 24-хъ орудіяхъ, находилась въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Эта дивизія, будучи, такъ сказать, окружена нашей арміею, не можетъ оказать сильнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что всѣ солдаты были уроженцами похищенныхъ у насъ губерній, а склонительно они болѣе склонны присоединиться къ намъ, чѣмъ дѣйствовать противъ насъ. Размѣщеніе нашихъ войскъ таково, что восстаніе въ Варшавѣ должно было возбудить подобное во всей арміи, неожиданно какъ чрезъ двое сутокъ; наши войска, расположенные на правомъ и лѣвомъ берегахъ Вислы, имѣли потому возможность достигнуть въ нѣсколько дней границъ царства и легко проникнуть прямо въ области, къ намъ прилегающія. Россія не только снабдила насъ оружиемъ, зарядами и пушками, но, сверхъ того, расположениемъ своихъ войскъ значительно уменьшила затрудненія для наступательного движения нашей арміи. Въ самомъ дѣлѣ, корпусъ, называемый «литовскимъ», состоящій изъ 40,000 члов., при 120 орудіяхъ, былъ разсѣянъ на пространствѣ отъ Дубны до Вильны на разстояніи 100 польскихъ миль (700 верстъ); будучи исключительно составленъ изъ уроженцевъ польско-rossiйскихъ губерній, онъ необходимо долженъ пристать къ намъ. Третью офицеровъ корпуса уже въ сошеніи съ членами патротического общества, а генералы не могутъ сосредоточить ни на одномъ пункѣ достаточныхъ силъ для отраженія нашего нападенія. Безъ всякаго сомнѣнія наши войска, въ соединеніи съ литовскимъ корпусомъ, будутъ въ состояніи предпринять нападенія на Кіевъ, Бобруйскъ, Дніабургъ и Ригу. Успѣхъ при этомъ тѣмъ менѣе сомнителенъ, что можно легко достигнуть его съ помощью окрестныхъ жителей до появленія въ тѣхъ краяхъ нашихъ войскъ. Въ Галиціи обстоятельства еще болѣе благопріятствуютъ нашему дѣлу: тамъ не болѣе 18,000 солдатъ, которые, будучи всѣ уроженцами польскими, занимаютъ эту область; 30,000 чловѣкъ распушено по домамъ съ полной амуниціей, хотя у нихъ отобрано оружіе, но оно хранится въ штабныхъ цѣфгаузахъ. Ни одинъ изъ нихъ не успѣеть прѣбѣгнуть къ своему мѣсту до занятія нашими этой области, ибо войска наши, квартируя въ окрестностяхъ Радома и Конска, отстоять не далѣе трехъ усиленныхъ переходовъ отъ австрійской Галиціи. Всѣ войска края послѣдѣшь пристать къ намъ и составлять кадры нашей арміи, а жители, увлеченныя всеобщимъ движеніемъ, будутъ дѣйствовать по усмотрѣнію патротовъ. Познаніе была справедливо и искони почитаема гориломъ пламенайшаго патротизма, и потому все ея народонаселеніе восстанетъ разомъ. При появленіи въ ней нашихъ воиновъ 30,000 пѣшихъ и конныхъ, исправно вооруженныхъ ландверовъ, отлично знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, умножать наши ряды. Число войскъ, составляющихъ прусскіе гарнизоны, не превышало 15,000 чловѣкъ. Такъ какъ Познанская крѣпость едва вооружена, то эти войска могутъ лишь соединиться за Одеромъ. Она снабжена огромнымъ арсеналомъ и гарнизономъ въ 15,000 чл., весьма мало бдительны, что весьма часто бываетъ въ мирное время; этою крѣпостью можно овладѣть врасплохъ».

Изложивъ всѣ способы, коими могли располагать наши и непріятельскіи войска, авторъ изложилъ средства для приведенія въ исполненіе своего предначертанія. По его мнѣнію, надлежало взбунтовать въ трое сутокъ всю польскую армію, учредить диктаторство, захватить цесаревича и главныхъ генераловъ, обезоружить русскую гвардейскую дивизію, определить 2,000 офицеровъ въ кантонир-квартиры войскъ для образования рекрутовъ и кадровъ для 2-й арміи, ко-

когдя не должна была быть слабее 30,000 чес.; она должна была состоять изъ 20,000 солдатъ, вышедшихъ въ отставку и 10,000 волонтеровъ высшихъ сословій; они хотѣли двинуть немедленно отрядъ изъ 2,000 человѣкъ чрезъ Брестъ и Дубно на Волынь, другой такой же силы чрезъ Бѣлостокъ и Вильну—и 3-й, въ 5,000 человѣкъ чрезъ Новомѣсту, Тарновъ, въ Галицию. Этотъ отрядъ долженъ былъ пресѣчь путь, идущій изъ Лемберга въ Вѣну; 2,000 человѣкъ краковскіхъ волонтеровъ должны были двинуться для того, чтобы поставить австрійцевъ между двухъ огней. Наконецъ они хотѣли направить 5,000 человѣкъ въ Познань для содѣйствія жителямъ къ возстанію и занятію крѣпости въ Глогау, отстоящей отъ границъ герцогства недалѣе 20 миль. Вотъ первоначальныи мѣри, какиѣ имѣлись въ виду сочинитель этого предположенія. По его мнѣнію, все это могло совершиться въ 10 или 12 дніевъ, и тогда восстаніе могло охватить уже всю Галицию, Познань, Волынь и часть Литвы.

«Число войскъ, коими наше отечество будетъ въ состояніи располагать, возрастаетъ до 180,000 человѣкъ при 276 орудіяхъ, а именно:

1-я армія, имѣя вся подъ ружьемъ изъ	30,000	чес. при 96 оруд.
Резервная, образующаяся на Вислѣ	30,000	> > 60 >
Эти орудія поступать изъ арсеналовъ и послѣ обезоруженной русской гвардейской дивизіи.		
Литовскій пѣхотный корпусъ	40,000	> > 120 >
Польскія войска, входящія въ составъ австрійской арміи, расположенная въ Галиціи, не считая милиціи.	48,000	> > — >
Ландверы познанскіе	30,000	> > — >
Волонтеры краковскіе	2,000	> > — >

Итого 180,000 чес. при 276 оруд.

«По изгнаніи чужеземцевъ изъ столъя обильного государства, можно будетъ приступить къ набору 200,000 рекрутовъ и 50,000 лошадей. Для вооруженія этой огромной массы войскъ послужать ружья, коими мы овладѣемъ при взятии Велички, Глогау, Динабурга, Бобруйска, Риги и Кіева, гдѣ по крайней мѣрѣ большая часть сдѣлается неминуемо нашей добычей; расширение пашныхъ границъ, сосѣдства и дружба съ Венгрию и Силезію, и удобства выгрузки оружія на берега Литвы, могутъ также значительно тому содѣйствовать.

«Благопріятное стеченіе обстоятельствъ обѣщаетъ намъ полный успѣхъ, надо однако умѣть этимъ воспользоваться.

«Слѣдя за вышеизложенному преднареченію, мы можемъ быть вынуждены вести въ одно время войну съ Россіею, Пруссіею и Австріею; но принимая въ уваженіе военное положеніе этихъ трехъ державъ и политическая обстоательства Европы, намъ нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ нашего предприятия. Если мы не станемъ считать литовскій корпусъ, Россія въ теченіе двухъ мѣсяцей можетъ выставить противу насъ лишь 80,000 челов.; главная причина тому сдѣлающая: разстройство и убыль полковъ, возвращающихся изъ Турціи. На восстаніе наше не замедлитъ отвѣтить Курляндія и Бѣлоруссія. Австрія и Пруссія, какиѣ въ настоящее время мало войска подъ ружьемъ, еще въ ожиданіи вслѣдствіе юльского переворота. Мертвая Италия, Сѣверная и Средня Германія начинаютъ волноваться; дворянство венгерское вполнѣ намъ сочувствуетъ; католическое народонаселеніе Пруссіи тяготится иломъ лютеранъ, и вообще вся земля стонеть отъ владычества чужеземныхъ обладателей. При таковомъ всеобщемъ восстаніи Франція не останется, безъ сомнѣнія, равно-

думами срітальців; збратаючи щастя війнестогодної своєї політици; она, либо розійтися, покиже транштатъ 1815 года, дѣйствовать наступательно, и тогда 250,000-нар армія, усилена волохтерами Германії и Италиї, можетъ на три мѣсяца развернуть свою знамена на границы Польши; либо избрать нейтралитъ, ибо не виникнуло, менеѣ достойнство для высокой французской нації; она по крайней мѣрѣ поспішиться признать независимость Польши. Опираясь тутъ на право, воспрещающемъ вступаться вооруженною рукою ии дѣла постороннихъ державъ, она не допустить Австрії и Пруссіи противиться нашему возрожденію, привудить жиль, такимъ образомъ, себѣ дать строгий вейтфалитетъ.

Авторъ находитъ, что нарушение трактата 1815 г. возбуждение Польши противъ Россіи, есть дѣло вполнѣ законное. Не довольствуясь тѣмъ, онъ требуетъ отъ Франції подобного же нарушенія признаніемъ независимости Польши, и все это для какой цѣлі? Для защищы этой страны противъ Россіи, которая будто бы нарушила этотъ трактатъ. Онъ также требуетъ, чтобы Франція, опираясь на право, воспрещающемъ вступаться вооруженной рукою въ дѣла постороннихъ державъ, не давала бы Австрії и Пруссіи потушить мяченье въ польскихъ областяхъ, имъ принадлежащихъ въ силу прежніхъ трактатовъ и окончательно признаныхъ ихъ собственностью трактатомъ 1815 года. Онъ настаиваетъ на необходимости вмѣшательства Франції вооруженою рукою въ спорныхъ дѣла государствъ, вовсе для, нея постороннихъ.

«Въ первомъ случаѣ, продолжаетъ Солтъ, Пруссія и Австрія, отважеческия въ прошлую сторону силами Франції, могутъ лише выставить сабельніе силы противъ насъ, и мы можемъ двинуть промышленныя силы противъ Россіи. Во второмъ случаѣ — вся польская армія двинется противъ русской, промышленно еї потупакшій въ силѣ, которую стоять лишь довольно разъ побѣдить...»

«Большая часть членовъ общества, будучи вполнѣ согласна фундаментально возбужденію къ возстанію жителей Польши, и польско-rossijskikhъ губерній, возражаютъ однажды противъ остальной части плана. Всѣмъ не безъзвѣстно, говорили они, что отрасль нашего общества никогда не проиницали правильными образамиъ въ Шлезіи и Галицію, хотя патріотизъ жителей этихъ областей не подлежитъ сомнѣнію,.. но возможніи поручиться въ томъ, что при первомъ изѣвленіи нашихъ войскъ они, отчасъ восстанутъ? Войска, захваченія ихъ, могутъ ли быть легко сбитованы, или присоединены къ нашей арміи? Напишии достаконни для нашеовія сильнаго удара русскимъ, покири, помочи жителей Литви, Подолії, Волини, Білоруссії, України и въ особенности при единомъ сїи, съ літаками, коршесомъ, при незданихъ въ Польши и Галиції и при нападеніи на нее рѣбахъ троихъ державъ, выдержитъ ли мы ихъ удары? Неожиданніемъ мы дада надежды несбиточной усіхъхъ, прити несомнѣнными? Оставивъ въ порохъ Австрію и Пруссію, неимѣемъ ли мы право надѣяться, что обѣ эти держави останутся лишь равнодушними зрителямиъ возстанія, которое можетъ быть для нихъ доскую пользу, либо ослабленіе

Россії, вслѣдствіе войны ужасной и кровопролитной, либо раздробленіе этой державы на части. Та или другая будетъ весьма выгода для государства, справедливо опасающихся ранніго или поздніго вторженія Россіи въ ихъ владѣнія. Если нельзя надѣяться, что Австрія и Пруссія, предугадывали, что послѣ восстановленія нашего мы будемъ въ состояніи изогнать у нихъ силою области, кониі они беззаконно владѣютъ, не отказались бы заблаговременно отъ нихъ, дабы добровольнымъ пожертвованіемъ затруднить Россію и тѣмъ отградить себя отъ известной алчности ея иъ замоеваній. Это предположеніе, также правдоподобное, что уже въ 1815-году Австрія начинала измѣреди отказаться отъ своего участка, если только Россія и Пруссія постѣдуютъ ея примеру. Впрочемъ, если бы обѣ эти державы и не отказались добровольно бѣть своихъ участковъ, какъ то должна бы имъ винить здравая политика, въ такомъ случаѣ кто-намъ помѣщаетъ, несущіи пораженіе опаснѣшему врагу нашему, обратиться къ Австрію и Пруссію и отобрать у нихъ все насильно ими похищенное. Возможно ли тогда не разсчитывать на помощь Франціи; забѣральныи порывы которой возбудятъ во всѣхъ европейскихъ народахъ сильное сочувствіе.

На это авторъ 1-го предположенія возразилъ: «развѣ возстаніе, какое я требую, не сблизитъ насть съ Венгрией и Германіей? Въ случаѣ войны съ Россіею, Австрія и Пруссія лишатъ насть, безъ сомнѣнія, огромныхъ средствъ, нынѣ сосредоточенныхъ въ Галиціи и Познаніи. Не трѣбуетъ ли насть будеть оставить въ рукахъ естественныхъ, но доселѣ тайныхъ враговъ нашихъ, большія средства, кониі мы могли бы легко воспользоваться. Дай Богъ, чтобы это пренебреженіе не поклекло бы за собою нашей гибели: тогда будеть поздно обращаться къ друзьямъ нашимъ, когда уже помощь ихъ будетъ для насъ совершение необходимо».

Не взирая на эту выгоду, рѣшено было ограничиться возстаніемъ въ царствѣ польскомъ и польско-россійскихъ губерніяхъ. Между тѣмъ патріотическое общество, испуганное рѣшительными дѣйствіями нашего правительства, послѣ событія 14-го декабря, требовало немедленнаго приступленія къ дѣлу. Всѣдствіе этого образовались два новыхъ тайныхъ общества: одно военное, другое — гражданское, предметъ коихъ состоялъ въ скорѣющемся возбужденіи дѣя воєстанію, и потому было решено:

40 рѣшительныхъ и вооруженныхъ юнодей, въ шапкахъ, явившихся по одиночкѣ на Саксонской площади до развода, должны были скрыться въ толпѣ народа до прибытія цесаревича, кото-раго имъ надлежало первастъ убить. Этого должно было служить сигналомъ для 50-ти подпрапорщиковои дв. нападенію на русскихъ генераловъ и захвату ихъ въ плены. Войска, обрачимы для развода на площади, должны были провозгласить независимость Польши, немедленно устремиться въ казармы, занимаемыя русскими войсками и обезоружить ихъ. Для того, чтобы поддержать это дѣженіе, было назначено нѣсколько сотенъ учениковъ изъ

военныхъ училищъ, студентовъ и саперный баталіонъ, на коемъ основалась главная надежда заговорщиковъ. По словамъ Солтыка, усердіе и преданность въ пользу России русской гвардейской дивизіи, силою въ 7,000 чel., составленной изъ уроженцевъ польско-российскихъ губерній, были такъ же весьма сомнительны.

8-е октября было назначено днемъ восстанія въ Варшавѣ по той причинѣ, что 7 и 8 были днями, въ которыхъ польскіе гвардейскіе гренадеры должны были содержать караулы. Порядокъ гарнизонной службы, заведенной цесаревичемъ, былъ слѣдующій: эта обязанность должна была быть исполняема въ теченіе двухъ дней сряду русскими, а въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней—польскими. Въ теченіе этого времени было взято подъ стражу нѣсколько молодыхъ людей; цесаревичъ сталь, безъ всяаго намѣренія, измѣнять довольно часто порядокъ очередей по гарнизонной службѣ и рѣже присутствовать на разводахъ. Это побудило мятежниковъ отложить восстаніе до 29-го ноября.

Въ это время заговорщики, не желая терять времени, послали въ разныя воеводства для возбужденія восстанія между гражданами и войсками, и приведенія всего въ надлежащую готовность¹⁾. Звіерковскаго, Солтыка и другихъ важнѣйшихъ членовъ общества. Но въ половинѣ ноября стали распространяться слѣдующіе слухи: будто бы русское правительство высылаетъ въ Бельгію особую армію, которой приказано на походѣ обезоружить польскую; австрійцы выводятъ изъ Галиціи польскія войска въ Венгрию и замѣняютъ ихъ тамъ венгерскими; они свозятъ всѣ ружья и сабли польской милиціи въ крѣпости Моравіи, и наконецъ 30,000 прусскій ландверъ, выведенный также изъ Познани, размѣщенъ по крѣпостямъ Силезіи, где ему надлежитъ нести гарнизонную службу.

IV.

Итакъ, 17-го ноября, въ 7 часовъ вечера, покушенія нѣсколькихъ польскихъ подпрапорщиковъ убить цесаревича, въ Бельведерскомъ дворцѣ его, послужили сигналомъ къ всеобщему мятежу. Цесаревичъ, чудесно спасшійся, выступилъ въ ту же ночь съ

¹⁾ Невольно спросишь: что же дѣлала въ это время варшавская тайная полиція, которая, по мнѣнію самого Солтыка, стоила правительству около 3,600 руб. въ сутки.

В. Д.

русскими и некоторыми оставшимися върными польскими войсками въ деревню Виржбу, по дорогѣ въ Гуры и находящуюся въ трехъ верстахъ отъ заставы; здѣсь собралось до 8,000 чел. при 28-ми орудіяхъ.

Между тѣмъ въ бушевавшей Варшавѣ сатурналии и неистовства всякаго рода возрастали; вооруженное шлахетство и бездомная сволочь рыскали по городу. Буйная молодежь, махая саблями и осыпая ругательствами русскихъ, скакала по улицамъ; словомъ, наглость и самонадѣянность, столь свойственная полякамъ въ минуты успѣха, проявились здѣсь въ полномъ блескѣ. Но такъ какъ надлежало положить предѣль беззначанію, Совѣтъ правленія, установленный еще въ 1815 г., принялъ въ ту же ночь бразды правленія; президентомъ его былъ—Соболевскій, а членами—Мостовскій, Грабовскій, Раутенштраухъ, Козецкій, Фредро и князь Любецкій. Это было предпріятіе весьма отважное со стороны Совѣта, обязаннаго своимъ значеніемъ той власти, противъ которой возбуждено было восстаніе. Члены Совѣта, обнаружившіе здѣсь некоторую ловкость и смѣлость, имѣли вѣроятно въ виду удержать за собою прѣимущества, сопряженныя съ званіями, ими до сего времени носимыми. Они избрали еще новыхъ членовъ изъ лицъ, наиболѣе любимыхъ мятежниками, такъ, напримѣръ: Чарторижскаго, князя Михаила Радзивилла, Кохановскаго, генерала Паца, Нѣмцевича и Хлопицкаго. Этотъ послѣдній предвидѣлъ лучше другихъ гибельные послѣдствія мятежа, и не желая стать во главѣ правленія, какъ того всѣ желали, скрывался въ продолженіе некотораго времени въ городѣ и его окрестностяхъ. Совѣтъ, предписавъ образованіе національной гвардіи, назначилъ генерала Паца (съ оговоркой, до прибытія Хлопицкаго) начальникомъ польскихъ войскъ, коихъ число не превосходило въ то время 4,500 человѣкъ, ибо некоторые еще колебались приступить къ бунтовщикамъ, другіе же послѣдовали за цесаревичемъ.

Все сказанное Солтыкомъ явно опровергаетъ мнѣніе автора вышепредставленного предначертанія, который былъ, повидимому, твердо убѣжденъ въ томъ, что при первомъ извѣстіи о восстаніи Варшавы всѣ войска и сословія всего древняго польского государства не замедлять тотчасъ пристать къ мятежникамъ. Какъ велико было разочарованіе его и всѣхъ, подобныхъ ему мечтателей

лей, когда въ самой Варшавѣ — этомъ гнѣздилищѣ вражды противъ Россіи, вмѣсто 10,000 чл., на которые разсчитывали, по словамъ Солтыка, явилось лишь 4,500 человѣкъ! Чего же должно было ожидать отъ войскъ и жителей, расположенныхъ въ Варшавѣ! Возможно ли было послѣ того полякамъ вступить въ одно время въ Галицію, Познань, Литву, Волынь и овладѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней крѣпостями: Кіевомъ, Бобруйскомъ, Дніабургомъ, Ригой и Глогау? Такъ всегда неограниченныя желанія легкомысленной толпы рождаются въ ней необычайные замыслы, далеко не соотвѣтствующіе средствамъ, коими они могутъ располагать. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, какъ легко было нашимъ войскамъ, вступивъ на слѣдующій день обратно въ Варшаву, потушить мятежъ въ самомъ его зародышѣ. Предложеніе о томъ было отвергнуто лишь вслѣдствіе воспоминанія о событияхъ 1794 г. Войска Игельстрѣма понесли тогда жестокое пораженіе не по причинѣ пребыванія своего посреди возмутившагося города, но потому, что они, будучи разсѣяны въ немъ, и вовсе не готовы къ принятию боя, нашлись вынужденными пробиваться малыми частями сквозь огромныя толпы войска и вооруженныхъ жителей. Ничего подобнаго не могло здѣсь случиться, если бы войска наши рѣшились вступить въ городъ, чрезъ Мокотовскую заставу, 18-го поутру, одною колонною. Независимо отъ нашего материальнаго превосходства въ силахъ надъ мятежниками, смѣлость и рѣшительность съ нашей стороны могли дать важные результаты. Если бы даже это предпріятіе ѹ неудалось, то мы могли, очистивъ еще разъ городъ, вступить уже не черезъ Мокотовскую заставу, а чрезъ Вислу въ Прагу, слѣдя самыи естественнымъ, прямымъ и удобнымъ путемъ сообщенія съ Россіею, что одно представляло огромныя выгоды. Ясно было, что одно шляхетство и городская сволочь изъ тунеядцевъ желали возстанія, но многочисленнѣйшій классъ народонаселенія, состоящий изъ хлѣбопашцевъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, слабо поддавался внушеніямъ заговорщиковъ. Не взирая на вліяніе генераловъ и офицеровъ, принадлежавшихъ къ патріотическому обществу, солдаты послѣднихъ трехъ классовъ весьма нерѣшительно и неохотно приставали къ мятежникамъ. Вообще нерѣшительность и малая надежда на успѣхъ были замѣтны у самихъ заговорщиковъ; хотя послѣдовало тайное приказаніе нѣкоторымъ полковымъ команди-

рамъ польскихъ войскъ, причастныхъ къ бунту, атаковать въ рас-
плохъ русскую гвардейскую артиллерию, квартировавшую въ Скер-
невицахъ, но такъ какъ никто не рѣшился привѣстъ это въ ис-
полненіе, артиллерия благополучно соединилась съ цесаревичемъ
въ Виржбѣ.

Хлопицкій, бывшій вѣсма честнымъ, но бѣднымъ человѣ-
комъ, удостоился чести командовать французскими войсками во
время Наполеона, возведшаго его въ званіе барона импераціи, чтѣ
доставляло ему 6,000 франковъ ежегоднаго содержанія.

Ермоловъ, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ, въ
1821 году, сказалъ государю: «Я вполнѣ удивляюсь, какъ могли
выпустить въ отставку Хлопицкаго».

На чтѣ его величества отвѣчалъ: «Я вынужденъ былъ уволить
его потому, что онъ позволялъ себѣ явно насмѣхаться надъ нѣ-
которыми подробностями нашей фронтовой службы».

Въ самомъ началѣ восстанія Хлопицкій, явившись къ цесар-
евичу, вызывался занять гвардейскимъ полкомъ арсеналь, напол-
ненный оружиемъ, и недопустить мятежниковъ овладѣть имъ; но
его высочество не рѣшился воспользоваться этимъ предложеніемъ.
Впослѣдствіи императоръ Николай имѣлъ одно время въ виду
наказать его ссылкой, но когда ему объяснили, что мы обязаны
Хлопицкому тѣмъ, что мятежъ не охватилъ Литвы, онъ назна-
чилъ ему пожизненный пенсіонъ.

Хлопицкій, явившись 19-го ноября, напечаталъ вынужденнымъ
принять на себя, послѣ продолжительныхъ отговорокъ, званіе
главнокомандующаго всѣми польскими войсками. Возникшій между
тѣмъ вполнѣ якобинскій клубъ, подъ предсѣдательствомъ профес-
сора Лелевеля, увлекалъ чернь и буйную молодежь дѣйствовать
наперекоръ Совѣта, имѣвшаго въ виду дать всему дѣлу нѣкото-
рый правильный порядокъ. Вынужденный уступить требованіямъ
большинства, Совѣтъ исключилъ изъ своего состава Соболевскаго,
Грабовскаго, Раутенштрауха, Кавецкаго и Фредро, почитавшимися
слишкомъ умѣренными, и замѣнилъ ихъ Дембовскимъ, Остров-
скимъ, Молоховскимъ и Лелевелемъ, который, въ свою оче-
редь, уступилъ свое мѣсто въ клубъ Брониковскому. Всѣдѣ-
ствіе объявленнаго цесаревичемъ желанія видѣться съ нѣкоторыми
членами Совѣта для узнанія истинныхъ требованій нації, кои онъ
желалъ по возможности удовлетворить, присланы были въ Вирж-

бу: Чарторижскій, Любецкій, Островскій и Лелевель; имъ было предписано требовать прежде всего возвращенія царству конституції, дарованной ему въ 1815 году, и присоединенія къ нему польско-rossiйскихъ губерній. Сверхъ того имъ было поручено вывѣдать, косвенными путями, о истинныхъ намѣреніяхъ цесаревича, у котораго надлежало также истогнуть рѣшительный отвѣтъ о назначеніи литовскаго корпуса: предписано ли ему вступить въ царство или нетъ? После пяти-часовой конференціи цесаревичъ, принявший весьма благосклонно депутатовъ, вручилъ имъ слѣдующее письменное объявление:

«1) Его высочество объявляетъ, что, не имѣя намѣренія аттаковать городъ войсками, находящимся подъ его начальствомъ, онъ, въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій, обязуется извѣстить о томъ правительство за 48 часовъ.

«2) Его высочество принимаетъ на себя ходатайство у престола его величества императора и короля о милосердномъ забвѣніи всего прошлаго.

«3) Его высочество объявляетъ, что онъ не давалъ повелѣнія литовскому корпусу вступить въ царство польское.

«4) Пленные будутъ освобождены».

Чрезъ три дня Варшава представляла совершенно иной видъ. Совѣтъ правленія царь и былъ замѣненъ вполнѣ мятежнымъ временнымъ правленіемъ; избраны были членами Совѣта: Чарторижскій, Лелевель, Островскій, Кохановскій, Пацъ, Дембовскій и Нѣмцевичъ. Сеймъ долженъ былъ быть собранъ къ 6-му декабря; полки Шембека и Скржинецкаго вступили въ городъ, гдѣ буйство клубовъ и черни достигло высшей степени. Сверхъ того было послано приказаніе Гельгуду, въ Радомъ, и Круковецкому, въ Раву, о направлении вѣрныхъ имъ войскъ къ Варшавѣ, для того, чтобы угрожать этимъ движеніемъ единственному пути отступленія цесаревича на Гуры и Пулаву. Это послѣднее обстоятельство побудило его высочество, оставивъ лѣвый берегъ Вислы, направить свой путь къ границѣ имперіи. Цесаревичъ почелъ нужнымъ переслать во временное правленіе другое объявление:

«Дозволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ до сей минуты вѣрными, присоединиться къ своимъ.

«Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ

столицы. Я надѣюсь на великодушіе польской націи, и увѣренъ, что мои войска не будутъ во время движенія ихъ къ границамъ тревожими. Я вѣряю покровительству націи охраненіе зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ».

По мнѣнію нѣкоторыхъ, цесаревичъ послалъ приказаніе русскимъ войскамъ, занимавшимъ Модлинъ, очистить эту крѣпость, которую мятежники послѣшили занять. Не опровергая этихъ слуховъ, я однако не могу поручиться за ихъ достовѣрность. Того же числа, то-есть 29-го ноября, цесаревичъ, успокоенный циркулярнымъ приказаніемъ Хлопицкаго, запрещавшаго полякамъ тревожить наши войска во время ихъ движенія къ границамъ имперіи, выступилъ изъ Виржбы на Гуры.

Между тѣмъ во всѣхъ частяхъ правленія царствовалъ величайший беспорядокъ; въ Варшавѣ же проісходили пейстовства всякаго рода. Хлопицкій, почитая необходимымъ положить предѣль беззначалію, убѣдилъ 23-го числа временное правительство облечь его диктаторскою властью. Это было утверждено сеймомъ 8-го декабря при кликахъ черни, которымъ Хлопицкій едва внималъ. Новое правительство было учреждено на слѣдующихъ основаніяхъ: Диктаторъ, Надзирательная комиссія, избираемая изъ членовъ сейма и имѣвшая право лишать, по своему усмотрѣнію, диктатора власти, и министры, отвѣтственные предъ сеймомъ.

Хлопицкій умѣлъ уладить дѣло такимъ образомъ, что надзирательная комиссія находилась вполнѣ подъ его вліяніемъ, ибо значительнѣйшіе члены ея были имъ включены въ какую-то национальную комиссію, которая была ему непосредственно подчинена. Хлопицкій, вступивъ въ свои права, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и Езерскаго съ всеподданѣйшимъ донесеніемъ о прекращеніи имъ беззначалія и всеподданѣйшей просьбой возвратить царству конституцію 1815 года и даровать подобную же польско-российскому губерніямъ. Хлопицкій выразилъ при этомъ собственныя чувства преданности, питаемыя имъ къ особѣ его величества. Отправивъ ихъ въ Петербургъ, онъ строго запретилъ, подъ опасеніемъ лишенія жизни, важнѣйшимъ мятежникамъ, вызвавшимся, подобно Солтыку, истребить войска цесаревича, либо захватить его самого въ пленъ, либо предпринимать что-либо противу нашихъ войскъ. Приказавъ закрыть всѣ клубы,

возникшіе въ Варшавѣ, онъ сталъ строго наблюдать за тайными обществами и скопищами всякаго рода. Онъ говорилъ явно всѣмъ, что, дѣйствуя лишь какъ вѣрноподданный короля своего (императора Николая), онъ продолжаетъ совершать акты именемъ его величества. Замѣчательно то, что во время диктаторства Хлопицкаго, имя нашего государя не преставало гремѣть въ храмахъ во время богослуженія. Онъ послалъ адъютанта своего, графа Замойскаго, къ командиру литовскаго корпуса барону Розену съ объясненіемъ, что по случаю отѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ надеждѣ умиротворить край безъ пролитія крови, онъ требуетъ, чтобы не было предпринято съ его стороны какихъ-либо военныхъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ Розенъ долженъ будетъ отвѣтить самому государю за пролитіе единой капли крови до получения высочайшаго на то повелѣнія.

Не взирая на предложеніе, сдѣланное ему княземъ Любецкимъ до отѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы, о распространеніи возстанія въ польско-rossiйскихъ губерніяхъ и мнѣнія Солтыка и Кцицкаго, вызывавшихся привести это въ исполненіе, Хлопицкій, несогласившись съ нимъ, объявилъ даже прибывшимъ депутатамъ Волыни, Литвы и Подоліи, что у него нѣтъ ни одного царя на кѣ ихъ услугамъ. Было очевидно, что диктаторъ, ожидавшій со стороны Россіи единства въ усиліяхъ, видѣвшій во всемъ царствѣ полное развитіе анархіи и ненадѣявшійся на счастливый исходъ возстанія, думалъ спасти свое отечество не прибегая къ оружію, а стараясь до полнаго подчиненія Польши Россіею привести ее предварительно въ совершенную отъ себя зависимость. Не взирая на эти явные намѣренія Хлопицкаго, онъ не упалъ однако во мнѣніи своихъ соотчичей. Поляки, понимая по-своему характеръ Хлопицкаго, не могли допустить, чтобы этотъ человѣкъ былъ способенъ заглушать въ себѣ голосъ честолюбія и мщенія послѣ предосудительного и оскорбительного къ себѣ невниманія цесаревича и ряда личныхъ неудовольствій, испытанныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; большинство, мечтавшее лишь о войнѣ, полагало всѣ свои надежды на одного Хлопицкаго. За недостаткомъ лучшихъ генераловъ всѣ превозносили военные дарованія Хлопицкаго, неимѣвшаго однако случая командовать большими массами войскъ. Какъ бы то ни было, но въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Хло-

ницкій, не имѣя соперниковъ, быть потому человѣкомъ необходимымъ, которого поддерживали даже тѣ, противъ желанія которыхъ онъ явно дѣйствовалъ. Однако благоразуміе требовало, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки лицамъ, управлявшимъ общественными мѣрніемъ, безъ чего ему было невозможно достигнуть избранной цѣли. Занявшись устройствомъ арміи, онъ отправилъ двухъ ргиментаржей или главныхъ наборщиковъ и обучителей ополченія: одного—Солтыка, въ воеводства, лежащія на правомъ берегу Вислы, а другого—Малаховскаго, въ воеводства лѣваго берега. Поручивъ Чарторижскому вступить въ письменныя сношенія съ Австріей, онъ отправилъ Валевскаго въ Парижъ, Віалопольскаго—въ Лондонъ, Мостовскаго—въ Берлинъ. Всѣ мѣры, принимаемыя ргиментаржами, не только не встрѣчали одобренія и поощренія со стороны диктатора, но онъ явно стремился затруднить приведеніе ихъ въ исполненіе. Наставленія дипломатическимъ агентамъ заключались лишь въ томъ, чтобы склонить дворы къ посредничеству между Польшей и Россіей, исходатайствованію у нашего государя возвращенія царству конституціи 1815 года и дарованію подобныхъ учрежденій польско-rossійскимъ губерніямъ; въ нихъ не было упомянуто объ отторженіи этого царства и польско-rossійскихъ губерній отъ Россіи. Диктаторъ, будучи глубоко убѣжденъ, что не въ самостоятельности Польши заключался залогъ ея благоденствія, но въ покровительствѣ Россіи этому царству, удовольствовался столь умѣренными требованиями.

V.

Между тѣмъ цесаревичъ отступалъ благополучно на Гуры и Пулаву; но здѣсь одна польская артиллерійская рота, неизвѣщенная еще о томъ, что Хлопицкій строго запретилъ безпокойть наши войска, приготовилась, вмѣсть съ жителями мѣстечка, преградить намъ переправу чрезъ Вислу. Но, къ нашему благополучію, повелѣніе Хлопицкаго пришло еще вѣ-время, и потому эта рота, двинувшись въ Варшаву, не помѣшала нашимъ вступить въ Пулаву. Это приказаніе было сообщено ротѣ генераломъ Вейсфло-комъ, квартировавшимъ съ однимъ изъ уланскихъ полковъ своей бригады въ Люблинѣ. Прибывъ въ Пулаву, цесаревичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ престарѣлую княгиню Чарторижскую, называемую имъ «Бабой-Ягой».

Хотя сынъ этой главнѣйшей виновницы возстаній поляковъ противъ Россіи въ теченіе цѣлыхъ 60-ти лѣтъ, носилъ еще званіе члена россійскаго государственного совѣта, но онъ былъ уже членомъ вновь учрежденной комиссіи въ Варшавѣ.

Цесаревичъ, на котораго, какъ и на всѣхъ русскихъ, явно сыпались всѣдѣ страшныя ругательства, не могъ не замѣтить, что шапки и шляпы всей дворни княгини и вообще всѣхъ пулавскихъ жителей были украшены національными вѣкардами; выступивъ изъ Пулавы, онъ двинулся на Куревъ-Маркушевъ и Каменку, съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. Войска наши слѣдовали до самаго Любартова, по крайне дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, совершенно испортившимся вслѣдствіе продолжительной дурной погоды; главная забота цесаревича состояла въ томъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ польскими войсками, коихъ невозможно было опасаться: во-1-хъ, вслѣдствіе приказанія, отданаго Хлопицкимъ; и во-2-хъ, по причинѣ значительного превосходства нашего корпуса надъ разбросанными, небольшими отрядами мятежниковъ. Цесаревичъ хотѣлъ двинуться изъ Любартова, чрезъ Коцѣ, на Брестское шоссе, около Біялы, но такъ какъ по слухамъ Біяла была уже занята нѣсколькими мятежниками, присланными сюда изъ Варшавы для наблюденія за литовскимъ корпусомъ, сосредоточеннымъ между Брестомъ и Бѣлостокомъ, то цесаревичъ предпочелъ, пробравшись вправо, на Влодаву, вступить въ границы нашей имперіи, гдѣ и расположился въ окрестностяхъ Ружанъ и Слонима, позади литовскаго корпуса.

Въ этомъ быстромъ и вмѣстѣ чрезмѣрно осторожномъ отступленіи видна господствующая мысль цесаревича: избѣгать, по возможности, встрѣчи съ мятежными войсками; онъ, вѣроятно не желая подавать повода къ рѣшительному разрыву съ царствомъ, думалъ, что пока между нашими и польскими войсками еще не воспослѣдовало кровавой встрѣчи, всегда было возможно приступить къ возобновленію мирныхъ переговоровъ, не унижая тѣмъ величія Россіи; если бы даже и нельзя было избѣжать стычки, онъ имѣлъ въ виду не допускать большого кровопролитія, чтѣмъ могло лишь ожесточить другъ противъ друга оба сражавшіеся народа. Такова была, повидимому, мысль цесаревича, которой онъ, можно сказать, остался вполнѣ вѣренъ во все продолженіе

войны. Малѣйшая капля крови, пролитая войсками цесаревича въ битвѣ съ поляками, могла отдалить на самое неопределеннѣе время умиротвореніе страны: съ одной стороны исчезла бы на-всегда возможность выдти съ честью изъ дѣла, предпринятаго весьма легкомысленно; съ другой — великодушное забвеніе о проигравшемъ становилось невозможнымъ, но надлежало, напротивъ, привѣгнуть къ силѣ оружія для усмиренія возникшаго мятежа. Во-обще всѣ дѣйствія цесаревича въ эту эпоху столь таинственны, что значительное большинство его подчиненныхъ, никогда ему ни въ чемъ не сочувствовавшее, явно обвинило его . . . . . Хотя я глубоко убѣжденъ, что русскій великий князь не могъ забыть обязанностей своихъ относительно своего государя и отечества, но я долженъ съ прискорбиемъ сказать, что поведеніе цесаревича подало поводъ къ нареканіямъ страшнѣмъ и неотразимымъ. Этотъ своенравный, но не мужественный человѣкъ, не привыкшій съ самаго дѣтства своею обуздывать порывовъ своего крутого и свое-вольнаго характера, требовавшій отъ всѣхъ лишь безусловнаго исполненія малѣйшихъ своихъ прихотей, былъ вынужденъ терпѣливо выслушивать надменныя и дерзкія требованія лицъ, не-задолго предъ тѣмъ распостертыхъ у его ногъ. Онъ дѣлалъ все это, имѣя вѣроятно въ виду лишь пользу Россіи, которой онъ не могъ не любить. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаю я, ио не такъ думали о томъ поляки. И подлинно, уваженіе, оказываемое цесаревичемъ крамольному совѣту во время офиціальныхъ съ нимъ сношеній, по истинѣ непостижимо; онъ, казалось, весьма охотно признавалъ законность мятежнаго правительства, и тѣмъ поощрялъ европейскіе дворы къ провозглашенію независимости Польши. Цесаревичъ, постоянно взыскательный и мало привѣтливый съ своими подчиненными, совершенно измѣнился въ отно-шениіи къ полякамъ. Вниманіе и ласковое обращеніе его съ поляками, осмѣлившимися утруждать его предложеніями, вполнѣ оскорбительными для чести русскаго имени, возбудило во всѣхъ русскихъ всеобщее негодованіе. Не разъ на вопросы ко-мандировъ польскихъ полковъ, еще оставшихся вѣрными намъ: «куда прикажетъ имъ идти его высочество?» онъ отвѣчалъ: «по-винуйтесь уже не мнѣ, а вашему новому правительству». . . . .

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстрашныхъ

героевъ, въ чёмъ я не разъ имѣлъ случай лично убѣждаться, страстно любилъ военную службу; но для лицъ, неодаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключалось лишь въ несносно-педантическомъ, убивающимъ всякую умственную дѣятельность, парадированиі. Глубокое изученіе ремешковъ, правильѣ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣльванія ружейныхъ пріемовъ, коимъ щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ 'непогрѣшительности, служить для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ, поэтическихъ наслажденій¹⁾. Ряды арміи постепенно наполняются потому лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военного устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе частями, чтò приносить этимъ личностямъ значительныя беззаконныя материальныя выгоды..... Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе .....: не щадяты ни силъ, ни средствъ для приведенія этой отрасли военного искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ, выдѣльванія темповъ, наша армія, безспорно, превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку? Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенные войскомъ въ мирное время фронтовыхъ свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцій на марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію, и сознавая по опыту пользу строевого образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого одного не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрного количества мелочей, не столько поясняющихъ, сколько крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что над-

¹⁾ Просимъ не забывать, что все здѣсь сказанное относится къ давнему времени, почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время, въ виду известныхъ реформъ по военному вѣдомству, подобные укоры не могутъ уже имѣть мѣста.

Ред.

лежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ не стѣснить частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія которыхъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственностіи—это верхъ безмыслия. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самимъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонять отовсюду способныхъ и просвѣщенныхъ людей, кои, либо удаляются со служебнаго поприща, либо, убитые безмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремятся, не понимая истинныхъ требованій вѣка; какія заботы и огромныя материальныя средства посвящены на гибельное развитіе системы, которая, если продлится, надолго лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Но дай Боже убѣдиться намъ на опыте, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякоаго успѣха! Мысль, что цѣлое поколѣніе воспитывается въ подобныхъ идеяхъ—ужасна; это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу. Мы, уже состарившемся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, неудастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ лишь окружено толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилие этихъ лицъ, недопускать до него справедливыя требованія вѣка, могутъ лишь ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ¹⁾.

Войска польскія, не умѣя объяснить себѣ поведеніе цесаревича, которое они приписывали не желанію рѣшить вопросъ миролюбивымъ путемъ, но лишь чувству робости, потеряли къ нему всякое довѣріе; съ утратой довѣрія—исчезло всякое еть нему повиновеніе.

Меня увѣряли очевидцы, какъ поляки, такъ и русскіе, проживавшіе въ то время въ Варшавѣ, что послѣ выступленія на-

¹⁾ Эти вѣція слова доблестнаго воина сказаны за двадцать лѣтъ до Севастопольскаго разгрома, пробудившаго Россію.

шихъ войскъ въ Виржбу, 17-го ноября можно было потушить народное волненіе въ самомъ городѣ; на другой день утромъ съ шестью баталіонами, къ вечеру того же дня—десятю баталіонами, но на слѣдующій день и 26,000 человѣкъ были бы уже недостаточны, тѣмъ болѣе, что въ городѣ уже вступили нѣсколько мятежныхъ польскихъ полковъ, шляхетство и разная буйная сволочь, и тогда уже характеръ восстанія ясно обозначился. Это было весьма правдоподобно, ибо, какъ мы выше видѣли, Варшава заключала въ себѣ, еще 18-го ноября утромъ, не болѣе 4,500 чел. войска. Поляки утверждали, что офиціальный характеръ сношеній цесаревича съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, а изъявленное его высочествомъ полное согласіе на статьи, поднесенные ему этимъ правительствомъ, равносильно торжественному признанію независимости царства польскаго. Они еще болѣе выводили подобное заключеніе изъ слѣдующаго: извѣстно, что цесаревичъ приказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польскихъ войскъ (въ числѣ коихъ находился командиръ полка Кржинецкій и Гельгудъ, командовавший одной пѣхотной бригадой): повиноваться уже не ему, а народному правленію; это приказаніе было вѣроятно дано его высочествомъ изъ опасенія измѣнъ сихъ полковъ и собственного плѣна. Какъ бы то ни было, но эти полки превзошли, напротивъ, всѣ прочіе въ ненависти къ русскимъ и въ стараніи раздуть по возможності пламя бунта. Присоединеніе этихъ полковъ къ войскамъ цесаревича могло возродить въ царствѣ новую Вандею; многія изъ лицъ, еще колебавшихся принять явное участіе въ восстанії, отъ недостатка ли смѣлости, отъ убѣжденія ли, что 4,000,000-ое народонаселеніе не въ состояніи бороться съ 54-хъ-милліоннымъ, или отъ справедливаго опасенія, что благоденствіе края, доселѣ ограждаемое законами, будетъ замѣнено всеобщимъ разореніемъ вслѣдствіе буйнаго своеволія, не затруднились бы, можетъ быть, пристать къ намъ. Хотя эти лица, увидавъ, напротивъ, что цесаревичъ дозволилъ польскимъ войскамъ присоединиться къ мятежникамъ, и опасались висѣлицы, выставленной Лелевелемъ и ксендзомъ Пулавскимъ, и хотя они оплакивали измѣненіе старого порядка, но они не могли не объявить своихъ сочувствій къ народному дѣлу. Я предоставлю моимъ читателямъ выводить изъ всего сказаннаго свои собственныя заключенія; что же касается

лично меня, то я, какъ исключительно военный человѣкъ, не могу не надивиться слѣдующему обстоятельству: пренебреженію цесаревича захватить Замостьскую и Модлинскую крѣпости, которыхъ онъ бы могъ удержать за собой до прибытія нашихъ главныхъ силъ. Въ Модлинѣ находился малочисленный и неготовый къ оборонѣ гарнизонъ, коего часть, услыхавъ о возстаніи столицы, еще недоумѣвала на что рѣшился, но большая его часть ничего еще о томъ не знала. Какъ много выиграли бы наши военные дѣйствія въ самомъ началѣ войны, если бы наши главныя силы нашли эти крѣпости занятymi своими. Да не подумаютъ, что войскамъ, оставленнымъ въ этихъ крѣпостяхъ, предстояла какая-либо опасность со стороны противной арміи: Модлинъ былъ сильно укрѣпленъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Что касается до обороны крѣпости, послѣ овладѣнія ею, то это не могло представлять намъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ польской арміи не было ни одного осадного орудія; если бы она имѣла у себя нѣсколько такихъ осадныхъ парковъ, то и въ такомъ случаѣ она не рѣшилась бы отдалиться отъ Варшавы, куда ежеминутно ожидали прибытія нашей главной арміи. Диктатору приплюсъ бы потому ограничиться одной блокадой, которая, какъ известно, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: осаждающіе, при первомъ извѣстіи о приближеніи нашей арміи, поспѣшили бы отступить къ Варшавѣ. Надо присовокупить, что цесаревичъ, отступая на Гурьи и Пулаву, могъ тѣмъ легче занять Замостье. Чтобы захватить Модлинъ ему надлежало, оставивъ Пулаву, слѣдоватъ почти мимо Прагскаго предмѣстія, откуда поляки, собравшіеся въ Варшавѣ, могли атаковать его; это могло подать поводъ къ битвѣ, чего цесаревичъ тщательно и явно избѣгалъ. Во всякомъ случаѣ ему надлежало достигнуть поспѣшнѣе Брестскаго шоссе, и тогда Модлинъ могъ бы быть легко занятъ нашими войсками. Сноменія цесаревича съ народнымъ правленіемъ приняли бы совершенно иной характеръ. Удержавъ за собой Модлинъ, мы могли господствовать надъ обоими берегами, что значительно облегчило бы нашей главной арміи атаку Варшавы, обнесенной лишь небольшимъ валомъ. Въ случаѣ, если бы мятежники рѣшились отдалиться отъ Праги, неимѣвшей еще предмостнаго укрѣпленія, мы могли бы дѣйствовать противъ нихъ съ фланга, съ тыла или наперѣдъ. Нѣть сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ поля-

ки не замедлили бы изъявить полную покорность. Занятие нашими Замостья, не представляя для насъ тѣхъ же выгодъ, значительно способствовало бы успѣху войны. Это охранило бы Волынскую, Подольскую и Киевскую губерніи отъ вторженія поляковъ и исчезли бы выгоды, доставляемыя имъ этою крѣпостью, которая находилась на прамъшнейшемъ сообщеніи съ Галициею, откуда поляки въ теченіе войны получали за деньги порохъ, оружіе и сѣйстные припасы. Обмундированные, вооруженные и обученные военному ремеслу выходцы галицкіе, соединившись со многими бѣглецами изъ Волыни, Подоліи и Киевской губерніи, отправлялись вдоль австрійской Галиціи, къ Завихосту; перейдя здѣсь Вислу, они слѣдовали лѣвымъ ея берегомъ въ Варшаву. Обладаніе сей крѣпостью избавило бы насъ отъ необходимости ослабить нашу армію, которой во все время войны угрожали съ лѣваго фланга и почти съ тыла сперва Дверницкій, потомъ Хржановскій, находившіеся близъ Замостья; мы нашлись въ послѣдствіи вынужденными обеспечить свой лѣвый флангъ корпусами Крейца и Ридигера. Когда уже было явно, что Варшаву невозможно было усмирить 19-го поутру, мы могли выступить изъ Виржбы и, слѣдя быстро сквозь разсѣянныя малочисленныя мятежные отряды, достигнуть Замостья, отстоящаго отъ Варшавы въ 260 верстахъ, не болѣе какъ въ 8 дней. Если ореоль власти, озарившій цесаревича, померкъ уже въ самой Варшавѣ, то онъ былъ еще въ полномъ блескѣ въ отдаленныхъ краяхъ царства; внезапное прибытіе цесаревича съ войсками къ малосильному и ни о чёмъ еще неизвѣщеному гарнизону, привыкшему трепетать при одномъ словѣ его высочества, возымѣло бы на него сильное дѣйствіе, и, безъ сомнѣнія, ворота крѣпости тотчасъ бы растворились предъ нами. Мы, во всякомъ случаѣ, рисковали не многимъ; если бы намъ это предпріятіе не удалось, мы, подвергшись нѣсколькимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, и пройдя съ небольшимъ милю, могли вступить въ свои предѣлы, но уже не въ Владавѣ, а въ Усти-лугѣ. Въ началѣ декабря литовскій корпусъ, въ соединеніи съ войсками цесаревича и въ ожиданіи прибытія главной арміи находился бы уже на нашей границѣ. Надо сознаться, что цесаревичъ и его окружающіе совершенно растеряли головы.

Здѣсь представляется вопросъ: надлежало ли ожидать прибытія главной арміи или, соединившись съ литовскимъ корпу-

сомъ, что составило бы около 50,0000 человѣкъ, тогчашь открыть военныя дѣйствія противъ 30,000 польской арміи, еще не приведенной въ надлежащій порядокъ. Если бы въ литовскомъ корпусѣ офицеры и нижніе чины были коренные русскіе, тогда, безъ сомнѣнія, надлежало воспользоваться превосходствомъ нашихъ силъ надъ непріятелемъ, коего силы, будучи разсѣяны, не могли выдержать нашихъ ударовъ. На литовскій корпусъ, сформированный болѣею частью изъ уроженцевъ польско-rossiйскихъ губерній, невозможно было полагаться въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ успѣхъ и неудача много зависѣли отъ первого удара. Хотя отсрочка въ дѣйствіяхъ представляла много выгодъ полякамъ, способствуя полному развитію ихъ средствъ, но при взаимной неготовности обѣихъ враждующихъ сторонъ, она дозволяла намъ одержать съ болѣею вѣроятностью рѣшительные успѣхи надъ непріятелемъ. Средства, коими могли располагать поляки, возрасли бы, безъ сомнѣнія, въ теченіе первыхъ трѣхъ мѣсяцевъ, но недалѣе, напротивъ, средства Россіи были, можно сказать, неистощимы. Основываясь на этомъ, было рѣшено съ нашей стороны отложить наступленіе до прибытія главной арміи.

Мы еще болѣе убѣдились въ пользу отсрочки изъ слѣдующаго: иепостоянство поляковъ, коихъ увлеченіе и пыль могли охладить; несогласія и споры, а можетъ быть и междуусобныя браны могли возникнуть среди многочисленнаго собрища людей, гдѣ господствовалъ духъ своеолія, столь враждебный мудрому единодержавію, умѣряемому лишь совѣтомъ свѣдущихъ, даровитыхъ и испытанныхъ мужей; лишь подобное единодержавіе было въ состояніи направить ихъ частныя усилія къ одной общей цѣли.

Теперь возникаетъ другаго рода вопросъ: если литовскому корпусу и войскамъ, приведеннымъ цесаревичемъ, надлежало воздержаться до прибытія главныхъ нашихъ силъ отъ наступленія, слѣдовало ли полякамъ до этого времени приблизиться къ мѣсту расположения литовскаго корпуса. Хлопицкій воздержался отъ этого не потому, что польза этого движенія ускользнула отъ его проницательности, но потому лишь, что онъ ожидалъ спасенія Польши, легкомысленно начавшей кровавую борьбу съ Россіею, не отъ битвъ, но отъ мирныхъ переговоровъ. Я только этимъ объясняю себѣ пренебреженіе Хлопицкаго къ подобнаго рода дѣйствіямъ. Но неужели онъ надѣялся на успѣшный исходъ пере-

говоровъ, начатыхъ Любецкимъ и Озерскимъ? Оцѣння по достоинству патріотизмъ Хлопицкаго, пожертвовавшаго своимъ честолюбіемъ высокому чувству истинной любви къ отечеству и клятвѣ, имъ уже произнесенной, я невольно вопрошаю себя: неужели надѣлся онъ, въ награду за обузданіе беззначалія въ Варшавѣ, несогласіе на распространеніе мятежа въ цѣльско-rossiйскихъ губерніяхъ, что нашъ государь изъявитъ свое согласіе на предложенія, присланныя ему чрезъ депутатовъ? Эти предложенія, украшенныя выраженіями, исполненными вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ, были въ сущности таковы, что русскій государь не могъ принять ихъ. Пятилѣтнєе царствованіе императора Николая, обнаружившаго замѣчательную настойчивость, должно было открыть глаза Хлопицкому. Притомъ требованія его различествовали отъ требованій мятежниковъ лишь тѣмъ, что онъ были облечены въ формы болѣе мягкия, тогда какъ требованія этихъ послѣднихъ были объявлены нагло и съ оружиемъ въ рукахъ. Въ сущности, требованія ихъ были одни и тѣ же, а потому уступка съ нашей стороны обличила бы въ насъ слабость и робость, коихъ мы въ себѣ никакъ не сознавали. Послѣ этого заблужденіе Хлопицкаго, пренебрегшаго принять мѣры къ скорѣйшему приготовленію себя для продолжительной борбы на жизнь и смерть, и замедлявшему развитіе всѣхъ необходимыхъ для того средствъ, въ надеждѣ на заключеніе выгоднаго съ Россіею мира, непростительно. Жребій былъ брошенъ, и потому Хлопицкому надо было избрать одно изъ двухъ: либо не принимать на себя званія диктатора, и не вступая въ споренія съ мятежниками, уклониться отъ участія въ возстанії; либо принять это званіе съ явнымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ вести борьбу съ Россіею до полнаго изнеможенія силъ. Это было бы по крайней мѣрѣ вполнѣ согласно логикой; первая система могла возбудить противъ него ненависть и негодованіе поляковъ и подвергнуть его большой опасности; вторая же—должна была навлечь на него полное неблаговоленіе资料 of our godly father, осмѣливались требовать, чтобы онъ пожертвовалъ для нихъ достоинствомъ и честью

своей имперіи. Едва ли самъ Хлопицкій въ минуты, когда онъ не увлекался несбыточными фантазіями, не отчаялся въ успѣхѣ начатаго дѣла. Итакъ, если Хлопицкій рѣшился захватить диктаторскую власть у временнаго правительства, то онъ долженъ былъ не замедлять и затруднять развитіе боевыхъ средствъ своего отечества, но, напротивъ, не щадить усилий для успѣшнѣшаго и скорѣйшаго вооруженія и образованія наибольшаго количества войскъ, чѣмъ ни- сколько не помѣшало бы ему продолжать начатые мирные переговоры. Этому могло значительно содѣйствовать движеніе польской арміи къ нашей границѣ; она этимъ могла усилиться вслѣдствіе побѣговъ, которые не могли не оказаться въ корпусѣ, состоявшемъ изъ ихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, силы мятежниковъ при самомъ началѣ возстанія могли, независимо отъ резервовъ и поголовнаго ополченія, возрасти до 80,000 человѣкъ. Конечно, это предпрыятіе могло не имѣть никакого успѣха, ибо въ теченіе войны литовскій корпусъ не измѣнялъ Россіи, но при всемъ томъ духъ этого корпуса былъ весьма ненадеженъ. Если этотъ корпусъ остался вѣрнымъ единожды принесенной имъ присягѣ, то это можетъ быть произошло отъ того, что онъ вошелъ въ общій составъ нашей арміи; этого бы не случилось, если бы онъ оставался въ одиночествѣ, порознь отъ нашей арміи, тѣмъ болѣе, что самъ Солтыкъ утверждаетъ, что третья часть офицеровъ принадлежала къ варшавскому патріотическому обществу. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что Хлопицкому надлежало, двинувъ свою армію къ нашимъ границамъ, приказать немедленно своимъ офицерамъ и солдатамъ войти въ тайныя сношенія съ чинами литовскаго корпуса, который, безъ всякаго сомнѣнія, присоединился бы къ своимъ соотечественникамъ; онъ могъ бы, такимъ образомъ, появившись съ 80,000-ною арміею въ Бѣлоруссію, возбудить противъ насъ Литву, гдѣ онъ присоединилъ бы къ себѣ все мѣстное ополченіе. Примѣру Литвы послѣдовали бы Волынь, Подолія и Украина, обнаженные отъ нашихъ войскъ. Если бы оно не и сдалось, онъ не подвергся бы ни малѣйшей опасности; мы въ то время не могли еще ни угрожать его тылу, ни наступать на него спереди, тѣмъ болѣе, что литовскому корпусу было строго воспрещено до сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ на границѣ Польши предпринимать малѣйшее наступленіе впередъ. Вмѣсто всего этого, какой имѣли результатъ

благочестивыя побуждения Хлопицкаго? Миръ несостоялся и не могъ состояться, а когда надо было прибѣгнуть къ оружію, поляки не располагали для продолженія войны тѣмъ количествомъ войскъ, какимъ они могли обладать; вмѣсто того, чтобы поддержать свои усиленія присоединеніемъ литовскаго корпуса, возбужденіемъ къ возстанію Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Украины, поляки были принуждены принять наши удары на свой щитъ, не будучи поддержаны жителями польско-рussijskихъ губерній и имѣя уже противъ себя литовскій корпусъ.

VI.

Мы пришли теперь къ любопытному событию—къ паденію диктатора Хлопицкаго; хотя диктаторство его продолжалось около 40 дней, но оно имѣло рѣшительное вліяніе на весь характеръ военныхъ дѣйствій. Въ теченіе 42-хъ-дневнаго владычества своего, Хлопицкій былъ кумиромъ арміи и всего народонаселенія царства, но принятая имъ строгія мѣры для прекращенія беззначалія, явное его противодѣйствіе увеличенію военныхъ силъ и стремленіе къ прекращенію возникшаго между Россіею и Польшей разрыва, не прибѣгалъ къ оружію, установили противъ него всѣ буйныя гсловы шляхетства, членовъ закрытыхъ имъ якобинскихъ клубовъ и тайныхъ обществъ, требовавшихъ рѣшительной независимости Польши. Но эта ненависть къ Хлопицкому, кипѣвшая пока втайне, не смѣла еще нигдѣ явно обнаружиться. Но вскорѣ накопившаяся гроза разразилась. Коммиссія, учрежденная для составленія манифеста, поднесла его на утвержденіе надзирательной комиссіи; хотя эта послѣдняя комиссія и утвердила его, по Хлопицкій возсталъ противъ нѣкоторыхъ выражений, которыхъ показались ему слишкомъ возмутительны, и строго запретилъ обнаруживать столь непристойный актъ. Не взирая на запрещеніе, этотъ манифестъ, не скрѣпленный подписью Хлопицкаго, былъ тайно отлитографированъ и разосланъ по всему царству. Это обстоятельство усилило вражду между диктаторомъ и якобинцами, которые стали разглашать, что онъ измѣнникъ; а это, въ свою очередь, побудило Хлопицкаго увеличить національную стражу для подавленія недовольныхъ, если бы они вздумали явно восстать противъ правительства.

Къ этому времени, т.-е. 3-го января 1831 г. прибылъ изъ

С. Петербурга, посланный туда курьеромъ, подполковникъ Величинскій, привезшій, между прочимъ, извѣстіе о движеніи нашей арміи къ границамъ царства и слѣдовательно о неизбѣжности войны. Онъ также привезъ отъ статсъ-секретаря польскихъ дѣлъ графа Грабовскаго официальное письмо на имя Хлопицкаго, коему были объявлены высочайшее благоволеніе за изложенія имъ въронподданническихъ чувства и настоятельное требование о буквальномъ исполненіи всѣхъ статей прокламаціи, обнародованной его величествомъ царству польскому 6-го декабря. Диктаторъ, послѣдно собравъ всѣхъ членовъ національной комиссіи, передалъ полученные бумаги на ихъ обсужденіе. По мнѣнію меньшинства, надо было продолжать начатые переговоры, и пользуясь тѣмъ, вознаградить потерянное время посѣгшімъ приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ силь до открытия военныхъ дѣйствій; большинство же требовало, чтобы немедленно атаковали литовскій корпусъ до прибытія русской арміи. Хлопицкій приказалъ созвать сеймъ къ 7-му января; хотя власть его видимо поколебалась, но враги его, не удовольствовавшись тѣмъ, рѣшились нанести ему окончательный ударъ. Тотчасъ послѣ удаленія членовъ національной комиссіи явились къ Хлопицкому члены надзирательной комиссіи, подъ предводительствомъ президента сената и маршала сейма. Хлопицкій, хладнокровно изложивъ имъ весь ходъ дѣлъ, указалъ на необходимость единства въ усиленіяхъ, которое не могло имѣть мѣста при великому разногласіи въ мнѣніяхъ. Представивъ имъ несоразмѣрность материальныхъ средствъ Польши относительно силъ, коими могла располагать Россія, онъ предложилъ принять безусловно всѣ статьи, изложенные въ вышесказанной прокламаціи его величества; это возвудило общее негодованіе всѣхъ членовъ, которые осыпали упреками Хлопицкаго, сказавшаго имъ съ твердостію: «Если ваша совѣсть позволяетъ вамъ разрывать узы клятвъ, данныхъ вами законному государю, я васъ съ тѣмъ поздравляю; я не измѣню своихъ правилъ, и все, что я дѣлаю здѣсь, я дѣйствую лишь именемъ царя моего Николая». Хлопицкій подписалъ, такимъ образомъ, приговоръ своей власти; члены комиссіи послѣдни обѣявили ему, что онъ уже болѣе не диктаторъ. Въ отвѣтъ на это Хлопицкій закричалъ въ изступленіи: «Я самъ слагаю съ себя диктаторство и обвиняю всѣхъ васъ въ якобинствѣ, въ воз-

бужденіи народа и войска къ беззначалю, и чрезъ это въ вовлечениі отечества въ неминуемую гибель».

Когда умы нѣсколько успокоились, Чарторижскій сдѣлалъ Хлопицкому слѣдующее предложеніе, облеченнное въ весьма ласковыя формы: «Мы надѣемся, генераль, что вы, по крайней мѣрѣ, не откажетесь принять на себя командованіе арміей».

— «Ни за что, гнѣвино закричалъ Хлопицкій: будь я шельма, если приму какое-либо начальство, но какъ вѣрный сынъ отечества, я готовъ жертвовать жизнью на полѣ бранія!»

Тѣмъ заключилось диктаторство мужественнаго Хлопицкаго, доказавшаго любовь свою къ отечеству своею сорокалѣтнею боевою службою и ранами, полученными на поляхъ чести. На концѣ своего поприща, Хлопицкій, будучи временною глагою Польши, и желая спасти свое отечество отъ угрожавшихъ ему бѣдствій, избралъ цѣль мечтательную, которая не могла спасти поляковъ. Этотъ патріотъ, при всемъ желаніи блага своей родинѣ, причинилъ дѣлу, ему вѣренному, едва ли не болѣе зла, чѣмъ самый коренней россіянинъ, которому было бы поручено потушить возникшій противъ Россіи мятежъ. Онъ принесъ за то нашему дѣлу едва ли не большую пользу, чѣмъ самъ Дибичъ во все время начальствованія его арміею. Это фактъ неопровергнутый. При всемъ томъ никто не смѣлъ подозрѣвать его въ измѣнѣ; хотя Хлопицкій былъ лишень диктаторской власти, но, будучи убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, онъ ходилъ по городу въ партикулярномъ платѣ и круглой шляпѣ, смѣло и бодро. Чернь и войска смотрѣли съ благоговѣніемъ на сѣдины сего маститаго воина, не разъ отличавшагося подвигами мужества; почитая себя вполнѣ правымъ, онъ, можно сказать, заблуждался. Умственныя способности его далеко не соответствовали возвышенности его чувствъ.

Послѣ его паденія государь не переставалъ напоминать возмутителямъ о забытомъ ими долгѣ, но въ отвѣтъ на это пламя мятежа и вражды къ Россіи все болѣе и болѣе распространялось по царству.

Независимо отъ отлично обученной 30,000-ї арміи, рядовые, получивши отставки лишь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и множество волонтеровъ, возвысили численность арміи, которая усилилась до 80,000 чел.; кроме того, образовалась 9,000-ная резервная армія; многіе магнаты и помѣщики, въ числѣ коихъ наход-

дились въ окрестностяхъ Остроленки — Харадецкій, Сѣдлеца — Кучинскій и Кушель, Ломжи — Уланъ, Люблинъ — Яросовскій, Варшавы — Замойскій, возбуждая крестьянъ въ восстанию, вооружали на свое изгнаніе эскадроны, батальоны, отряды, исключительно предназначенные для партизанского рода службы.

Одно Августовское воеводство выставило въ теченіе 10 дней 5,000 вооруженныхъ всадниковъ, Варшава — 1 полкъ пѣхоты и 1 полкъ кавалеріи ¹⁾, и т. д.; буйная молодежь Познани и Галиціи, оставивъ дома родителей, университеты и ремесла, коими она занималась, спѣшила въ Варшаву. Въ теченіе 15-ти-лѣтняго владычества Россіи арсеналы царства были снабжены оружіемъ, изготовленнымъ на россійскихъ оружейныхъ заводахъ; народное правление приказало спѣшить выѣзжай оружія на литеиныхъ и оружейныхъ заводахъ Варшавы, Кракова и окрестностей Кельца, возвести прагское предмостное укрѣпленіе, усилить оборону Модлина и Замостья, и окружить Варшаву внѣшними укрѣпленіями. Пороховой заводъ въ Краковѣ былъ увеличенъ, и устроенъ новый въ Маримонтѣ. Магнаты, шляхетство и духовенство взнесли 120 миллионовъ ²⁾ руб.; наконецъ новое правительство стало возбуждать нравственныя силы поляковъ разными ложными обнародованіями о помощи Франціи и Англіи и о скоромъ прибытии союзныхъ флотовъ и армій на театръ военныхъ дѣйствій. Поляки вѣрили всему этому, не понимая, что Англія никогда не станетъ проливать кровь своей въ порывѣ политической чувствительности и что для Франціи, какъ въ то время выражался Себастьяніи, нужны были 20-ти-лѣтній рядъ военныхъ чудесъ и Наполеонъ, чтобы проложить себѣ путь чрезъ Германію въ Польшу. Франція ограничилась высылкой графа Монтебелло, сына славнаго маршала Ланна, и полковника Ромарино. Я считаю излишнимъ упоминать здѣсь о Лангемонѣ, Сюарѣ, Галлуа и другихъ безконечно малыхъ.

Первая забота сейма, открывшагося 7-го января, состояла въ томъ, чтобы избрать главнокомандующаго. Недостатокъ въ способныхъ генералахъ былъ столь великъ, что сеймъ внесъ въ число кандидатовъ нѣсколько молодыхъ штабъ-офицеровъ. Генераль Вейссенгофъ былъ человѣкъ лишенный опыта и дарованія; полковникъ Шембекъ, пользовавшійся покровительствомъ яко-

¹⁾ Смотри Солтыка.

²⁾ Смотри Солтыка.

Д. Д.

Д. Д.

бинцевъ, быть человѣкъ умный, но не умѣвшій распоряжаться большими массами войскъ; генералъ Круковецкій, истинный представитель характера польской націи—дерзкій, хвастливый и надменный, но хитрый и искательный, когда того требовали обстоятельства, желалъ провозгласить себя диктаторомъ, но онъ былъ неспособенъ ни къ военному, ни къ гражданскому дѣлу. Генералъ Пацъ¹⁾, также любимый якобинцами, человѣкъ красивой наружности, отличался ограниченнымъ умомъ, нерѣшительностью и весьма небольшими свѣдѣніями. Въ числѣ кандидатовъ находились: кн. Михаилъ Радзивилль и Скоженецкій. Князь Радзивилль былъ избранъ восемью голосами главнокомандующимъ; при избраніи своемъ онъ объявилъ, что готовъ передать власть и званіе тому изъ генераловъ, который въ теченіе войны окажется достойнѣйшимъ; наибольшее число голосовъ послѣ него получиль—Пацъ. Выборъ Радзивилла, бывшаго уже полковникомъ въ 1807 году во время осады Данцига, и съ того времени неслыхавшаго боевого выстрѣла, удивилъ многихъ, но онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: этотъ Радзивилль былъ роднымъ братомъ кн. Антонія Радзивилла, родственника королевы прусской и бывшаго въ то время намѣстникомъ Познанскімъ. Хлопицкій, еще до избранія Радзивилла, сказалъ членамъ сейма, что безъ сомнѣнія кн. Антоній, по дружбѣ своей къ брату, не откажется помочь ему. Итакъ, избраніемъ Радзивилла члены сейма думали, сдѣлавъ угодное королю прусскому, привлечь къ себѣ, если не Пруссію, то намѣстника²⁾ познанскаго, близкаго и единокровнаго имъ сосѣда.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ ошиблись они и въ томъ, и въ другомъ предположеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ У Паца былъ богатый домъ въ Вильнѣ, на которомъ была сдѣлана слѣдующая надпись. «Палацо варто (достопинъ) Паца, Пацъ варто Палацо».

Д. Д.

²⁾ Я самъ видѣлъ въ 1807 г. кн. Антонія Радзивилла въ нашей главной квартире; онъ былъ тогда преданъ дѣлу, за которое стояли Пруссія и Россія противъ Наполеона, у котораго, въ числѣ польскихъ войскъ, служилъ въ то время кн. Михаилъ, о коемъ идетъ рѣчь.

Д. Д.

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Вторая часть „Записокъ Давыдова“ состоитъ изъ обозрѣнія военныхъ дѣйствій русской арміи, обширнаго критического разбора плановъ и распоряженій Дибича, характеристики этого фельдмаршала, а также нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, и наконецъ сжатаго изложенія собственнаго участія въ кампаніи. Вся эта часть отличается тѣмъ же мастерствомъ изложенія, образностью и живостью красокъ въ описаніяхъ, мѣткостью и остроуміемъ въ характеристицѣ дѣйствующихъ лицъ; для военныхъ же людей—это цѣлый курсъ чрезвычайной важности практическихъ замѣтокъ воина, перебывавшаго въ четырнадцати большихъ кампаніяхъ и со славою участвовавшаго въ безчисленныхъ сраженіяхъ и партизанскихъ стычкахъ.

Основный списокъ при изданіи этой части принять нами тотъ, который сообщилъ сынъ партизана, В. Д. Давыдовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы прибавили примѣчанія, какія нашли въ спискѣ, изданномъ кн. П. Долгоруковымъ (Лондонъ, 1863 г.) и въ спискѣ, обязательно сообщенномъ генераломъ А. Располовымъ. Послѣдній списокъ полученъ генераломъ лично отъ покойнаго фельдмаршала кн. Паскевича и, по сличенію его съ совершенно вѣрными спискомъ сына автора, отличается слѣдующими особенностями: онъ видимо снять человѣкомъ, взявшимъ на себя трудъ исправлять и сокращать изложеніе партизана; эти исправленія отняли въ своеобразномъ слогѣ Дениса Давыдова всю прелестъ, а сокращено изъ записокъ, т.-е. выкинуто все то, что относится къ критикѣ дѣйствій Дибича и въ особенности Паскевича, и объ отношеніяхъ послѣднаго къ Ермолову. Если всѣ эти передѣлки были сдѣланы лицомъ, поднесшимъ списокъ кн. Паскевичу, то такимъ образомъ фельдмаршаль могъ до самой кончины не знать текста записокъ Давыдова въ ихъ подлин-

номъ видѣ. Въ замѣнѣ критики дѣйствій русскихъ главнокомандующихъ въ спискѣ, принадлежавшемъ Паскевичу, помѣщена довольно большая замѣтка о дѣйствіяхъ польскихъ военачальниковъ. Замѣтку эту мы помѣстили въ приложеніи къ нашему изданію „Записокъ“.

Ред.

VII¹⁾.

13-го января 1832 г. сеймъ на предложеніе нунція Солтыка, о коемъ такъ часто въ семь сочиненіи упоминается, объявилъ престолъ царства польскаго празднымъ, и чрезъ то отнялъ у людей благомыслящихъ послѣднія надежды на посредничество Франціи и Англіи между царствомъ и нашимъ императоромъ²⁾.

17-го января явилось новое правленіе, подъ названіемъ народоваго или національнаго. Исполнительная власть препоручена была пяти членамъ, безъ отчетности, и министрамъ, подвластнымъ отчетности сейма и сената. Это была пародія покойной французской Директоріи, какъ возстаніе царства пародія французской революціи 23-го ноября и Хлопицкій 18-го брюмеру и Наполеону, болтовня сейма — преніямъ Конвента, Лелевель — Робеспьеру и польская нація — французской.

Чарторижскій назначенъ былъ президентомъ этого правленія.

Между тѣмъ, съ нашей стороны, при самыхъ великолупныхъ и милосердныхъ увѣщаніяхъ, не было усыщенія относительно поборенія враждебныхъ, усиливъ царства, въ случаѣ если увѣщанія останутся безъ успѣха. Легѣли курьеры въ корпуса, назначенные

¹⁾ См. «Русск. Стар.», изд. 1782 г., т. V, стр. 624—639; т. VI, стр. 1—38.

²⁾ Франція по саму предмету выслала ко двору нашему герцога Мортемара. Мортемаръ встрѣтилъ на пути изъ Берлина въ Петербургъ польского дипломатического агента Козмыка, ожидавшаго его пріѣзда. Козмыкъ, между прочими извѣстіями, объявилъ ему о предложеніи упраздненія престола польскаго, сдѣланномъ сейму. (Предъ отѣзломъ Козмыка, т.-е. 9-го января сдѣлано было одно только предложеніе, которое не получило еще утвержденія сейма). Это извѣстіе поразило Мортемара. «Наставлениа, данные мнѣ, сказаль онъ Козмыку: предоставляютъ мнѣ право дѣйствовать въ пользу царства въ такомъ только случаѣ, когда царство останется относительно къ Россіи такъ, какъ оно создано вѣнскимъ конгрессомъ; если же оно переступитъ за эту черту, то я торжественно предупреждаю чрезъ васъ польскую націю, не полагаться уже болѣе на помощь Франціи». Въ заключеніе Мортемаръ просилъ Козмыка немедленно скакать въ Варшаву и остановить опредѣленіе обѣ упраздненій престола. Козмыкъ возвратился въ Варшаву и объявилъ о предложеніи Мортемара, но уже было поздно: дѣло было сдѣлано.

Д. Д.

въ составъ дѣйствующей арміи, съ повелѣніемъ немедленно слѣдовать къ западной границѣ нашей. Туда же двинулись огромные подвозы съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ; польско-российскія губерніи объявлены въ военномъ положеніи и составленъ главный штабъ арміи изъ слѣдующихъ лицъ:

Главново-командующій генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибич-Забалканскій.

Начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ графъ Толь.

Генералъ-квартирмайстеръ ген.-адъютантъ Нейдгардъ 2-й.

Начальникъ артиллѣріи генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

Генералъ-инженеръ генералъ-майоръ Денъ 1-й.

Генералъ-интендантъ сенаторъ Абакумовъ.

Директоръ госпиталей полковникъ Тишинъ 2-й.

Первый изъ нихъ выѣхалъ изъ С.-Петербургра въ армію 18-го, второй 16-го декабря, прочие прежде или немедленно послѣ нихъ.

Мы часто и понынѣ слышимъ порицанія Россіи за долговременную борьбу ея съ Польшею, обладающей средствами столь много уступающими средствамъ Россіи. И подлинно, нельзя не удивляться, какъ немедленно по возстаніи Польши 54-хъ-миллионному народонаселенію не задавить было 4-хъ-миллионное народонаселеніе, или арміи, состоящей изъ миллиона воиновъ, армію, едва состоявшую изъ тридцати тысячъ войска. Задачу сю рѣшаѣтъ разстояніе и время. При внимательномъ и чуждомъ пристрастія разсмотрѣніи мы видимъ, что царство польское, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ, имѣло всѣ военные средства свои подъ рукою, слѣдовательно было готово къ военнымъ дѣйствіямъ вскорѣ по выступлѣніи войскъ его величества изъ царства; тогда какъ Россія, обладающая несравненно болѣшими способами, вмѣстѣ съ симъ обладаетъ соразмѣрно съ ними и болѣшимъ пространствомъ, по коему способы сіи были разсѣяны. Нѣсколькихъ недѣль достаточно было для польского народнаго правленія, чтобы сплавить въ единый слитокъ всѣ свои силы, или по крайней мѣрѣ болѣшую часть оныхъ; Россія же нуждалась по границѣ царства небольшую часть своихъ военныхъ силъ и всѣ необходимыя для веденія войны принадлежности. Словомъ, говоря языкомъ военнымъ, въ продолженіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ это царство въ отношеніи къ Россіи могло уподобиться сильной ко-

лоннѣй войскъ, готовой ударить на средину въ двадцать разъ сильнѣйшей, но чрезмѣрно растянутой ея арміи, следовательно, не представляющей достаточной силы для отпора непріятеля, могущаго избрать одну лишь точку для натиска. И дѣйствительно, эта неожиданный мятежъ засталъ армію нашу частію едва возвратившуюся въ Россію послѣ двухлѣтняго гибельного пребыванія своего въ краѣ, изобилующемъ всѣми родами болѣзней, невыносимыхъ сѣверными жителями, гдѣ они погибали тысячами отъ чумной заразы¹⁾). Тѣ войска, которые изъ Турціи пришли уже на мѣста, свои, заняты были необходимымъ устройствомъ всѣхъ частей, разстроенныхыхъ продолжительнымъ и изнурительнымъ походомъ, укомплектованіемъ себя рекрутами, ремонтами молодыхъ лошадей и вообще всѣми необходимыми потребностями. Сверхъ того, разстояніе отъ театра войны какъ этихъ войскъ, такъ и тѣхъ, кои не участвовали въ турецкой войнѣ, было чрезмѣрно велико. Нѣкоторыя получили повелѣніе выступить въ походъ изъ окрестностей Петербурга, Москвы, Орла, Харькова, Херсона и даже въ самый развалъ зимы, всегда неблагопріятной и затрудняющей перемѣщеніе всякаго рода войскъ, особенно артиллеріи и тяжестей. Вотъ причина двухмѣсячной отсрочки въ потушеніи мятежа царства польскаго. Мы далѣе увидимъ, что не отъ недостатка ревности и врожденной неустрасимости нашихъ войскъ, какъ то старались разглашать по Европѣ враги Россіи, и отъ недостатка въ сѣбѣстныхъ подвозахъ, въ боевыхъ предметахъ и въ прочихъ потребностяхъ, необходимыхъ для военнаго дѣйствія, коихъ было весьма достаточно и даже изобильно, продолжалась борьба эта еще 7 мѣсяцевъ.....

Съ прискорбіемъ долженъ я сказать, что единственнымъ виновникомъ продолженія войны былъ самъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, главнокомандующій нашей арміею. Клеймо проклятія горитъ на его памяти въ душѣ каждого россіанина, кто бы онъ ни былъ,— другъ ли его, или человѣкъ имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній.

¹⁾ Смертность въ нашихъ войскахъ, во время пребыванія ихъ въ Турціи, была такъ велика, что многие полки, будучи два раза укомплектованы, состояли лишь изъ 70-ти рядовыхъ, въ томъ числѣ и музыкантовъ. Главная армія, съ которой Дибичъ намѣревался двинуться на Константинополь, заключала въ себѣ лишь 10,000 человѣкъ.

Д. Д.

Дибичъ былъ для меня человѣкомъ рѣшительно чуждыемъ, къ которому я никогда не питалъ особеннаго сочувствія, но онъ не былъ человѣкомъ злымъ и безусловно вреднымъ. Не взирая на чрезмѣрную запальчивость своего характера, онъ былъ одаренъ добрымъ сердцемъ и нѣкоторымъ военнымъ благородствомъ, нѣсколько помутившимся на поверхности отъ долговременнаго пребыванія при дворѣ, но въ глубинѣ еще яснымъ и чистымъ. Вотъ почему я, скрѣпя сердце, о немъ упоминаю, и будь онъ — онъ одинъ — жертвою своихъ проступковъ, я конечно умолчалъ бы о человѣкѣ, обладавшемъ нѣкоторыми блистательными качествами; но проступки его отразились на дѣвственную честь и славу невиннаго въ нихъ Россійскаго воинства, и тутъ уже въ душѣ моей нѣть пощады ни брату, ни отцу родному. Да, Дибичъ есть единственный оскорбитель гордости народа русскаго, единственный оскорбитель чести, славы и оружія богатырской нашей арміи: недовершенiemъ побѣды ея подъ Гроховымъ, нелѣпостью послѣдующикъ предначертаній и дѣйствіями ощущую во всѣхъ предпріятіяхъ, потерей духа и разума во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а главное принятиемъ на себя въ столь важную эпоху обязанности выше силь,—онъ во всемъ этомъ не только виновенъ, но даже великий преступникъ.

Я зналъ Дибича съ офицерскаго чина. Служа въ кавалергардскомъ, а онъ въ семеновскомъ полку, мы въ однихъ чинахъ ставили вмѣстѣ во внутреннихъ караулахъ, и потому часто находились неразлучно по цѣлымъ суткамъ съ глазу на глазъ. Потомъ мы были оба подполковниками въ отечественную войну 1812 года, и тогда, три года послѣ оной, онъ возвведенъ былъ на степень начальника главнаго штаба 1-й арміи, я былъ въ той же арміи начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, что доставило мнѣ случай имѣть съ нимъ непосредственные и довольно частыя сношенія по службѣ; наконецъ онъ вознесся еще выше, и я уже потерялъ его изъ виду. Я помню, что въ кавалергардской залѣ, у камина, онъ неоднократно рассказывалъ мнѣ, какъ за два года предъ тѣмъ онъ былъ привезенъ изъ берлинскаго кадетскаго корпуса въ Петербургъ совершиеннымъ неучемъ, и какъ онъ самъ собою получилъ кое-о-чемъ весьма поверхностныя свѣдѣнія относительно военной науки. Онъ жаловался на бѣдность своего состоянія, непозволявшаго ему нанимать учителей и покупать воен-

ныя книги, которая всѣ были съ планами и картами, и потому стоили не дешево. Я былъ въ томъ же положеніи, съ-
довательно мы другъ друга понимали, и вмѣстѣ горюя, прихлебывали у камина жиденькій кофе; другими напитками мы еще не занимались. Въ то время жилъ въ Петербургѣ нѣкто Торри, майоръ генерального штаба, хвастунъ, пустословъ и человѣкъ весьма ограниченныхъ свѣдѣній, но пользуясь репутациею ученаго по своей части, потому что часть эта была въ то время скучна въ знающихъ ремесло свое чиновникахъ, и потому Торри рассказывалъ всѣмъ и каждому о службѣ своей при маршалѣ Бертье, въ главномъ штабѣ Бонапарта; этого было довольно, чтобы считать его едва ли не четверть-Бонапартомъ и не пол-Бертье, относительно свѣдѣній и дарованій.

Не помню при какихъ обстоятельствахъ, Дибичъ и я, скопивъ небольшой капиталъ, стали брать, каждый на своей квартире въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уроки у Торри; собираясь во время карауловъ, мы другъ другу отдавали взаимно отчетъ въ оказанныхъ успѣхахъ. Въ то же время и у того же Торри брали уроки и графъ Михаилъ Воронцовъ, служившій тогда поручикомъ въ преображенскомъ полку и кн. Мих. Голицынъ, служившій въ семеновскомъ полку и убитый въ 1807 году подъ Ландсбергомъ.

Вскорѣ наступили наполеоновскія войны; раскрылась другого рода книга и другого рода Торри явился съ суровой ферулой наставника. Въ 1805-мъ году подъ Аустерлицомъ Дибичъ сражался, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ семеновского полка, и запечатлѣлъ кровью благородный порывъ своей храбрости. Въ 1807-мъ году, по прибытіи гвардіи на театръ военныхъ дѣйствій въ восточную Пруссію, Дибичъ изъ семеновского полка былъ приписанъ, на время кампаніи, къ генеральному штабу гвардіи. Я полагаю, что въ теченіе сего трехмѣсячнаго похода онъ пріобрѣлъ нѣсколько практическаго навыка по сей части, что же касается до теоретическихъ свѣдѣній въ военной наукѣ, то онъ послѣ Торри ни у кого уже не учился. Были слухи, что онъ бралъ уроки и у генерала Фуля¹⁾; если это правда, то въ этомъ

¹⁾ Объ этомъ чудакѣ-генералѣ, своими совѣтами Александру I чуть не погубившемъ русскую армию въ 1812 г., см. свѣдѣнія въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. I, стр. 348 (по I-му изд.).

Ред.

случаѣ можно выворотить на изнанку русскую пословицу и сказать: не ученье свѣтъ, а ученье тьма; но я этому не вѣрю. Вотъ все, что я знаю и врядъ ли кто болѣе знаетъ меня относительно источниковъ его познаній.

Дибичъ былъ человѣкъ умный — это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣть многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая-нибудь войнишка, съ какимъ-нибудь гессенскимъ курфиристомъ, но врядъ ли онъ могъ бы управиться и съ королемъ саксонскимъ. Въ этомъ порукою Кулевча. И сія битва превзошла дарованія Дибича¹⁾. Приведя на память сіе сраженіе, можно судить, что случилось бы, если-бы турки вздумали умно защищать Балканы и Румелію? Словомъ, я полагаю, что помочи были необходимы для Дибича, и что званіе корпуснаго командира или начальника главнаго штаба у рѣшительного, твердаго и знающаго свое дѣло главнокомандующаго есть очеркъ Попилія, чрезъ который никогда бы не слѣдовало ему переступать. Его двинули за сей очеркъ и спустили съ помочей отъ ложнаго заключенія, что тотъ, кто окказалъ дарованія въ званіи оберъ- и генераль-квартирмайстера или начальника главнаго штаба арміи, неминуемо долженъ обладать всѣми качествами, необходимыми для главнокомандующаго. Безспорно, что нѣтъ правилъ безъ исключения, но отличное исполненіе обязанностей въ сихъ званіяхъ не есть достаточное мѣрило дарованій и достоинствъ человѣка, опредѣленного быть главою и душою арміи. Предлагать начальнику отважныя предпріятія и при неудачахъ отстраняться отъ отвѣт-

¹⁾ Дибичъ, отличавшійся всегда замѣчательною храбростью, во весь день сраженія при Кулевчѣ находился въ шести верстахъ отъ поля битвы, съ зрительною трубой въ рукахъ; онъ при этомъ сказалъ: «Такъ какъ Толь составилъ планъ сраженія, то пусть онъ самъ и распоряжается въ немъ». Д. Д.

Отъ редакціи. Въ одномъ изъ списковъ настоящей рукописи есть еще слѣдующая примѣска: «Сраженіе при Кулевчѣ было выиграно, какъ известно, самими непонятными и чудесными образомъ, лишь благодаря паническому страху, распространившемуся въ турецкой арміи вслѣдствіе взрыва нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ. Графъ Толь, а еще менѣе Дибичъ, не виновны въ одержаніи этой победы, имѣвшей огромные результаты; позиція, избранная для нашей арміи, была крайне пересѣчена и невыгодна для принятія боя. Арнольди прискакалъ съ своими орудіями уже по отбитіи главныхъ атакъ турокъ, которые, послѣ нѣсколькихъ блестательныхъ пушечныхъ выстреловъ, обратились въ рѣшительное бѣгство».

ственности, оставляя ему все бремя, а при успѣхахъ раздѣлять съ нимъ славу предпріятія, не тѣ, что самому рѣшаться на предпріятія, всегда болѣе или менѣе гадательныя и принимать на себя отвѣтственность предъ властями и общественнымъ мнѣніемъ за малѣйшую неудачу. Для послѣдняго необходимы рѣшительность и сила воли, которая суть основныя стихіи нравственного состава истиннаго полководца; въ этихъ-то стихіяхъ нуждалась и нуждается большая часть военачальниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Вотъ отчего великие полководцы столь рѣдки, и вотъ отчего манія полководца была не по росту Дибичу.

Говоря о Дибичѣ, дабы не навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи, я не умолчу о благородномъ поведеніи его въ Грузіи, куда онъ былъ присланъ по высочайшему повелѣнію для произведенія слѣдствія надъ главнымъ начальникомъ края, котораго ему вѣлько было смѣнить¹⁾). Генералъ-адъютантъ Паскевичъ, по наущенію Корганова, прозваннаго Ермоловымъ за вполнѣ предосудительное его поведеніе «Ванькой-Каиномъ», подалъ на своего начальника донось, по полученіи котораго отправленъ былъ въ Тифлісъ баронъ Дибичъ, который послѣ произведенія слѣдствія убѣдился, что это есть лишь гнусный вымыселъ противъ человѣка, заслужившаго всеобщую любовь, преданность и уваженіе. Донося о семъ государю, равно и о томъ, что дѣла въ Грузіи въ наилучшемъ порядкѣ, Дибичъ простеръ свою смѣлость до того, что осмѣялся представить его величеству необходимость вызвать изъ Грузіи генерала Паскевича, который, по его мнѣнію, не въ состояніи былъ постичь нуждѣ края. Во время пребыванія своего въ Тифлісѣ, онъ ежедневно видался съ Ермоловымъ, готовившимся выступить съ нимъ подъ Эрivanъ. Къ нему осмѣялся явиться Коргановъ, вызываясь сдѣлать доносы на Ермолова, но Дибичъ, не подражая Паскевичу, прогналъ его отъ себя. Около этого времени прибылъ въ Грузію флигель-адъютантъ полковникъ А., вѣроятно съ тайнымъ порученіемъ наблюдать за самимъ Дибичемъ, котораго поведеніемъ въ Грузіи не совсѣмъ оставались довольны въ Петербургѣ. Вскорѣ новый фельдъ-

¹⁾ Объ участіи Дибича на Кавказѣ въ дѣлѣ обѣ увольненіи Ермолова, лучше Давыдова, свидѣтельствуютъ подлинныя секретныя донесенія самого Дибича императору Николаю. Эти важныя бумаги впервые явились въ печати въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г.. т. V, стр. 706—726; и т. VI, стр. 39—70. Ред.

егерь привезъ барону Дибичу подтверждительное повелѣніе о смынѣ Ермолова. Это привело Дибича въ величайшее смущеніе, и онъ невольно вскрикнулъ: «они не понимаютъ, что дѣлаютъ»¹⁾). Передавая Ермолову сіе высочайшее повелѣніе, онъ просилъ его не прощаться съ войсками, питавшими къ нему величайшую преданность и благоговѣніе. На вопросъ Дибича передать ему какую-либо просьбу, которую онъ обѣщалъ повергнуть къ стопамъ государя, Ермоловъ отвѣчалъ:

— «Я прошу лишь сохраненія правъ и преимуществъ чиновника 14-го класса, что избавляло бы меня, по крайней мѣрѣ, отъ тѣлеснаго наказанія».

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого события, Дибичъ, чрезъ флигель-адъютанта князя Николая Долгорукова, просилъ Ермолова предупредить его своимъ выѣздомъ изъ Тифлиса, потому что онъ не могъ ручаться, чтобы Паскевичъ не нанесъ бы ему какого-либо оскорблѣнія.

— «Благодарите барона, отвѣчалъ Ермоловъ, за его обо мнѣ попеченія и заботы; это не можетъ случиться, ибо при малѣйшемъ покушеніи оскорбить меня, я прикажу войскамъ связать его, что будетъ тотчасъ исполнено, и тогда буду просить барона Ивана Ивановича успокоить государя, что начальство надъ войсками приму не я, но кто-нибудь изъ младшихъ по немъ генераловъ».

Дибичъ, возвращаясь въ Россію, встрѣтилъ на кавказской линіи ѿхавшаго въ Пятигорскъ генерала Сабанѣева, которому онъ сказалъ: «Государь не знаетъ кого онъ лишился; я нашелъ край въ блистательномъ порядкѣ и войско, одушевленное духомъ Екатерининскимъ и Суворовскимъ; Паскевичу будетъ легко пожинать лавры».

Я достовѣрно знаю, что Дибичъ сомнѣвался въ успѣхѣ при отѣѣздѣ своемъ въ Турцію; но ни турецкая армія, ни турецкій народъ не защищались, и удача увѣнчала походъ баловня фортуны.

Упоенный удачами своими въ Турціи, Дибичъ уже ѿхалъ въ Польшу въ полной увѣренности на побѣду при первомъ своемъ

¹⁾ Я весьма много почерпнулъ изъ разсказовъ правителя дѣлъ барона Дибича, Ивана Зиновьевича Ваценко, кн. Ник. Андр. Долгорукова и почтенного Ивана Васильевича Сабанѣева.

(Примѣч. изъ другого списка Зап. Давыдова).

появлениі. Произошло однако то, чего должно было ожидать. Одержаные имъ успѣхи въ Турціи вознесли самонадѣянность его за предѣлы благоразумія, а первый отпоръ въ Польшѣ и многосложность неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вдругъ воспріянувшихъ и имъ вовсе непредвидѣнныхъ, окончательно поколебали эту самонадѣянность и совершиенно убили въ немъ присутствіе духа, безъ котораго даже сдачу въ вистъ разыграть затруднительно. Таковъ былъ Дибичъ! Долго успѣхи сопутствовали ему во всѣхъ предпріятіяхъ, но чѣмъ окончились всѣ усилия его къ достижению сферы, несоответствовавшей его дарованіямъ? Получивъ начальство надъ арміею въ Польшѣ, что почиталось его совмѣстниками за верхъ благополучія, онъ возвысился надъ толпой, насколько веревка возвышаетъ висѣльника. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и подозрѣнія, невольно запавшаго въ душу каждого солдата, что главнокомандующій подкупленъ врагами, я написалъ слѣдующую пѣсню, имѣвшую нѣкоторый современный успѣхъ:

Голодный песъ.

Охъ какъ храбрится
Нѣмецкій фонъ,
Какъ горячится
Нашъ херъ-баронъ.
Ну вотъ и драка,
Вотъ лавровъ возь!
Хватай собака,
Голодный песъ.

Кипятъ и рдѣютъ
На бой полки;
Звамена вѣютъ
ГоряТЬ штыки,
И забияка
Палашъ вознесъ!
Хватай собака,
Голодный песъ.

Адріанополь
Безъ битвъ у ногъ.
Константинополь
Въ чаду тревогъ;
Что-жъ ты зѣвака
Повѣсили носъ?
Хватай собака,
Голодный песъ.

Ляхъ изъ Варшавы
 Намъ кажить шишь,
 Что жъ ты шаршавый
 Подъ лавкой спиши?
 Задай, лояка,
 Варшавѣ чось!
 Хватай собака,
 Голодный песь!

— «Все это жжется;
 Я братъ привыкъ,
 Что таکъ дается.
 Царь-градъ великий,
 Боюсь я ляха!»
 А ты небось!
 Хватай собака,
 Россійскій песь.

Такъ вотъ кресчены
 Звѣздъ, лентъ, крестовъ,
 Двѣ-три аренды,
 Пять-шесть чиновъ:
 На шнапсь, гуляка,
 Вотъ денегъ возъ!
 Схватилъ собака,
 Голодный песь.

Вотъ тотъ, кому Россія обязана семимѣсячной отсрочкой въ покореніи царства польского, отсрочкою въ глазахъ ея порицателей столь предосудительной государству, употребившему не болѣе времени, чтобы побѣдить самого Наполеона и его европейскую армаду; но повторяю, корень зла скрывается не въ русскомъ войскѣ, а въ личности самого Дибича.

При всемъ томъ мнѣніе иностранцевъ не перестаетъ быть противнымъ чести русскаго оружія. Всѣ осуждаютъ армію нашу и частныхъ ея начальниковъ въ недостаткѣ энергіи и умѣнья прекратить войну единимъ ударомъ; но легче осуждать, основываясь на слухахъ и словахъ другихъ, чѣмъ до осужденія основательно изслѣдоввать, въ какой степени мы заслуживаемъ порицанія. Спросите упорнѣйшихъ порицателей, до чего простидалось во время войны число войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ? Какія были предприняты движенія обѣими противувѣйствовавшими арміями? Къ удивленію вашему, они ничего не скажутъ, ибо ни о чѣмъ не знаютъ; я же, въ качествѣ свидѣтеля и участника, могу сказать,

что война эта носила на себѣ совершенно особенный отпечатокъ. Она достойна вниманія не по недостатку въ войскахъ нашихъ мужества и энергіи и дарованія въ частныхъ ея начальникахъ, а напротивъ, отъ особенного положенія той и другой воюющей стороны. Успії нашей арміи не ограничивались одной борьбой съ польскимъ войскомъ и возставшими въ тылу ихъ польско-российскими губерніями, но имъ надлежало въ одно и то же время бороться и съ полководцемъ, начальству котораго они были ввѣрены. Спрашиваю, какая армія въ мірѣ выдержала бы подобное испытаніе? Пораженная всѣмъ этимъ, она предавалась на побіеніе польскимъ войскамъ и ихъ начальникамъ, какъ окованый левъ стаѣ шавокъ и мордашекъ; но при всемъ томъ, если исключимъ частную неудачи Гейсмана подъ Сточекомъ, Крейца подъ Казиницами и Розена на брестскомъ шоссе, всѣ сраженія были выиграны русскими, не взирая на то, что числительная сила обѣихъ воюющихъ армій мало въ чёмъ одна другой уступала до самаго взятія Варшавы и были случаи, въ которыхъ превосходство войска было на сторонѣ непріятеля. Я говорю какъ было, а не такъ, какъ печаталось въ польскихъ, французскихъ, англійскихъ газетахъ и разглашалось российскими общемірными гражданами.

VIII.

Армія наша, движимая той страстью къ военнымъ случайностямъ, столь свойственной каждому русскому, и всеобщимъ не-годованіемъ при извѣстіи о наглыхъ требованіяхъ троекратно покореннаго ю народа того, что самъ великий Наполеонъ совѣстился явно требовать, бодро выдержавъ всѣ трудности зимняго похода, явилась въ 20-му январю 1831 года на вызовъ своего противника. Въ сей день снѣжный горизонтъ восточной границы царства покрылся громадами войскъ нашихъ; холмы Нѣмана, Наревы и Буга закурились длинными рядами бивуаковъ, и штыкъ русскій сверкнулъ мщеніемъ предъ знакомымъ ему войскомъ польскому. Армія наша состояла изъ 1-го и 6-го (бывшаго литовскаго) пѣхотныхъ корпусовъ, grenадерскаго корпуса, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и гвардейскаго отряда; всего изъ 106-ти баталіоновъ пѣхоты, 135-ти эскадроновъ кавалеріи, 396-ти орудій артиллеріи и 11-ти казачьихъ полковъ.

Ополченіе сie, двинутое для потушенія мятежа, вспыхнувшаго

въ области, торжественно признанной всѣми государствами собственностью Россіи, возбудило противъ себя всю либеральную милицію палатъ, чердаковъ и гостиныхъ. Журналы, газеты, витгіи лѣтніхъ сторонъ англійского парламента и обѣихъ палатъ Франціи, проповѣдники модныхъ идей, модные люди, модныя дамы, модныя фразы и все вообще модное, завопило и стало дыбомъ на Россію; а между тѣмъ, чтò тутъ было необычайного, сверхъестественного, и какое государство въ подобномъ случаѣ не сдѣлало бы того же самаго? Чѣмъ поступокъ Россіи предосудительнѣе поступковъ либеральной Англіи или либеральной Франціи: первой нѣкогда относительно Американскихъ Штатовъ, а нынѣ Ирландіи и Индустана, а послѣдней относительно Вандеи и африканскихъ бедуиновъ?

Не принимая этого въ уваженіе, вездѣ печаталось и провозглашалось, что Польша требуетъ только ей принадлежащее: самостоятельность, похищенную у ней Россіею, следовательно Россія должна удовлетворить справедливыя требования Польши.

Но Ирландія, Алжиръ и Индустанъ того же требуютъ, чего требовала Польша; отчего же никто не вопіетъ противъ Англіи и Франції? Отчего же Англія и Франція не только не выполняютъ требованій Индустана, Ирландіи и Алжира, но употребляютъ, напротивъ, и силу оружія, и полицейскія, и инквизиціонныя мѣры для удержанія ихъ за собою? Неужели законы справедливости, воспрещающіе похищеніе чужого достоянія, существуютъ лишь для одной Россіи? Это допустить можно, если-бъ завоеванія Ирландіи, Алжира и Индустана были послѣдствіями необходимости, повелѣвающей иногда покореніе сосѣднихъ областей для сохраненія собственного существованія; но когда Алжиръ, Индустанъ и Ирландія посягали на независимость Англіи или Франції?

Завоеваніе Алжира предпринято было для отмщенія дею за ударъ, нанесенный имъ вѣромъ по носу французскаго консула, возстановленія министра-любимца (Бурмона) въ общемъ мнѣніи, ему враждебномъ и для помѣщенія пышной фразы въ рѣчи правительства при открытии палатъ; Индустанъ же былъ покоренъ изъ торговыхъ видовъ; Ирландія по причинѣ алчности Англіи на пріобрѣтенія.

Возможно ли въ томъ упрекнуть Россію относительно Польши?

Борьба Россіи съ Польшею продолжалась нѣсколько столѣтій сряду. Были времена, когда Волынь, часть Литвы и часть кореннной Польши принадлежали Россіи въ продолженіе довольно долгаго времени. Была эпоха, когда Польша около пяти лѣтъ сряду, и не далѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, владычествовала надъ Россіею оружіемъ, но болѣе всякаго рода кознями и пропныствами. Раздувая въ ней междоусобныя браны, покровительствуя всѣмъ самозванцамъ и мятежникамъ, она возвела-было на престоль русскій короля своей династіи, и истогнувъ изъ нѣдра Москвы царя нашего, уморила его въ темницѣ и погребла въ Варшавѣ, какъ трофей своего могущества. И въ возстановленію этого-то государства намъ надлежало, по словамъ враговъ нашихъ, приступить при первомъ его востребованії! И этому-то государству надлежало намъ дать мѣсто на такомъ разстояніи отъ насъ, чтобы ближайшій уголь границы онаго находился отъ Москвы не далѣе четырехъ, а отъ Петербурга не далѣе пятисотъ верстъ! Само собою разумѣется, что столь благодушнымъ поступкомъ Россія сама бы себя изгоняла изъ среды европейскихъ государствъ, поступая добровольно въ составъ азіатскихъ государствъ; предавъ въ руки Польши всѣ отверзтія, чрезъ которыхъ проникаетъ къ намъ просвѣщеніе, она должна была совершенно отказаться отъ многихъ хозяйственныхъ, финансовыхъ и торговыхъ предначертаній своихъ и безпрекословно покориться игу Польши и Европы. не имѣя, по ихъ мнѣнію, права отстаивать свое нравственное и вещественное могущество. Чѣмъ сказали бы эти порицатели, если-бы Россія, уступая ихъ требованіямъ, отказалась бы отъ Польши, которую она владѣла въ силу трактатовъ и съ согласія всѣхъ государствъ Европы, чѣмъ сказали бы они объ этомъ политическомъ самоубийствѣ, и этимъ ли ограничились бы ихъ умѣренныя требования? Россія, возстановивъ Польшу, нашлась бы вынужденной признать самостоятельность и другихъ областей, поступившихъ искони и силою оружія въ составъ ея? Ибо чѣмъ права первой священнѣя правъ послѣднихъ? По возстановленіи Польши, не надлежало ли бы намъ возвратить всѣмъ сосѣдямъ всѣ земли, отъ нихъ приобрѣтены? Законы справедливости, воспрещающіе похищенье чужого достоянія, существуютъ не для одной Россіи, слѣдовательно примѣненіе оныхъ неминуемо касается и Франціи, и Англіи. Я здѣсь преимущественно говорю объ этихъ государ-

ствахъ, потому что они болѣе другихъ настаивали на добровольное съ нашей стороны удовлетвореніе требованіямъ польскихъ мятежниковъ, но вообще нѣтъ государства, котораго невозможно было бы разоблачить этимъ путемъ. Чѣмъ же стало бы съ Франціей, если бъ пришлось отрѣзать отъ нея провинціи, пріобрѣтенныя ею силою оружія? Чѣмъ бы вышло изъ Англіи въ такомъ же случаѣ, и наконецъ, чѣмъ бы вышло изъ всѣхъ вообще государствъ земного шара, и какой конгрессъ ангеловъ согласиль бы правительства при сихъ сложныхъ раздѣлахъ, отдачахъ, передачахъ, принятіяхъ и опять отдачахъ частей, изъ коихъ большее число не помнить первоначального владѣльца, или эпоху ихъ самостоятельного существованія? Въ какой хаосъ превратились бы всѣ четыре части свѣта, и гдѣ бы предѣль сихъ особаго рода межеваній земель и сортiroвки народовъ? И вотъ къ чему ведетъ слѣдствіе, происходящее отъ ложнаго и обманчиваго начала, которое само собою есть не чѣмъ иное, какъ слѣдствіе начала не менѣе обманчиваго и ложнаго ¹⁾.

Требование цеховыми либералами возврашенія самостоятельности Польшѣ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ раздѣленной между Россіею, Австріею и Пруссіею, основывалось на единодушномъ и всеобщемъ возстаніи всей польской нації. Въ этомъ они жестоко ошиблись. Безъ сомнѣнія, возстаніе существовало; но не все-

¹⁾ Франція слѣдовала бы возвратить прежнимъ владѣльцамъ: Нормандію и Турунь, завоеванныя Филиппомъ-Августомъ; Бурбоне и Овернь—Францискомъ I; Артура, Лимуссент и Пуату—Карломъ V, часть Гасконіи и Гюени—Карломъ VII и Франш-Контѣ—Людовикомъ XIV. Мы исключаемъ изъ сего разряда Алжирскую область, можно сказать, вчера и предъ глазами нашими похищенную у дѣл, скитающагося пынѣ по Европѣ безъ пристанища. Еще трупы алжирцевъ не истлѣли, еще разгромленныя стѣны города вошли въ насиліе, а мы уже слышимъ надгробный рыданія Франціи о Польшѣ и площадный ругательства, изрыгаляемыя ею на Россію за сію Польшу, съ 1772 года раздѣленную, при каждомъ ее возстаніи покоренную Россіею, и при каждомъ покореніи утвержденную за завоевателями общимъ согласіемъ всѣхъ державъ Европы!

Англія слѣдовала бы возвратить прежнимъ владѣльцамъ Валлійскую область, завоеванную въ 1282 году Эдуардомъ I; Ирландію—въ 1172 году при Генрихѣ II и Шотландію, присоединенную послѣ продолжительныхъ войнъ въ 1603 году при Іаковѣ I. Сверхъ того, не слѣдовало ли бы ей отказаться и въ Азіи отъ всего почти Индустана и множества земель въ Африкѣ и Америкѣ, занимаемыхъ ея колоніями.

(Примѣчаніе это заимствовано пзъ списка Паскевича Записокъ Давыдова, сообщ. генер. Распоповскимъ).

общее и национальное, а частное; ибо какія составныя части польской націи? Шляхетство, духовенство, средній и крестьянскій классы, изъ которыхъ послѣдній классъ превышаетъ, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ оба первые. Какой же витія палать или гостиныхъ увѣрить меня, очевидца, что польскіе: средній классъ и крестьяне, соединенно съ шляхетствомъ и духовенствомъ, возстали въ сю войну на Россію для возстановленія разрушенной самостоятельности ихъ отечества? Если же средній и крестьянскій классы были чужды сему восстанію, то неужели частное восстаніе высшихъ двухъ классовъ можно было почитать восстаніемъ всеобщимъ и национальнымъ? Россія еще потому не могла удовлетворить ихъ требованіямъ, что они могли быть противны выгодамъ въ двадцать разъ большей массы людей, не требовавшихъ и даже избѣгавшихъ сего удовлетворенія.

Во всѣхъ единодушныхъ, всеобщихъ и национальныхъ восстаніяхъ всѣ безъ изъятія сословія добровольно вооружаются; такъ поступили Испанія и Россія, но не вслѣдствіе угрозъ, разорительной пени, побоевъ, заточенія или висѣлицы, какъ то было въ Польшѣ. Здѣсь добровольно возстали только шляхетство, духовенство и войско, съ трудомъ возбужденное къ восстанію своими генералами и офицерами, принадлежащими шляхетскому разряду; хотя средній классъ и крестьяне умножили ополченіе рекрутами, но не добровольно, а бывъ отторжены отъ своихъ семействъ народнымъ правленіемъ и своими помѣщиками. Находясь въ рядахъ мятежниковъ, они сражались храбро; это свойство славянскихъ народовъ, но отъ рекрутскаго набора они скрывались въ лѣсахъ. Въ солдатскомъ же званіи, коль скоро представлялся имъ случай къ побѣгу, они въ самую благопріятную эпоху для польского оружія немедленно и съ радостю удалялись въ жилища свои. Они нетерпѣливо ожидали исхода войны, каковъ бы ни былъ результатъ ея, и при первомъ извѣстіи о взятии Варшавы никакая власть не могла уже удержать ихъ въ рядахъ ополченій. Они, разсыпавшись шайками въ двѣсти, триста и пятьсотъ человѣкъ, не причиняя ни малѣйшаго вреда никому изъ русскихъ, по одиночкѣ имъ на пути попадавшихся, достигли до пепелищъ своихъ и вновь обратились къ сельскимъ работамъ, какъ будто никогда не мѣняли сохи на оружіе. Равнодушіе къ исходу борьбы, предпринятой съ нами шляхетствомъ и духовен-

ствомъ, еще болѣе обнаружилось между домосѣдами. Они никако не измѣнились противъ того, что были прежде начатія мятежа. Вездѣ курьеры, малосильныя команды и наши отсталые могли свободно разѣзжать. Какъ часто мнѣ случалось (и кому изъ насъ этого не случалось?) одному нѣсколько разъ проѣзжать безопасно и по всѣмъ направленіямъ на почтовыхъ въ Польшѣ, иногда почевать на почтахъ или въ селеніяхъ, иногда на большихъ дорогахъ въ полѣ посреди пахарей. Это ли свойство народной войны и общаго восстанія? Проѣзжая одинъ изъ главной квартиры для принятія отряда, мнѣ ввѣренного и расположеннаго противъ Замостской крѣпости, верстахъ въ десяти отъ Люблина, изломалась у меня почтовая бричка. Это случилось въ полѣ, далеко отъ селенія, слѣдовательно и отъ возможности перемѣнить повозку. Немедленно я послалъ почтальона моего со всею тройкою лошадей въ Люблинъ для высылки мнѣ съ почты крѣпкой брички, съ свѣжими лошадьми, и самъ сѣлъ въ изломанный экипажъ мой и закурилъ трубку, въ ожиданіи грядущихъ благъ и лошадей. Въ это время сотни крестьянъ удалялись съ легкими своими пожитками съ театра военныхъ дѣйствій въ безмятежнѣйшія убѣжища. Вся эта эмиграція въ продолженіе двухъ и болѣе часовъ проходила спокойно мимо меня, лежавшаго и курившаго трубку въ изломанной повозкѣ въ военно-российскомъ сюртуке съ генеральскими эполетами. Многіе здоровались, многіе проходили молча, но ни одинъ не сказалъ мнѣ грубаго, даже насмѣшливаго слова, на которое, признаться, они могли быть вызваны моимъ страннымъ положеніемъ. Безъ сомнѣнія, эти случаи часто повторялись, и вѣрно не одному мнѣ въ теченіѣ этой войны крестьяне говорили, почесывая голову и скрежеща зубами, когда производились нами наряды подводъ или фуражированія въ ихъ селеніяхъ:

— «О паны, паны!!! не вы, господа солдаты, а наши паны насъ губятъ. Одному хочется быть королемъ, другому — генераломъ, третьему — богачемъ, а мы за все платимъ и за все терпимъ!»

Отчего же происходитъ то равнодушіе крестьянъ и средняго класса къ этому предмету, котораго усиливались достигнуть духовенство и шляхетство польское? Оттого, что вездѣ и повсюду духовенство и дворянство, не довольствуясь наслажденіями вещественными, алчутъ сверхъ того и почестей, власти,

извѣстности и славы, тогда какъ среднее и низшее сословія ограничивають желанія свои улучшеніемъ ремесленничества, добрымъ урожаемъ, выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній и покровительствомъ законовъ противу насилия сихъ высшихъ сословій, всегда ропщущихъ на твердое и благоразумное правительство, которое не терпить ихъ своею волія. Въ теченіе пятнадцати лѣтняго владычества Россіи, всѣ состоянія царства вполнѣ наслаждались отличнымъ преуспѣяніемъ въ хлѣбопашествѣ, ремеслахъ, торговлѣ, и слѣдовательно были богаты; въ этомъ нѣть сомнѣнія, многіе факты это подтверждаютъ. Это благосостояніе разлилось и на классъ крестьянъ, оцѣнившихъ пользу находиться подъ скіпетромъ россійской державы, способствовавшей развитію сего благосостоянія ¹⁾). Кромѣ того, правительство русское значительно ограничило произволъ помѣщиківъ, коихъ извѣстная жестокость едва ли уступала жестокости англійскихъ и американскихъ колонистовъ относительно негровъ; въ подтвержденіе моихъ словъ я также могу привести многіе факты. Когда эти помѣщики возстали на Россію, въ надеждѣ войной удовлетворить свое неумѣренное честолюбіе, они возбуждали къ восстанію и крестьянъ своихъ; тогда легко было предвидѣть, что сіи послѣдніе, желая продолженія того благосостоянія, коимъ доселѣ пользовались, не войдутъ въ сообщничество съ ненавистнымъ для нихъ классомъ противъ правительства, имъ всегда покровительствовавшаго. Инстинктъ и разумъ народа гораздо проницательнѣе, чѣмъ полагаютъ ихъ вольнодумные апостолы аристократического свѣта. Вотъ почему всѣ усилія духовенства и шляхетства къ возбужде-

¹⁾ Вотъ что говорить Солтыкъ въ сочиненіи *La Pologne, Солтыкъ*, самый непримиримый врагъ россійского правительства: «Народонаселеніе царства въ 1830-мъ году состояло изъ 4-хъ миллионовъ жителей. Одна Варшава заключала ихъ до 150-ти тысячъ. Доходы царства простирались до 80-ти миллионовъ златыхъ (48-ми миллионовъ рублей). Банкъ обладалъ капиталомъ, состоявшимъ изъ 120-ти миллионовъ золотыхъ (72-хъ миллионовъ рублей), и должно сказать, что государственный кредитъ получилъ прочную осѣдлость. Повсюду возникали фабрики, коихъ издѣлія умножались вдвадцатеро съ 1815 года (эпоха поступленія царства во владычество Россіи). Устроены прекраснѣйшія шоссе и дороги, что весьма вспомоществовало сообщеніямъ въ торговыхъ дѣлахъ; человѣколюбивыя заведенія, произведенія художествъ и великолѣпныя зданія украсили столицу. Не одно царство пользовалось такимъ благодѣяніемъ: благоенствіе сіе достигло и до губерній польско-рussijskikhъ и проч.

(Списокъ Паскевича Записокъ Давыдова. Сообщ. генераль Распоповъ).

нію средняго и крестьянского классовъ къ возстанію и къ вооруженію противъ Россіи остались тщетны. Вотъ почему такъ неудачно раздавались на каѳедрахъ и въ прокламаціяхъ слова: «для польского народа, народъ польскій, народомъ польскимъ». Ни кто добровольно не возставалъ, никто добровольно не вооружался, ибо эти сословія видимо не хотѣли отвѣтчать на мятежныя воззванія духовенства и дворянства. Вотъ истинное положеніе дѣль въ Польшѣ, оно никогда не было таковыемъ, какимъ его описывали въ иностранныхъ журналахъ. Но корифеямъ большого свѣта, повторяющимъ слова витій, палатъ и газетчиковъ, до правды дѣла нѣть; тамъ, въ Парижѣ и Лондонѣ, въ промежуткахъ двухъ кадрилій, двухъ партій виста, двухъ бутылокъ шампанского, требовали самостоятельности Польши!

IX.

Театръ военныхъ дѣйствій или царство польское граничитъ съ востока Россіею, съ сѣвера и запада Пруссіею, съ юга Австріею.

Оно представляется на картѣ въ видѣ нѣсколько округленнаго четвероугольника съ узкою продолговатостію къ сѣверо-востоку, проходящей между Гумбиненской провинціей прусского государства, Гродненской и Виленской губерніями.

Висла, направляясь отъ Завихоста до Торуня, разсѣкаеть эту четвероугольникъ почти надвое; близъ Торуня она вступаетъ въ границу прусского государства.

Восточная часть царства или часть онаго, находящаяся на правомъ берегу Вислы, заключаетъ въ себѣ воеводство Августовское, образующее вышесказанную продолговатость, Плоцкое, Подляськое, клинъ Мазовецкаго воеводства, отсѣченный Вислою, и Люблинское воеводство. Западная часть царства или часть онаго, находящаяся на лѣвомъ берегу Вислы, состоитъ изъ главной части клина Мазовецкаго воеводства, отсѣченного Вислою, изъ Калишскаго, Краковскаго и Сандомирскаго воеводствъ.

Восточная часть царства представляется для военнаго взора раздѣленною на четыре поля дѣйствія:

Первое пространство, заключающее въ себѣ Августовское и Плоцкое воеводства, лежащія между Пруссіей и правымъ берегомъ Нѣмана, а потомъ Наревы.

Второе пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Наревы и правымъ берегомъ Буга.

Третье пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Буга и правымъ берегомъ рѣки Вепржи.

Четвертое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Вепржи и австрійскою Галицією.

Западная часть представляетъ два поля дѣйствія:

Пятое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ нижней Вислы и лѣвымъ берегомъ рѣки Шилицы.

Шестое пространство, заключенное между правымъ берегомъ Шилицы и лѣвымъ берегомъ верхней Вислы, или Краковской области и австрійской Галиції.

Первое поле восточной части царства, весьма тѣсное отъ смежности съ нею границы прусского государства, Нѣмана и Наревы, изрѣзанное попечными рѣками, ручьями, озерами и дефилеями, покрытое дремучими лѣсами и во многихъ мѣстахъ непроходимыми болотами, не представляетъ удобства для наступательного дѣйствія и весьма способствуетъ оборонительному. Поле сie начинается расширяться отъ черты, соединяющей Пултускъ съ Млавою, т.-е. отъ черты, отъ которой наступательное дѣйствіе съ нашей стороны не только весьма затруднялось, но здѣсь мы могли подвергнуться большимъ опасностямъ; непріятель, опираясь на Модлинскую крѣпость и прагское предмостное укрѣщеніе, съ полной и весьма основательной надеждой на успѣхъ, могъ произвести совокупными силами натиски чрезъ Сироцкъ и Пултускъ, во флангъ и тылъ арміи нашей, особенно если по какимъ-либо обстоятельствамъ она, перейдя рѣку В кру, двинется въ глубину Плоцкаго воеводства. Наконецъ поле сie, хотя и проѣздано отлично устроеннымъ шоссе, простирающимся отъ Ковно до Варшавы, но этотъ путь — одинъ изъ самыхъ дальнихъ изъ всѣхъ, идущихъ отъ границы нашей къ Варшавѣ, ибо заключаетъ въ себѣ болѣе 400 верстъ.

Второе поле нѣсколько удобно для дѣйствія только у границъ нашихъ, до черты, соединяющей мѣстечки Нуръ и Остроленку; но по мѣрѣ углубленія своего къ главному предмету дѣйствія, т.-е. къ Варшавѣ, оно болѣе и болѣе стѣсняется рѣками Наревою и Бугомъ. Мѣстоположеніе оного становится лѣсистѣе и болотистѣе, такъ что почти по всему пространству его пѣть другого

пути для арміи съ ея тяжестями, кромѣ пути, идущаго на мѣстечки Брокъ и Вишковъ; прочие же суть только тропы, проложенные поселенами по тундрамъ и дремучимъ лѣсамъ. Наревъ, представляя преграду весьма значительную, вовсе отѣляетъ первое поле отъ второго. Путь, разсѣкающій это поле и идущій отъ Бѣлостока до Варшавы, заключаетъ въ себѣ немнога болѣе 200 верстъ.

Третье поле дѣйствія представляетъ пространство весьма удобное для всякаго рода движенія, особенно для наступательного, ибо оно открыто и изрѣзано многочисленными путями сообщеній. Сверхъ того оно разсѣчено отлично устроеннымъ шоссе, идущимъ отъ Бреста до Варшавы, которое заключаетъ въ себѣ не болѣе 180-ти верстъ.

Наконецъ, четвертое поле не менѣе третьяго удобно для военныхъ дѣйствій; хотя оно и лишено искусственного шоссе, однако здѣсь встрѣчаются широкіе пути, разсѣкающіе его по всѣмъ направленіямъ, и хлѣбороднѣйшія части царства польскаго; операционный путь, лежацій по сему полу отъ Устилуга до Варшавы, заключаетъ въ себѣ около 300 верстъ. На югъ отъ него находится Замостьская крѣпость, посредствомъ которой польская армія имѣть всѣ способы вторгаться въ Волынь, Подолію и Кіевскую губернію, и сверхъ того предпринимать набѣги въ тылъ нашихъ войскъ, занимающихъ Люблинское воеводство, или наступающихъ на Варшаву.

Модлинская крѣпость и прагское предмостное укрѣпленіе служатъ центрами, къ которымъ сходятся пути, разсѣкающіе 1-е, 2-е, 3-е поля и путь 4-го поля — въ случаѣ движенія нашихъ войскъ изъ Люблина на Зелеховъ, Шеницъ и Прагу. На случай, если бы они двигались по почтовому пути прямо на Варшаву, сей путь, проходя чрезъ Пулаву, минуетъ прагское укрѣпленіе.

Поля дѣйствія западной стороны царства состоятъ:

Изъ пятаго поля, заключеннаго между Вислою и Пилицею, бѣднаго лѣсомъ и вообще способнаго для военныхъ дѣйствій, по большему числу путей и открытому мѣстоположенію. Главные изъ нихъ суть: идущіе изъ Варшавы въ Краковъ, изъ Варшавы въ Люблинъ чрезъ Пулаву и изъ Варшавы въ Калишъ.

Изъ шестого поля, заключеннаго между Пилицею и верхнею Вислою, и покрытаго обширными лѣсами и песками. Главны

путь, разсѣкающій это пространство, есть продолженіе пути, идущаго изъ Варшавы въ Краковъ по 5-му полю; другіе пути хотя и удобны для слѣдованія войскъ, но идутъ почти всѣ сквозь обширные лѣса, затрудняющіе движеніе. Вообще по мѣстоположенію это царство весьма плоское и не имѣть значительныхъ возвышенностей.

X¹⁾.

Графъ Дибичъ вошелъ, 27-го января, изъ Высокомазовецка съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Желая воспользоваться способами края, дабы занятіемъ вдругъ большого пространства оного обеспечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ самой царствѣ польскомъ и сообразуясь съ высочайшею волею вашего императорскаго величества, я рѣшился немедленно начать военныхъ дѣйствій и соединенными силами вступить въ царство польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ и расположено такъ, чтобы 80,000 человѣкъ могли всегда въ теченіе 20-ти часовъ соединиться и нанести возмутителемъ рѣшительный ударъ, если бы они отважились принять сраженіе.

«24-го января вступилъ въ царство польское, при Ковнѣ, корпусъ гренадерскій генерала князя Шаховскаго пѣшими эшелонами, составляющими 18 баталіоновъ гренадеръ, 4 эскадрона кавалеріи, 60 орудій артиллериі и казачій полкъ, направляясь по шоссе на Калварію и далѣе къ Августову. Не подалеку отъ Гродно при Домровѣ перешель генераль-майоръ Мандерштернъ съ 5-ю баталіонами пѣхоты, двумя эскадронами кавалеріи, двѣнадцатью орудіями артиллериі и казачьимъ полкомъ, направясь прямь на Августово.

«При Владавѣ перешель генераль-адъютантъ баронъ Гейсмаръ съ 24-ми эскадронами кавалеріи, 24-ми орудіями артиллериі и двумя казачьими полками, имѣя направление къ городу Сѣдлецу.

«При Устилугѣ перешель генераль-лейтенантъ баронъ Крейцъ съ 24-ми эскадронами кавалеріи, 24-ми орудіями артиллериі и однимъ казачьимъ полкомъ въ направлѣніи къ Люблину.

«На конецъ, малый отрядъ подъ командою полковника Аирепа изъ одного казачьаго полка и одного дивизиона уланъ, перешель въ Брестъ-Литовскому въ направлѣніи къ Сѣдлецу; сему отряду предназначено связать партиями дѣйствія генераль-адъютанта Гейсмара съ главными силами арміи, которая на другой день, то-есть 25-го января, переплыла границу, а именно: корпусъ генерала графа Палена изъ 21 баталіона пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 72 орудій артиллериі и 2 казачьихъ полковъ, направляясь въ двухъ пунктахъ при Тыкочинѣ и Желткахъ, направляясь на Заводы и далѣе на Дудки. Корпусъ генерала барона Розена изъ 26 баталіоновъ пѣхоты, 24 эскадроновъ кавалеріи, 120 орудій артиллериі и 2 казачьихъ полковъ, направляясь въ двухъ пунктахъ при Суражѣ и Піонтковѣ, направился чрезъ Соколы на Высокомазовецкъ. При семъ корпусъ слѣдовала главная квартира арміи съ своимъ конвоемъ изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи и казачьаго полка. Корпусъ генерала графа Витта съ 4-ми баталіонами пѣхоты,

¹⁾ См. приложение № I.

28-ю эскадронами кавалеріи и 48 орудій артиллериі, переправясь при Цекановіи и Гранії, направился на Нуръ и Стердныи, и наконецъ резервъ арміи изъ 22 баталіоновъ пѣхоты; 12 эскадроновъ кавалеріи и 36 орудій артиллериі, перешель въ Суражъ 25 и 26-го чиселъ, направясь на Соколы подъ командою его императорскаго высочества цесаревича».

Главнокомандующій изъ Венгрова отъ 1-го февраля вошелъ съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами, первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожанахъ, а другимъ и главнѣйшимъ около Минска, Калушна и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направлениі къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армію мятежниковъ на двѣ части, и оставилъ отрядъ генераль-майора Мандерштерна въ Ломжѣ, для наблюденія лѣваго ея фланга, со всѣми прочими силами стараться отразить мятежниковъ отступление праваго ихъ фланга къ Варшавѣ. Въ теченіе днѣвки, которую имѣла армія, какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами, внезапно наступившій юго-западный вѣтеръ произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что послѣ 20-ти градусовъ мороза, 29-го числа всѣ поля были уже совершенно обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими берегами Буга неминуемо прекратится; а посему надлежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляеть лучшія сообщенія. Сообразно съ симъ, 30-го числа армія сдѣлала общее фланговое движеніе вѣво и перешла Бугъ въ двухъ мѣстахъ: 6-й пѣхотный корпусъ при Брокѣ, а 1-й пѣхотный при Нурѣ, сдѣлавъ форсированныхъ два марша отъ Ломжи и Замброва. Переправа совершилась хотя еще по льду, но съ большими предосторожностями. За первымъ корпусомъ перешель весь резервъ его императорскаго высочества цесаревича, а вслѣдъ за онимъ переправился фурштатъ всей арміи съ шестидневнымъ провиантомъ. Для обеспеченія оставленнаго арміею края на правомъ берегу Буга, предписалъ я генералу князю Шаховскому, имѣющему прибыть 4-го февраля съ тремя головными полками 3-й grenадерской дивизіи въ Ломжу, принять въ командау свою генераль-майора Мандерштерна, находящагося въ семъ городѣ съ отрядомъ своимъ, и сосредоточивъ всю 1-ю grenaderскую дивизію эшелонами, по той же дорогѣ слѣдующую, составить впредь до повелѣнія особый отдѣльный корпусъ. Корпусъ сей состоять будетъ изъ 22-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ гусаръ, 2-хъ казачьихъ полковъ и 60-ти орудій артиллериі.

«Независимо отъ сего оставленъ, въ родѣ партизана на правомъ берегу Буга, полковникъ Шиндлеръ съ казачьимъ полкомъ. Дѣлая поиски по всему пространству между Бугомъ и Наревомъ для разсѣянія всякаго вооруженнаго скопища, полковникъ Шиндлеръ будетъ находиться въ безпрестанномъ сношеніи, то съ генераломъ княземъ Шаховскимъ, то со мною. 31-го числа армія сдѣлала отъ береговъ Буга форсированный маршъ двумя колоннами въ направлениі къ Венгрову, который къ вечеру былъ занятъ авангардомъ графа Палена подъ командою генераль-майора Сакена. Бывшій уже предъ симъ въ семъ направлениі и усиленный бригадою 1-й гусарской дивизіи, 1-й корпусъ въ сей день остановился въ Пашеевѣ, 6-й корпусъ при деревнѣ Тончѣ. Авантгарды сихъ корпусовъ, имѣя повелѣнія занять переправы на Ливицѣ, нашли

мосты при Ливѣ и Старой-Веси совершенно истребленными. При первомъ изъ сихъ мѣстъ возмутители подъ прикрытиемъ артиллеріи старались воспрепятствовать возобновленію моста; но бригада егерей и сильный удачный огонь поставленныхъ противъ нихъ орудій принудили ихъ удалиться, такъ что въ сю минуту мостъ построенъ и авангардъ нашъ переправился.

«Коль скоро мосты совершенно устроены будутъ, авангардамъ 6-го и 1-го корпусовъ предписано перейти: первому на дорогу къ Дебрѣ, а послѣднему на дорогу къ Калушину. Главная моя квартира находится въ Венгровѣ.

«Резервъ его императорского высочества цесаревича переходитъ сегодня въ Соколовѣ, посыпая авангардъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Въ распоряженіе его высочества цесаревича поручается 3-й резервный кавалерійский корпусъ безъ 2-й бригады украинской уланской дивизіи, которая послѣ завтра только что присоединяется къ своему корпусу. Направленіе сіе даю я въ томъ предположеніи, чтобы быстро преслѣдовать мятежниковъ, находящихся при Сѣдлецѣ, войска коихъ вѣроятно отступятъ, узнавъ о занятіи Венгрова и ближайшемъ нашемъ движеніи къ Калушину.

«Относительно дѣйствій 5-й резервнаго кавалерійскаго корпуса, находящагося въ воеводствахъ Сѣдлецкомъ и Люблинскомъ, имѣю счастіе донести вашему императорскому величеству, что съ переходомъ онаго границы распространился всеобщій страхъ. Въ городѣ Сѣдлецѣ онъ былъ такъ великъ, что съ первымъ появлениемъ казаковъ партизанскаго отряда полковника Аирепа, они почти безъ сопротивленія заняли сей городъ. Возмутители, узнавъ, одважно-жъ, что отрядъ полковника Аирепа не довольно силенъ, вошли вторично въ въ Сѣдлецъ съ двумя пѣхотными полками и артиллерию. Тогда полковникъ Аирепъ выступилъ къ Збучину. Возмутители, не довольствуясь симъ, 28-го числа сдѣлали рекогносцировку двумя эскадронами къ Збучину, гдѣ полковникъ Аирепъ встрѣтилъ ихъ всѣмъ отрядомъ, атаковалъ, и опрокинувъ ихъ немедленно, преслѣдоваль на разстояніи 6-ти верстъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Послѣ сего полковникъ Аирепъ расположилъся при Угржановѣ, имѣя передовые свои посты въ 4-хъ верстахъ отъ города Сѣдлеца съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при малѣйшемъ видѣ къ отступленію напастъ на арріегардъ возмутителей и преслѣдовать ихъ быстро. На сей конецъ находится онъ въ прямомъ сношеніи съ генераль-адъютантомъ Гейсмаромъ, который изъ Лукова перешелъ въ Сточекъ, чтобы упредить венѣріателя въ его отступленіи. Генераль-лейтенантъ баронъ Крейцъ 27-го января былъ въ одномъ маршѣ отъ Люблина, который, по разсказамъ жителей, не занять никакими войсками. Отъ сего города генераль Крейцъ имѣть повелѣніе идти къ Пулавѣ, и переправа тамъ часть казаковъ на лѣвый берегъ Вислы, стараться разсѣять тамошнія вооруженія.

«Всеподданнѣйше донося вашему императорскому величеству о первона- начальныхъ движеніяхъ моихъ по вѣренной мнѣ арміи, я обязываюсь все- подданнѣйше присовокупить, что начатіе военныхъ дѣйствій столь неожиданно было для возмутителей, что повсюду находилось продовольствіе, особенно въ фуражѣ, котораго при теперешней распутицѣ никакими средствами подвезти бы невозможно было. Изъ общихъ движеній возмутителей замѣтна нерѣшимость, они повсемѣстно избѣгаютъ встрѣчи съ нашими войсками и при появлениіи оныхъ отступаютъ».

Сіи два донесенія достойны особенного вниманія. Они заключаютъ въ себѣ предсказанія всему тому, что впослѣдствіи соверши-

лось и должно было совершиться; здѣсь обнаруживается отсутствіе военныхъ дарованій составителя ихъ. Сверхъ того, какія противорѣчія, какое напряженіе къ введенію въ заблужденіе правительства насчетъ истиннаго положенія дѣль! Я одинъ изъ противниковъ военныхъ совѣтовъ, за нѣсколько тысячъ верстъ присылающихъ наставленія главнокомандующимъ насчетъ ихъ дѣйствія, тогда какъ каждая минута, каждый шагъ измѣняютъ обстоятельства войны. Невозможно при чтеніи означенныхъ рапортовъ не пожелать, по крайней мѣрѣ, какой-либо военной комиссіи, учрежденной при главѣ правительства для разбора того, что уже исполнено и для открытія противорѣчій и ложныхъ извѣстій. Къ чему послужили бы донесенія правительству, если бы они ему не доставляли средствъ къ основанію на прошедшемъ и настоящемъ предначертаній для будущаго. Если донесенія полководца лживы, то предположенія и расчеты правительства должны быть весьма ошибочны, слѣдовательно ему выгоднѣе не получать вовсе никакихъ донесеній, чѣмъ получать такія, которыя могутъ вводить его лишь въ заблужденіе. Можно не допускать полной правдивости въ донесеніяхъ о войнахъ съ восточными государствами. Тутъ большую частію и почти всегда встрѣчаются вымыслы тысячи и одной ночи. Тутъ являются на сцену и многолюдныя, несуществовавшія арміи, коихъ разрѣзываютъ на двое и разбитіе и перебросы ихъ за горы, коихъ не было и взятіе первоклассныхъ крѣпостей, изъ глины слѣпленныхъ, отъ холостыхъ выстрѣловъ разваливающихся, и громкія побѣды надъ сволочью, не выдержавшей грома единой пушки, и плѣны какихъ-то главнокомандующихъ¹), сдающихся первому явившемуся штабъ-

¹) Я положительно знаю о многихъ обстоятельствахъ войнъ персидской и турецкой, веденныхъ графомъ Паскевичемъ, блестательной храбрости котораго я всегда отдавалъ полную справедливость. Такъ, напримѣръ, Эривань взята была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: защита этой крѣпости была поручена храброму племени шахъ-севенамъ, которые не хотѣли, повидимому, служить Аббасъ-Мирзѣ; находясь на стѣнахъ крѣпости, они открывали по насъ весьма слабый огонь, а иногда вовсе не стрѣляли, что давало намъ возможность безнаказанно подходить къ самому рву крѣпости. Въ то время какъ Паскевичъ отдыхалъ въ лагерѣ, пionерный поручикъ Триклиевичъ измѣрилъ весьма спокойно ровъ крѣпости. Генералы Красовскій и Лаптевъ, пользуясь тѣмъ и не будучи троекратныи непріятелемъ, обошли крѣпость, выломали ворота и проникли въ самую крѣпость; близъ воротъ былъ сильно раненъ лишь аудиторъ. Войска наши отыскали скрывавшагося въ какомъ-то подвалѣ

офицеру нашему. Бумага терпить, награжденія сыплются зря, и ложными извѣстіями введенное въ заблужденіе правительство можетъ часто дѣлать промахи, не подвергая однако тѣмъ опасности Россію, далеко превосходящую восточныя сосѣднія государства въ умственномъ и вещественномъ развитіи; напротивъ, чрезъ обнародованіе такого рода донесеній увеличивается въ европейскихъ государствахъ уваженіе къ превосходству нашего оружія и дарованіемъ нашихъ полководцевъ. Но война съ польскими мятежниками совершенно иная. Она, по вліянію своему на умы, угрожая Россіи ужаснѣшими послѣдствіями, едва ли не была въ сущности грозѣ войны 1812 года. Одну можно назвать бурей, другую—заразой. Одну вѣль человѣкъ великий, превосходный, но имѣвшій въ виду лишь одну вещественную цѣль; другая—неслась сама собою, скрывая въ чревѣ свое мѣсто начало, полное разрушительными послѣдствіями всякаго единства, всякаго покоя, всякаго благосостоянія и порядка. Какая огромная обязанность лежала на правительствѣ! ему надлежало быть наиболѣе бдительнымъ, вѣремя обо всемъ извѣщеніемъ и полнымъ вниманія въ малѣйшему происшествію войны¹⁾). И при таковыхъ-то обстоятельствахъ, облеченный полною довѣренностью правительства полководецъ, на словахъ коего надлежало ему основывать всѣ пред-

---

извѣстнаго труса Гассанъ-Хана; оружіе сего презрѣннаго воина было подарено государемъ городу Ригѣ, гдѣ доставлено было извѣстіе о взятії Эривани. Во время благодарнаго молебна стѣни Эривани, подобно стѣнамъ другого Ерихона, осыпались отъ дѣйствія холостыхъ выстрѣловъ. Государь, поѣтіиѣ Эривань въ 1837-мъ году, сказалъ о ней: «Славны бубны за горами». Во время войны въ азіатской Турціи Паскевичъ доносилъ государю, что онъ, не давъ соединиться двумъ турецкимъ арміямъ, разрѣзть ихъ, такъ сказать, уничтоживъ одну и взявъ въ пленъ главнокомандующаго, онъ разбить и другую. Двухъ армій никогда не было выставлено противъ нашихъ войскъ; воображеніемъ 2-я армія была не что иное, какъ весьма небольшой сбродъ сволочи, которой, такъ-называемый, главнокомандующій Гакки-Паша, спасаясь отъ своего начальника, искалъ случая передаться русскимъ, и съ радостью сдѣлять это, увидавъ полковника Верзилина. Паскевичъ хотѣлъ отдать подъ судъ генерала Сакена за взятіе при этомъ случаѣ малаго числа пленныхъ.

Д. Д.

¹⁾ Государь сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Во время польской войны я находился одно время въ ужаснѣшемъ положеніи: жена моя была беременна на сносѣ, въ Новгородѣ всыхнула бунтъ, при мнѣ оставались лишь два эскадрона кавалергардовъ; извѣстія же изъ арміи доходили до меня лишь чрезъ Кёнигсбергъ. Я нашелся вынужденнымъ окружить себя выпущенными изъ госпиталей солдатами».

Д. Д.

варительными мѣры и распоряженія, не постигаетъ важности и характера войны. Онъ продолжаетъ доставлять своему правительству донесенія, каковыя доставлялъ ему изъ-за Балкановъ, гдѣ велась такъ сказать война исключительно вещественная! И что всему этому причиною? Старанія скрыть дѣйствія свои при первомъ шагѣ за границу, проступокъ едва простительный прапорщику, опоздавшему къ разводу и извинающемся различными вымыслами предъ своимъ ротнымъ командиромъ.

Разберемъ предварительно мѣры Дибича и распоряженія его для перехода вѣренной ему арміи за границу и вышеупомянутыя два донесенія императору.

Алчность къ начальствованію и увѣренность въ скоромъ вплетеніи новаго лавра въ Забалканскій вѣнокъ, столь легко пріобрѣтенный въ битвахъ ничтожныхъ, увлекла графа Дибича къ принятію начальства надъ арміей противъ врага образованнаго и свѣдущаго; онъ не имѣлъ для того необходимыхъ познаній и не успѣлъ, какъ оказалось, ознакомиться съ обстоятельствами, на коихъ надлежало основывать всѣ свои распоряженія. Ему представлялся, повидимому, мятежъ, простиравшися не далѣе Варшавы. По крайней мѣрѣ онъ не постигалъ, что отрасли заговора могли проникнуть въ нѣдра польско-российскихъ губерній, что этотъ мятежъ былъ послѣдствіемъ нравственныхъ корчей, терзавшихъ Европу; словомъ, онъ не ожидалъ, чтобы вспышка въ Варшавѣ была въ состояніи произвести взрывъ на всемъ пространствѣ отъ береговъ Варты до береговъ Днѣпра и Двины. Вместо того, чтобы, принявъ на себя командованіе арміею, разглашать по Петербургу, что онъ задавитъ Польшу въ теченіе шести недѣль¹⁾, онъ долженъ былъ отклонить отъ себя принятие тѣжкаго для него бремени, столь много превышавшаго его средства. Я говорю это въ оправданіе Дибича, которому слѣдовало предварительно ознакомиться съ характеромъ страны, положеніемъ дѣлъ и оцѣнить какія могли быть для Россіи печальные послѣдствія возстанія, могущаго вспыхнуть въ сосѣднихъ съ Польшей губерніяхъ. Если онъ понялъ, что желтая, красная и зеленая черты, отдѣляющія на картѣ эти губерніи отъ царства польскаго, не вещественнѣе линій, означающихъ экваторъ, тропики и ме-

¹⁾ Дибичъ звалъ даже своихъ знакомыхъ въ Варшаву на блины». Д. Д.

ридань, тогда нѣтъ ему оправданія въ избраніи сихъ губерній основаніемъ дѣйствій нашей арміи; не занять ихъ предварительно и заблаговременно какими-нибудь войсками. Какъ ему не знать было, что основаніе для военныхъ дѣйствій арміи не избирается во враждебныхъ областяхъ. Мы видимъ противное въ двухъ только случаяхъ: тогда, когда основаніемъ служить самое государство, коему принадлежитъ действующая армія, какъ была для насъ коренная Россія въ 1812-мъ году; или когда основаніемъ служить государство, союзное съ тѣмъ, коего армія предпринимаетъ военные дѣйствія, какъ были для насъ Австрія и Пруссія въ 1813-мъ году. Поясняю мысль мою мѣстнымъ примѣромъ: всѣмъ извѣстно, что Рейнъ и крѣпости Майнцъ и Страсбургъ представляютъ превосходныя основанія военного дѣйствія для арміи, намѣревающейся вторгнуться въ предѣлы Франціи; но если Майнцъ и Страсбургъ заняты уже французскими войсками, и сверхъ того великия герцогства Нассауское, Дармштадское и Баденское, королевства Виртембергское и Баварское въ союзѣ съ Франціею; то какой полководецъ въ мірѣ осмѣлится предпринять наступательное движеніе за Рейнъ и въ нѣдра Франціи безъ предварительного взятія или обложенія Майнца и Страсбурга и безъ занятія вышесказанныхъ герцогствъ и королевствъ сильною арміею?—въ томъ самомъ положеніи были и польско-російская губернія относительно нашей арміи. Хотя эти губерніи и были объявлены на военномъ положеніи, но слово—не дѣло; чтобы военное положеніе существовало по истинѣ, а не въ воображеніи, слѣдовало занять эти губерніи войсками, исключительно назначенными для угощенія восстаній, могущихъ здѣсь возникнуть. Хотя императоръ высочайше повелѣлъ о немедленномъ образованіи резервной арміи въ Литвѣ и о занятіи Волыни и Подолія войсками 1-й арміи,—но приведеніе въ исполненіе сихъ спасительныхъ для насъ мѣръ требовало нѣкотораго времени, по причинѣ значительного разстоянія между собою войскъ; не излишне было бы для Дибича до прибытія ихъ на пункты, имъ опредѣленные, оставить на сихъ мѣстахъ оба фланга растянутой имъ отъ Ковно до границы австрійской Галиціи арміи, правый въ Вильнѣ и Минскѣ, а лѣвый въ Луцкѣ. Первый, составленный изъ гвардейского отряда и второго пѣхотнаго корпуса, былъ достаточно силенъ для удержанія въ повиновеніи литовскія губер-

нії; последній, состоящій изъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и резервныхъ баталіоновъ 25-ї пѣхотной дивізіи, усиленныхъ войсками, впослѣдствіи составлявшими корпусъ Ридигера, представилъ бы твердый оплотъ противъ всякаго своеолія и возстанія въ Волынской, Подольской и Киевской губерніяхъ. И да не подумали бы, что оставленіемъ сихъ войскъ позади себя и вѣкруга боевыхъ происшествій Дибичъ ослабилъ бы чрезъ то массу дѣйствующихъ силъ, нимало. Онъ имѣлъ даръ распорядиться такимъ образомъ, что и изъ самыхъ войскъ, составлявшихъ главную боевую массу арміи, grenaderскій корпусъ едва былъ въ огнѣ 13-го февраля, прида лишь въ сумеркахъ на поле сраженія подъ Гроховыи; а 7-го февраля подъ Милосной, сей корпусъ находился еще далѣе, ибо былъ въ 150 верстахъ отъ сражавшейся арміи. Что же касается до гвардейскаго отряда, 2-го пѣхотнаго корпуза и войскъ, образовавшихъ впослѣдствіи корпусъ Ридигера, о нихъ тогда и помину не было на театрѣ военныхъ дѣйствій, а корпусъ Крейца находился въ 200 верстахъ отъ обоихъ выпеозначенныхъ полей битвъ.

Итакъ, избравъ и упрочивъ основаніе свое и пути, съ тылу къ оному ведущіе, Дибичъ былъ бы уже свободенъ, и не опасаясь возстанія между жителями этихъ губерній, онъ могъ бы обратить все свое вниманіе на дѣйствія противу войскъ, непосредственно предъ лицомъ его находившихся. Тогда стоило ему только, сосредоточивъ впереди Бѣлостока на Наревѣ корпуса: grenaderскій, 1-й и 6-й пѣхотные, 3-й кавалерійскій, гвардейскій отрядъ цесаревича, 11-ть казачьихъ полковъ и до 350-ти орудій, двинуться всею этою стотысячною массою чрезъ Нуръ къ Венгрому, а оттуда къ Варшавѣ, и пользуясь превосходствомъ въ силахъ, атаковать польскую армію съ полною надеждою на успѣхъ.

Отъ Бѣлостока до Варшавы не болѣе 200 верстъ. Полагая переходъ по 25-ти верстѣ въ сутки, что не очень велико, Дибичъ могъ бы прибыть въ 8 сутокъ подъ Варшаву, следовательно ему болѣе чѣмъ достаточенъ былъ обыкновенный запасъ хлѣба: трехдневный въ ранцахъ и десяти-дневный въ фуражахъ. Сверхъ того подводы могли прибывать отъ брестскаго магазина въ армію тотчасъ по вступленіи ея въ Венгровъ и занятіи Сѣдлеца, слѣдя по шоссе прочному, который не могъ портиться отъ дѣйствія дурной погоды. Такъ какъ онъ перешелъ границу 25-го января,

то 2-го февраля онъ могъ бы быть уже подъ Варшавой. Ледъ на Вислѣ былъ еще весьма крѣпокъ, ибо въ это время и даже нѣсколько позже корпуса Крейца и Дверницкаго по два раза переходили Вислу по льду съ орудіями и тяжестями. Совокупное движение нашей арміи, вслѣдствіе котораго вся армія явилась бы 2-го февраля подъ Варшавой, совершенно уничтожило бы выгода, которую должно было принести непріятелю прагское предмостное укрѣпленіе. Ледяной плотъ лежалъ въ то время по всей Вислѣ, слѣдовательно не для чего было атаковать твердыню, защищавшую одну только точку рѣки, всюду по льду проходимой.

Сверхъ того замерзаніе рѣкъ и болотъ лишаетъ оборонительныя позиціи болѣйшей части выгода, ими приносимыхъ; этимъ Дибичъ могъ легко воспользоваться, и чѣмъ весьма рѣдко пользуются полеводцы, дѣлая предначертанія свои по картамъ, на которыхъ ни моря, ни рѣки, ни болота не замерзаютъ. Это кажется эпиграммою, но въ сущности это справедливо. Я помню сколько графъ Буксгевденъ употребилъ времени въ войнѣ Финляндіи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 года, на сочиненіе плана атаки шведскаго корпуса, занимавшаго, по мнѣнію его, неодолимую позицію подъ Форсби, ибо фланги оной примыкали: правый къ Финскому заливу, а лѣвый къ изгибу широкой рѣки, протекающей предъ Форсби. Что же вышло? Корпусъ шведскій не остановился на сей позиціи, потому что тридцати-градусные морозы давно уже превратили и Финскій заливъ, и рѣки въ равнину, несравненно удобнѣйшую для наступательного дѣйствія, чѣмъ твердая земля въ Финляндіи, покрытая скалами и дремучими лѣсами. Есть военачальники, которые къ зимнимъ нелѣпостямъ присоединяютъ еще и лѣтнія. Они примыкаютъ фланги войскъ своихъ къ малому ручью или пруду, на картѣ санкционныхъ, не принимая въ уваженіе: есть ли броды или нѣтъ ихъ на семъ ручью, и достаточно ли воды въ немъ для плаванія лягушекъ? О таковыхъ-то полководцахъ великий Суворовъ говоривалъ: «Помилуй Богъ! эти великие тактики не иначе даютъ сраженія, какъ примкнувъ флангами: одинъ — къ лужѣ, другимъ — къ навозной кучѣ!»

Но приступимъ къ разсмотрѣнію рапортовъ Дибича. Оставя на произволъ судьбы и основаніе и затыльные пути, ведущіе къ оному, Дибичъ, какъ мы выше видѣли, доноситъ:

«Желая воспользоваться способами края, дабы занятіемъ вдругъ большого пространства онаго, обеспечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ царствѣ польскомъ, я рѣшился немедленно начать военные дѣйствія и соединенно вступить въ царство польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ.»

За что принимаетъ графъ Дибичъ правительство, осмѣливался угождать оное подобными донесеніями? Пусть покажутъ намъ возможность занятія войсками большого пространства, не разбросавъ войска сіи по всему пространству; пусть укажутъ намъ средства начать военные дѣйствія соединенными силами, предпринимая нападенія на разные пункты?

Дѣло въ томъ, что пространство, опредѣленное Дибичемъ для занятія арміею, ему ввѣрено, заключалось между восточною прусскою и австрійскою Галиціею, что составляло около 400 верстъ протяженія; разные пункты, чрезъ которые наступленіе производилось, находились на протяженіи отъ Ковно до Устилуга, что составляло около 700 верстъ. И таковую-то операцию въ донесеніи правительству Дибичъ называлъ дѣйствіемъ соединенными силами! Чудесная логика и не менѣе того превосходная стратегія! Впрочемъ, это предназначтаніе имѣло основаніемъ, какъ онъ самъ говоритъ, обеспеченіе будущаго продовольствія арміи. Но на долго ли разсѣяніе военныхъ силъ по обширному пространству, въ шести переходахъ отъ сосредоточенной непріятельской арміи, можетъ обеспечить продовольствіе этихъ войскъ, если противодѣйствующія онымъ силы сосредоточены и военачальникъ ихъ предпріимчивъ и знаетъ свое дѣло? Правда, что для подобной же цѣли Наполеонъ разсѣяvalъ свою армію, но не въ шести переходахъ отъ непріятельской арміи, а въ весьма дальнемъ отъ оной разстояніи; по мѣрѣ же приближенія своего къ ней, онъ снова ее сосредоточивалъ. Нѣть сомнѣнія, что прокормленіе арміи есть дѣло великой важности, но главная цѣль всякаго ополченія не есть лишь утоленіе голода его, а одержаніе побѣдъ, въ коихъ оно нуждается. Армія, расположенная близъ собственныхъ крѣпостей, снабженныхъ продовольствіемъ, можетъ съ полнымъ желудкомъ простоять всю кампанію безъ дѣйствія, и сохранивъ себя, можетъ погубить отечество. Армія, разсѣянная для пропитанія себя по чрезмѣрному пространству вблизи сосредоточеннаго непріятеля, можетъ съ полнымъ желудкомъ потерпѣть по частямъ пораженія, и погубивъ себя, погу-

бить отечество. Для этой ли цѣли собираются арміи? Въ 1796 г. Бонапартъ, принявъ начальство надъ войскомъ голоднымъ, въ ру-бищахъ, безъ казны и магазиновъ, и показавъ ему съ высотъ Аппениновъ роскошную Италію и полныя продовольствиемъ крѣ-пости, разливавшія изобиліе въ арміяхъ австрійской и сардинской, сказалъ войскамъ своимъ: «все это ваше», и все стало ихъ и приняло иной видъ: голодные насытились, нагіе одѣлись, милліоны насыпались въ казну арміи и Франціи; сытые же австрійцы и сардинцы познали голодъ, и растерявъ въ бѣгствѣ башмаки, предали во власть побѣдителей всѣ запасы, всѣ источники бо-гатства изобильнѣйшаго края; вотъ доказательство, что не рос-кошное содержаніе арміи даетъ побѣду, а побѣда открываетъ средства къ содержанію арміи, поддерживая войну воиною.

Изъ сего ясно видно, что для достижения сего предмета нужно было обратиться къ способу, вовсе противоположному тому, ко-торый избранъ былъ Дибичемъ, а именно: прежде всего надле-жало напасть совокупными силами на непріятеля, разбить его, и тогда уже легко позади побѣдоносной своей арміи приказать из-вѣстнымъ областямъ озабочиться о снабженіи арміи всѣмъ для нее необходимымъ. Для отысканія тому примѣра не надо было рыться въ чужеземныхъ исторіяхъ и заглядывать въ Италію; при-мѣръ тому легко найти въ русской арміи и на самомъ томъ мѣ-стѣ, на коемъ намѣревались тогда дѣйствовать. За тридцать шесть лѣтъ предъ симъ, Суворовъ, сосредоточивъ войска въ Брестѣ и обеспечивъ тылъ свой (хотя независимыми отъ него, но назна-ченными отъ правительства занимать Литву и Волынь корпусами кн. Репнина и гр. Салтыкова), двинулся усиленными переход-дами къ Варшавѣ, разбилъ подъ Кобылкою польскій корпусъ, отступавшій изъ-за Наревы и Буга къ сему городу, и взялъ при-ступомъ укрѣпленную Прагу; покоривъ Варшаву, онъ размѣстилъ войска свои на квартиры, опредѣливъ на доставленіе имъ продо-вольствія всѣ, вслѣдствіе побѣды его, падшія польскія воеводства. Вотъ способъ, коимъ благоразумному полководцу слѣдуетъ про-довольствовать войска свои на счетъ жителей враждебной области до благопріятнаго разсѣченія гордѣва узла; это обстоятельство болѣе чѣмъ сомнительно при разбрасываніи наступательной ар-міи въ близкомъ сосѣдствѣ съ сосредоточеннымъ непріятелемъ,

ожидающимъ, можетъ быть, сей ошибки, чтобы самому перейти въ наступлениe.

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами: первыми при Остроленкѣ, Шултускѣ и Рожаихъ, а вторыми и главнѣйшимъ около Минска, Калушинъ и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направлениe къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армію мятежниковъ на двѣ части, а оставилъ отрядъ генераль-майора Мандерштерна въ Ломжѣ для наблюденія лѣваго фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежникамъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ».

Это выходка для жоминистовъ. Дибичъ хотѣлъ показать оною, что и онъ умѣеть, подобно Фридриху, Наполеону и Суворову, пользоваться внутреннею линіею; но на дѣлѣ этого не было, и славу Богу! ибо этотъ планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Чтобы избирать родъ дѣйствія, предметомъ коего служить раздѣленіе непріятельской арміи надвое, необходимо слѣдуетъ достовѣрно узнать, точно ли расположение ея тому способствуетъ; если слухи справедливы, то не ползти и не останавливаться на пути, а бѣжать, летѣть, бросаться стремглавъ на избранный предметъ дѣйствія, потому что операциѣ такого рода болѣе другихъ требуетъ быстроты и внезапности. Въ этомъ случаѣ, еслибы извѣстіе о размѣщеніи польской арміи, полученное Дибичемъ, и не подлежало сомнѣнію, то было безразсудно слѣдовать со всею арміею по мѣстности лѣсистой между Бугомъ и Наревою, едва прорѣзанной кое-гдѣ узкими дорогами и тропинками и въ то время года еще заваленной снѣгами; непріятель между тѣмъ могъ удобно двинуть по широкимъ и удобнымъ шоссе, соединяющимся у Прагскаго укрѣпленія предъ Варшавою. При первомъ извѣстіи о семъ движеніи, непріятель могъ весьма спокойно отойти по обоимъ шоссе и сосредоточиться у Праги, прежде чѣмъ армія наша успѣла бы сдѣлать два перехода по затруднительнейшей мѣстности. Положимъ однако, что препятствія эти не устрашили Дибича, что онъ рѣшился преодолѣть ихъ, во что бы то ни стало, и предпринять движеніе, требующее быстроты и внезапности; онъ двинулъся, и вдругъ..... что же пишеть? «въ теченіе днѣвки, которую имѣла армія...» Какъ днѣвки?! Въ операциѣ, въ которой всякой шагъ впередъ, всякой часъ, всякая минута такъ дороги, полководецъ, предпринявший оную, рѣшается остановить армію

для днёвки! Но что тому причиною? Послушаемъ еще самого Дибича:

«Какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами».

Право, не знаешь какое имя дать подобной наглости въ отношении правительства! Да чѣмъ же главнокомандующій занимался въ теченіе полуторамѣсячнаго пребыванія своего посреди арміи въ Бѣлостокѣ? Не устройствомъ ли въ окрестностяхъ сего города и въ Брестѣ магазиновъ, ежедневно наполняемыхъ подвозами изъ литовскихъ губерній и образованіемъ арміи, по мѣрѣ прибытія въ ея составъ войскъ изъ Россіи? И когда войска, составившія армію, подкрѣпили себя, первыя—десятидневнымъ, а послѣднія—пятидневнымъ отдохновеніемъ, когда магазины наполнились, по крайней мѣрѣ, двухнедѣльною пропорціею провіанта, когда, сверхъ того, большое количество запасовъ роздано было войскамъ: сухарей на три дня въ ранцы и на десять дней въ фуры, тогда Дибичъ двинулся, и послѣ двухъ переходовъ, снова остановился, «какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами», и гдѣ же? Въ землѣ, на коей оставлены были огромные магазины непріятельскіе, въ землѣ, противъ настѣ возставшей и изобилующей всѣми родами съѣстныхъ припасовъ, на шестисуточномъ разстояніи отъ непріятеля, и имѣя съ собой одиннадцатисуточный запасъ продовольствія! Если это называется воевать, то какъ назовемъ мы походы Фридриховскіе, Наполеоновскіе, Суворовскіе и предшествовавшихъ имъ полководцевъ? Дошли ли бы до настѣ исполинскія имена Александра, Аннibalа и Цезаря, еслибы на каждомъ второмъ переходѣ они, имѣя при себѣ достаточное количество провіанта, останавливали войска свои для отдохновенія и ожиданія подвозовъ съ пищею въ краяхъ, оною изобилующихъ?

Впрочемъ, это не новая уловка главнокомандующихъ нашими арміями. Я отслужилъ четырнадцать кампаній и почти въ каждой изъ нихъ читаль по нѣсколько разъ подобного рода оправданія, посыпаемыя ими правительству. Забавныя оправданія! Армія не можетъ идти впередъ, потому что еще подвозы съ запасами къ ней не прибыли. Но развѣ войско, стоя на мѣстѣ, можетъ обойтиться безъ пищи? А если оно употребляетъ не менѣе пищи во время стоянки, какъ и на походѣ, и пищу сю получаетъ

отъ жителей края, имъ занимаемаго, то не лучше ли ему утолять голодъ, подвигаясь впередъ, чѣмъ стоя на одномъ мѣстѣ? Тѣмъ болѣе, что отъ неподвижнаго пребыванія арміи край, ею занимаемый, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнуряется и не въ состояніи прокормить ее и жителей. При движеніи же впередъ, она на каждомъ шагу находитъ народонаселеніе свѣжее и еще не раздѣлившее съ войсками пропитанія своего, слѣдовательно обладающее болѣшею возможностію прокормить сіи войска, чѣмъ то, которое понесло уже ущербъ въ своихъ запасахъ. Если бы впереди находящійся край былъ, подобно Аравійской пустынѣ, лишенъ скота и хлѣба, тогда, безъ сомнѣнія, нельзя вступить въ него безъ огромныхъ запасовъ провіанта изъ магазиновъ, предварительно устроенныхъ въ хлѣбородныхъ областяхъ, съ нею граничившихъ. Но во всѣхъ европейскихъ войнахъ области, прилегающія спереди, съ боковъ и тыла къ той, въ коей полководецъ останавливаетъ армію свою для ожиданія подвозовъ, почти столь же изобилыны продовольствіемъ, сколько и онъ сами. Это разсужденіе не свыше понятій самаго обыкновеннаго человѣка. Что же причиною тому, что всегда пропадаетъ такъ много времени въ бездѣйствіи, подъ предлогомъ поджиданія подвозовъ съ провіантомъ? Не вслѣдствіе ли опасенія генерального сраженія съ непріятелемъ, сего рокового удара, рѣшающаго въ нѣсколько часовъ судьбу всего похода? Вотъ истинная тому причина; поджиданіе же подвозовъ есть только отговорка, и это такъ быть должно. Самое превосходно обдуманное и данное на выгоднѣйшемъ мѣстоположеніи генеральное сраженіе зависитъ отъ болѣшихъ или менышихъ случайностей; а чтобы любить случайности, надо быть преисполнены поэзіею ремесла нашего, исключительно поэтическаго и потому непостижимаго для людей, руководимыхъ единой расчетливостію, ничего не оставляющихъ на произволъ случая, ничего не вѣряющихъ порывамъ вдохновенія. Надо имѣть твердую, высокую душу, жаждущую сильныхъ ощущеній, безъ влиянія ихъ на умъ, ни отъ чего не смущающейся и всегда дѣятельный, на волю, сплавленную въ единый слитокъ и на мнѣніе о себѣ, полное неистощимаго запаса увѣренности въ способности творить успѣхи тамъ, где посредственность видить одну лишь гибель. Какъ же послѣ того предпринимать что-либо отважное полководцамъ покрова обыкновеннаго, дарованій сомнительныхъ и теряю-

щимъ силу соображений при малѣйшемъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ? Какъ рѣщаться имъ на спибку грудь съ грудью съ непріятелемъ, на спибку, могущую въ одинъ день, а иногда и въ одинъ часъ времени, нисровергнуть въ прахъ весь мозаическій слѣпокъ ихъ хрупкихъ репутаций? Вотъ почему полководцы эти прилѣпляются какъ ростовщики къ скопленному ими, всѣми позволительными и непозволительными способами сего рода капиталишку, рискуя онимъ не иначе, какъ мелкою монетою по денежкамъ и по копеечкамъ въ огромной понтировкѣ армій и народовъ. Вотъ почему они довольствуются ожиданіемъ при выигрышѣ арендъ, чиновъ, крестовъ, а при проигрышѣ наказанія, соразмѣрнаго съ подобными награжденіями; тогда какъ въ этой же понтировкѣ полководцы размѣра Фридриха, Наполеона и Суворова ставятъ на одну карту весь капиталъ необъятныхъ побѣдъ, ими пріобрѣтенныхъ и выигрываютъ государства и части свѣта, или проигрываютъ все до собственной жизни, до собственной свободы, какъ Аннibalъ и Наполеонъ, оставивъ славѣ своей лишь безсмертіе на пропитаніе.

Стоянка Дибича въ окрестностяхъ Ломжи и Высокомазовецка продолжалась трое сутокъ, тогда какъ слѣдовало бы ей продолжаться не болѣе того времени, которое нужно было для сваренія каші и легкаго отдыха. 30-го армія выступила въ походъ, но уже не на Вышковъ, а круто вправо на Броки и Нуръ, дабы безпрепятственнѣе и поспѣшнѣе переправиться чрезъ Бугъ, подъ предлогомъ опасенія скораго вскрытия сей рѣки. Вотъ что пишетъ о томъ Дибичъ:

«Внезапно наступившій юго-западный вѣтръ произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что послѣ двадцати градусовъ мороза 29-го числа всѣ поля были уже обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоями берегами Буга неминуемо прекратится, а посему надлежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляется лучшимъ сообщеніемъ.....»

Правда, что во время трехсуточного замедленія арміи нашей въ Ломжѣ и Высокомазовецкѣ, наступила сильная оттепель, но въ эту часть года, т.-е. въ концѣ января нельзѧ было ожидать никакого рѣшительного появленія весны. Если поля обнажились отъ снѣга и дороги сдѣлались грязными, то грязь эта была на одной только поверхности дорогъ, грунтъ же ихъ оставался твер-

дымъ и еще далеко было до разлитія рѣкъ, ибо самыи Бугъ быль безпрепятственно перейденъ по льду grenадерскими корпусомъ князя Шаховскаго шестнадцать дней послѣ появленія означеннай оттепели, а Висла вскрылась только въ началѣ марта. Такъ всегда бываетъ на широтѣ той части Польши, на коей происходили тогда военные движенія. Для чего же примишовать отступленіе отъ начальне избраннаго предначертанія опасности, которая будто бы угрожала намъ вслѣдствіе близкаго вскрытия Буга? Нельзаясь вполнѣ правами главнокомандующаго, не отъ Дибича ли зависѣло дѣйствовать какъ ему заблагоразсудится? Не обладать ли онъ полною волею слѣдоватъ по направлению, для него удобнѣйшему? Если прямой путь къ непріятелю представлялъ затрудненія, были пути и вправо и влево: ступай тѣмъ или другимъ, все хорошо, не ходи только тѣмъ, который ведетъ обратно въ Россію. Зачѣмъ же избирать кривой путь въ сношениі съ правительствомъ? На это врядъ ли онъ имѣлъ разрѣшеніе. Но положимъ, что измененіе начальнаго предначертанія произошло отъ причинъ изъясненной въ разбираемомъ нами разортѣ, и послѣднѣсть, употребленная для перехода на лѣвый берегъ Буга, основывалась на намѣреніи избѣжать всякаго значительного препятствія между нашей арміей и непріятельской, слѣдовательно новое предначертаніе ручалось въ быстрѣйшемъ достиженіи главныхъ непріятельскихъ силъ и скорѣйшей развязкѣ вознившихъ споровъ — генеральному сраженію. Всѣмъ известно, что для такого решительного удара превосходство въ численной силѣ весьма не лишнее по той причинѣ, что съ гораздо болѣею выроятностю можно надѣяться на побѣду съ 98-ми-тысячною, чѣмъ съ 78-ми-тысячною массою при нападеніи ея на 73-хъ-тысячную. Сверхъ того, однимъ изъ непростительныхъ стратегическихъ проступковъ почитается движеніе арміи двумя путями противъ одного пути, между ними находящагося и занятаго непріятелемъ, особенно если эти два пути отдѣлены одинъ отъ другого естественными преградами, какъ, напримѣръ: рѣками, озерами, болотами и проч. Для какого же предмета оставленъ былъ весь grenадерскій корпусъ кн. Шаховскаго и отрядъ генерала Мандерштерна около Ломжи на ковенскомъ шоссе, лежащемъ на правомъ берегу Наревы, во время перехода главной нашей арміи на лѣвый берегъ Буга и при переносѣ ея дѣйствія на брестское шоссе, тѣмъ болѣе,

что точка соединенія обоихъ шоссе была въ рукахъ непріятельской арміи, расположенной впереди сей точки не въ дальнемъ отъ нея разстоянії? Что мѣшало обратить и корпусъ этотъ и отрядъ Мандерштерна вслѣдъ за нашей арміей, для которой войска эти составили бы резервъ и усилили бы ее чрезъ это 20-ю тысячами человѣками и 72-мя орудіями, вмѣсто того, чтобы вслѣдствіе очищенія ковенскаго пути опасаться непріятельского вторженія по немъ къ Вильнѣ? Но объ этомъ вторженіи непріятель не могъ имѣть тогда ни малѣйшаго помышленія, ибо рѣшился ли бы начальникъ польской арміи залетѣть всѣми силами за 500 верстъ отъ Варшавы при движеніи всей нашей арміи по брестскому шоссе къ столицѣ? Я увѣренъ, что если непріятелю и пришла мысль двинуться по сему направлению; то она явилась по той причинѣ, что онъ могъ увлечься желаніемъ истребить корпусъ, вчетверо слабѣйшій противъ польской арміи, который оставленъ былъ въ Ломжѣ на защиту этого пути и только лишь потому, что онъ былъ удаленъ отъ нашихъ главныхъ силъ. Слѣдовательно, этотъ корпусъ, вмѣсто того, чтобы охранять ковенское шоссе, служилъ только приманкою для польской арміи, съ которой онъ, по великому превосходству ея въ силахъ, не могъ и полсугодя бороться. Я предоставляю читателю судить, что произошло бы, еслибъ, по разбитію этого корпуса при Ломжѣ, непріятель, недовольствуясь симъ успѣхомъ, двинулся немедленно къ Бугу и далѣе въ тылъ арміи нашей, направляющейся къ Варшавѣ? Какое вліяніе возымѣло бы на духъ польской арміи и польской націи извѣстіе о разбитіи 20-ти-тысячнаго корпуса нашего при самомъ открытии военныхъ дѣйствій? Въ какое положеніе это обстоятельство поставило бы Дибича, находившагося между вооруженною Варшавою, предмостнымъ Прагскимъ укреплениемъ, Модлинской крѣпостью и польской арміей, устремляющейся на него съ тылу и могшей легко захватить всѣ его запасы, шарки и резервы; кроме того, непріятель истребленіемъ гренадерскаго корпуса значительно бы возвысилъ этимъ нравственный духъ своихъ войскъ. Минѣ скажутъ, что такое движеніе было бы чрезмѣрно отважно. Согласенъ, но такими только движениями и приобрѣтаются огромные успѣхи, спасаютъ отечества, живутъ въ потомствѣ. Размѣренныя, систематическія движения заранѣе разсчитаны посредственностью и принаровлены къ мѣст-

ности, какъ разводъ къ городской площади; всякий знаетъ, что послѣ чего слѣдуетъ, и куда идти, куда придти, и что каждому изъ фигурантовъ надлежитъ дѣлать. Но эти вспышки генія не предвидимы и неисчислимы по своимъ послѣдствіямъ, ибо онъ не только поражаютъ духъ непріятельскихъ войскъ, но ошеломляютъ, отуманиваютъ главнаго начальника, ниспровергая всѣ его предначертанія; съ планами, съ обѣихъ сторонъ по канвѣ расчисленными и систематически размѣренными, кампанія можетъ продолжаться для обѣихъ сторонъ до изнеможенія силъ, какъ минувшт вѣкъ Людовика XIV, но нѣть такой глубоко обдуманной систематической кампаніи, которая бы въ состояніи выдержать одного, а много двухъ движеній, подобныхъ тому, какое слѣдовало бы предпринять его сіятельству князю Михаилу Радзивиллу, при представленномъ выше распорядкѣ его сіятельства господина генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. И да не подумали бы, что подобного рода движенія никогда не были приведены въ исполненіе. Кто усомнится въ этомъ, пусть раскроетъ описание кампаніи великаго Наполеона въ 1796 году въ Италии. Пусть онъ взглянетъ на карту и представить себѣ Вислу—вмѣсто Адижа; польскую армию —вмѣсто французской арміи; Варшаву—вмѣсто Вероны; россійскую армию—вмѣсто австрійской; Дибича—вмѣсто Бурмзера; Радзивилла—вмѣсто Наполеона; дорогу, идущую отъ Бреста къ Варшавѣ—вмѣсто дороги, ведущей отъ Тревизы къ Веронѣ; Давидовича, расположеннаго при Трентѣ—вмѣсто Шаховскаго, расположеннаго при Ломжѣ; дорогу, идущую на Трентъ и далѣе къ Ботцену —вмѣсто ковенской дороги; движение Бурмзера отъ Бассано къ Веронѣ —вмѣсто движенія Дибича отъ Брокъ и Нуры къ Варшавѣ; разбитіе Наполеономъ Давидовича при Трентѣ —вмѣсто разбитія, угрожавшаго Шаховскому подъ Ломжою; движение отъ Трента по Саганской долинѣ (дорогѣ?) къ Бассано—вмѣсто движенія, которое Радзивилль должно было предпринять отъ Ломжи къ Бугу и за Бугъ въ тыль Дибичу, послѣ разбитія Шаховскаго. Что же касается до движенія къ Вильнѣ малою частью арміи, то могло ли оно быть предпринято, тогда какъ все еще было спокойно въ Литвѣ, гвардейскій отрядъ находился въ окрестностяхъ Вильны и 2-й пѣхотный корпусъ былъ расположенъ около Минска? Да и какой сумасбродный полководецъ осмѣлился бы отдѣлять на второстеп-

шеннное и весьма гадательное предпріятіе какую-либо часть войскъ отъ массы, ожидающей съ часу-на-часъ рѣшительной борьбы съ подвигавшейся къ ней сосредоточеною непріятельскою арміею? Итакъ, мнѣ кажется, что не лишнее было бы Дибичу присоединить къ нашей главной арміи войска Шаховскаго и Мандерштерна.

XI.

12-го марта графъ Тиманъ и я прибыли въ главную квартиру, но Граббе нась опередилъ сутками. Всѣ подняли меня на руки, прежде нежели я быть допущенъ до высшихъ вождей. Генераль-квартермейстеръ Нейдгардтъ принялъ меня по-дружески. На другой день мы съ Тиманомъ представлялись фельдмаршалу, который, принявъ нась въ кабинетъ, очень обласкалъ меня, и говоря со мной, безпрестанно повторялъ: «Денисъ Васильевичъ». Онъ звалъ меня обѣдать, и посадивъ возлѣ себя, говорилъ много, шутилъ и подливалъ мнѣ и себѣ много вина, разспрашивалъ объ Алексѣ Петровичѣ Ермоловѣ, съ которымъ онъ такъ благородно поступилъ въ Грузіи¹⁾.

Отведя меня въ сторону, онъ прибавилъ:

«Я для васъ готовлю хорошее мѣсто и команду; подождите немножко, завтра приѣдетъ графъ Толь, мы съ нимъ обѣ этомъ потолкуемъ».

На другой день, по приѣздѣ Толя, я поспѣшилъ къ нему. Онъ, увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ и обнялъ съ слѣдующими словами: «Здравствуй, любезный и милый Денисъ, жду тебя сто лѣтъ, послужимъ вмѣстѣ, найду тебѣ дѣло, и славное».

Въ тотъ же день за обѣдомъ фельдмаршала, возлѣ котораго сидѣлъ Толь, этотъ генераль, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ ему:

— «Ваше сіятельство, надо дать ему славное мѣсто, это давнинній мой другъ и пріятель съ самаго 1812 года».

¹⁾ За обѣдомъ графъ Дибичъ, вспоминая о Грузіи, говорилъ: «Каргановъ разсорилъ Ермолова съ Паскевичемъ, который совершенно окладѣлъ; онъ уѣхалъ его, что Ермоловъ посыпалъ его подъ Елизаветполь на вѣрную гибель и что даже непремѣнно хочетъ отравить его». Когда я самъ заболѣлъ, входить ко мнѣ Каргановъ съ разстроеннымъ лицомъ и объясняетъ мнѣ, по секрету, что онъ знаетъ навѣрное, что Ермоловъ отравилъ меня; но я закричалъ: «вонъ отсюда, мерзавецъ!»

(Примѣчаніе это написано Д. Давыдовымъ на особомъ листѣ).

— «Да, да! непремѣнно, отвѣчалъ фельдмаршаль, я вѣсль только дождался».

Въ мѣстечкѣ Шеницы, 15-го марта, я получилъ предписаніе главново командующаго графа Дибича-Забалканскаго, слѣдующаго содержанія:

«Господину генераль-майору и кавалеру Давыдову.

«Съ получения сего, имѣете ваше превосходительство отправиться въ городъ Люблинъ, гдѣ явитесь къ генералу-оть-кавалеріи графу Витту, коман-диру отдѣльного корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ, и коему при семъ прилагается предписаніе, относительно вашего назначенія, которое состоить въ томъ, чтобы дѣйствовать въ родѣ летучаго отряда и составлять въ то же время и передовую стражу войска въ Люблинѣ и около сего города квартирующихъ. Вѣряемъ вамъ отрядъ состоять изъ казачьихъ полковъ: Катасанова, Платова и Каreeва, имѣющіе въ подкѣщеніи финляндскій драгунскій полкъ, расположенный нынѣ въ Красноставѣ, по дорогѣ отъ Люблина къ Замостью. Главная обязанность ваша состоить въ томъ, чтобы наблю-дать за движеніями мятежника Дверницкаго, находящагося нынѣ съ отрядомъ изъ 8-ми или 10-ти тысячъ человѣкъ въ сей крѣпости и ея окрестностяхъ.

«Предметъ его дѣйствій можетъ быть, съ переходомъ нашимъ за Вислу, сдѣлать поискъ къ Любlinу, или партіями, стараясь взволновать край между Бенржомъ и Бугомъ, или наконецъ, оставя сю пѣхоту съ частью артиллеріи въ Замостьѣ, со всею кавалеріею (въ числѣ коей суть 5-й и 6-й эскадроны отъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го конно-егерскихъ и 1-го, 2-го, 3-го и 4-го уланскихъ полковъ и 4-хъ полковъ кракусовъ, каждый въ три эскадрона, что составляетъ всего 28 эскадроновъ, выводящихъ въ строй не болѣе 10-ти рядовъ, или 2,800 человѣкъ на конѣ), стараться изъ Замостья пробраться чрезъ Раховъ на лѣвый берегъ. Первые два предположенія менѣе вѣроподобны, паче если онъ узнаетъ, что въ Устилугѣ собраны довольно значительныя силы нашихъ войскъ, при коихъ есть и казачій полкъ Попова 3-го, въ Грибешовѣ расположенный и имѣющій повелѣніе открывать всѣ движенія мятежниковъ со стороны Замостья. Третій случай требуетъ большой бдительности, чтобы мятежники, скрывтъ отъ васъ свои движенія, не успѣли бы въ превосходныхъ силахъ на-пасть на генерала барона Крейца, въ Уржендовѣ находящагося, и удаливъ его, пробраться на лѣвый берегъ Вислы. Извѣстная опытность вашего пре-восходительства укажетъ вамъ способы, какъ остеречь войска наши отъ вне-запнаго вепрітельскаго появленія, а между тѣмъ и средства къ безпрестан-ному его безпокойству, дѣлая на него частые поиски. Для сего необходимо нужно вамъ быть въ весьма тѣсной связи съ генераль-лейтенантомъ барономъ Крейцомъ, у коего состоять вамъ въ прямой зависимости и еже-дневно доносить о происходящемъ какъ къ нему въ Уржендово, такъ и графу Витту въ городъ Люблинъ, дабы на случай движенія Дверницкаго на гене-рала барона Крейца, могли бы вы сблизиться къ нему и соединенно нанести превосходствомъ нашихъ силъ мятежнику пораженіе. Также нужно будетъ сохранять отъ времени до времени сношеніе и съ Устилугомъ, съ команди-ромъ тамошнихъ войскъ генераль-майоромъ Лошкаревымъ». Генераль-фельд-маршаль графъ Дибичъ-Забалканскій.

№ 1,141. 15 марта 1831. М. Шеницы.

Извѣстно, что въ это время фельдмаршалъ готовился къ переходу чрезъ Вислу. Онъ для сего избралъ мѣсто между рѣкою Бенржою^и^й и Прагою, противъ мѣстечка Рыки, гдѣ приготовлены были всѣ нужные материалы для построенія мостовъ въ нѣсколько часовъ времени. Изъ размѣщенія войскъ ясно видно, что для прикрытия главныхъ силъ арміи во время ихъ переправы, фельдмаршалъ оставилъ вправо отъ нихъ 6-й пѣхотный корпусъ генерала Розена у Дембевельке, на шоссе, идущемъ изъ Варшавы къ Брестъ-Литовску и влѣво сводный корпусъ генерала Крейца въ Люблинскомъ воеводствѣ¹⁾; изъ корпуса Розена отрядъ подъ командою Гейсмара поставленъ былъ въ Милоснѣ для наблюденія за непріятельской арміей, занимавшей Варшаву, а аванпосты отряда сего у самой прагской заставы. Изъ корпуса Крейца отрядъ, подъ моимъ командованіемъ, поставленъ былъ въ Красноставѣ для надзора за корпусомъ Дверницкаго, находившимся подъ Замостьемъ и въ окрестностяхъ сей крѣпости. Изъ этого явствуетъ, что важнѣйшія обязанности того времени лежали на Гейсмарѣ и на мнѣ, ибо мы были истинными очами главной арміи.

Мы должны были неотлучно находиться съ глазу на глазъ съ непріятелемъ и извѣщать о малѣйшемъ его движеніи, которое могло быть намъ опаснымъ во время нашего движенія.

Сверхъ того, какъ видно изъ сей инструкціи, намъ надлежало и послѣ переправы арміи продолжать наблюденія наши за тѣмъ же непріятелемъ для воспрепятствованія ему возбуждать волненія и возстанія въ kraю, лежащемъ между Вислою и Бугомъ.

Кто не сознается, что для достиженія цѣли, для коей составлены были отряды наши, необходимо слѣдовало оставить нась независимыми: Гейсмара отъ Розена, а меня отъ Крейца, ограничивъ отношенія наши къ Розену и Крейцу одними частыми извѣщеніями о происходящемъ? Безъ этого невозможно было бы имѣть вѣрное наблюденіе, ибо отъ непосредственной подчиненности Гейсмара — Розену, а меня — Крейцу, начальники наши

¹⁾ Въ инструкціи упомянуто о генералѣ графѣ Виттѣ, но графъ Виттъ въ день приѣзда моего въ Люблинъ, т.-е. 20-го марта, получилъ повелѣніе: поступить обратно въ составъ главной арміи съ болѣею частию своего корпуса и усилить нѣсколькими полками корпусъ Крейца, заступивший его мѣсто въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Д. Д.

могли, по неосновательнымъ извѣстіямъ жителей или лазутчиковъ, перемѣщать нась,—Гейсмару къ Модлину, или къ Оссеку, а меня къ Рахову или къ Хальшу и отвлекать нась отъ главнаго предмета, указаннаго Дибичемъ, куда имъ благоразсудится. Гейсмару и мнѣ, при независимомъ положеніи, представлялась только одна обязанность: ему — стоять у Праги и наблюдать непріятельскую армію у главнаго ея выхода. Мнѣ—стоять у Красностава и наблюдать за Дверницкимъ, расположеннымъ у Замостья; намъ обоимъ надлежало немедленно извѣщать о малѣшемъ движеніи находившихся противъ насъ войскъ, какъ главную армію, такъ и Гейсмару — Розена, а мнѣ — Крейца.

Въ выше представленной мною инструкціи я не безъ намѣренія подчеркнулъ двѣ статьи, одна другую уничтожающія. Первую ту, въ которой излагается весь духъ даннаго мнѣ порученія, т.-е. надзоръ за движеніями Дверницкаго, а второй — подчиненность моя Крейцу. Къ чему же столь подробное наставление чиновнику, коего другой, старшій ему чиновникъ, могъ однимъ словомъ отвлечь отъ предмета ему указаннаго, и чрезъ то разстроить всѣ виды главнокомандующаго, изложенные въ сей бумагѣ? Не лучше ли было бы прямо и просто сказать: «ваше превосходительство подчиняетесь генералу барону Крейцу, отъ коего получите всѣ нужныя наставленія». И все тутъ. По крайней мѣрѣ чрезъ то главный штабъ арміи избавился бы и отъ потери времени на сочиненіе мнѣ инструкціи, и отъ лишнаго расхода черниль и бумаги.

Эта зависимость Гейсмара отъ Розена, а моя отъ Крейца, произошла не отъ сомнѣнія въ точномъ исполненіи Гейсмаромъ и мною данныхъ намъ порученій, ибо въ такомъ случаѣ избрали бы не нась, а другихъ,—а единственно отъ педантическаго сохраненія правъ чиноначалія. Главнокомандующій счѣлъ необходимымъ, чтобы Гейсмаръ¹⁾, командовавшій частію войскъ, отдѣленныхъ отъ 6-го пѣхотнаго корпуса, и имѣвшій вблизи себя этотъ корпусъ, находился въ непосредственной подчиненности у

¹⁾ Генералъ баронъ Гейсмаръ, непоказывавшій своимъ войскамъ часто въ теченіе пѣсколькоихъ сутокъ, обнаружилъ въ польской войнѣ замѣчательную неспособность; блестательнымъ успѣхомъ своимъ въ войнѣ съ турками, въ 1828 году, онъ былъ исключительно обязанъ отличнымъ распоряженіямъ своего начальника штаба, полковника Граббе.

Д. Д.

(Примѣч. изъ Долгоруковскаго списка, изд. 1863 г.).

корпуснаго команда. Та же мысль господствовала и при составлении моей инструкции.

Будучи солдатомъ тридцать два года сряду, я не возсталъ противъ святого долга подчиненія младшаго старшему; но, изучивъ ремесло свое и вникнувъ въ него, по мѣрѣ способностей, дарованныхъ мнѣ природою, я думаю, что есть случаи, въ которыхъ главному начальнику необходимо преступать за черту обыкновенія. Это необходимо надо было сдѣлать, въ особенности для начальника отряда, указавшаго еще въ 1812-мъ году на пользу партизановъ, коихъ обязанности должны быть чужды влиянія всякаго надъ ними начальства, исключая главнаго.

Въ строгомъ смыслѣ зависимость Гейсмана могла быть еще нѣсколько допущена, такъ какъ корпусъ Розена, главная армія и корпусъ Крейца стояли по одному протяженію и обращены были лицомъ къ общему имъ направленію, имъ важдая изъ этихъ трехъ частей собственно принадлежащей ей авангардъ, и однимъ изъ нихъ могъ почитаться отрядъ Гейсмана. Но Дверницкій около Замостья былъ совершенно отдѣленъ отъ польской арміи, занимавшей Варшаву, слѣдовательно и отрядъ мой, назначенный для наблюденія за нимъ, долженъ быть, подобно ему, отдѣленъ отъ нашей арміи, которая, какъ и главная непріятельская были расположены за Вислой. Послѣ этого, само собой разумѣется, что отряду этому ни подъ именемъ авангарда, ни подъ какимъ-либо другимъ именемъ и предлогомъ не слѣдовало принадлежать корпусу Крейца. Этотъ корпусъ, подобно корпусу Розена, находясь въ составѣ главной арміи, былъ подчиненъ общей системѣ дѣйствія и составлялъ отдѣльное лѣвое, какъ корпусъ Розена отдѣльное правое крыло главныхъ силъ нашихъ, обращенныхъ лицомъ къ Вислѣ, т.-е. въ сторону, почти противоположную той, къ коей обращенъ былъ мой отрядъ, занимавший Красноставъ и наблюдавшій Дверницкаго, стоявшаго около Замостья.

Стонуть только бросить взглядъ на карту и вспомнить размѣщеніе войскъ нашихъ въ то время, чтобы удостовѣриться, что истинный авангардъ Крейца находился между р. Вепржою и Юзефова, подъ командой генерала Пашкова. Авантгардъ же главной арміи, выступившей тогда изъ Шеницы чрезъ Желиховъ къ Рыки, охранялъ правый берегъ Вислы, упираясь въ Вепржу, а

авангардъ Розена подъ командою Гейсмара стоялъ предъ Прагою. Польза независимости моего отряда и неудобство подчиненности, которою его оковали, окажутся въ своемъ мѣстѣ.

Достойно замѣчанія и то, что въ сей инструкціи изложены только три предположенія: 1) предпріятіе Дверницкаго между Вепржой и Бугомъ на Брестъ-Литовскъ; 2) движение его къ Люблину въ тылъ корпуса Крейца, расположеннаго около Уржендова, и 3) движение чрезъ Раховъ на Вислу для соединенія съ главною польскою арміею; но ни слова не было сказано о возможности вторженія его въ Волынь и далѣе, что однако не могло не бросаться въ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, не достаточно ли ручались въ этомъ вторженіи: 1) удобство положенія Замостья, подъ пушками котораго находился корпусъ Дверницкаго; 2) обнаженіе отъ войскъ нашихъ Волынской, Подольской и Киевской губерній. Хотя изъ инструкціи и видно, что въ Устилугѣ стоялъ генералъ-майоръ Лошкаревъ, но онъ командовалъ только слабымъ отрядомъ, подкрѣпленнымъ своднымъ корпусомъ генерала Ридигера, весьма еще малочисленнымъ по случаю неприбытія всѣхъ войскъ, въ составѣ его назначенныхъ. Онъ былъ слѣдовательно весьма недостаточенъ для отраженія десятитысячнаго корпуса Дверницкаго, привыкшаго одерживать успѣхи и составленнаго изъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи; 3) естественная невозможность царства польскаго продолжать борьбу съ Россіею, безъ распространенія мятежа въ польско-рussiйскихъ губерніяхъ, что не иначе можно было привести въ дѣйствіе, какъ посредствомъ войскъ, отдѣленныхъ отъ главной арміи мятежниковъ, и наконецъ, 4) духъ вражды ко всему русскому, господствовавшій исконо во всѣхъ польско-рussiйскихъ губерніяхъ, со времени возстанія царства, успѣховъ нашихъ подъ Милосной и Гроховымъ, коими главнокомандующій напѣтъ не умѣлъ воспользоваться, и также частныхъ пораженій, нанесенныхъ Дверницкимъ Гейсмару и Крейцу, преувеличенныхъ недоброжелателями Россіи. Если бы Дверницкій, по переправѣ чрезъ Вислу въ Пулавѣ и по изгнаніи Крейца изъ Люблина въ исходѣ февраля, ограничился занятіемъ сего центральнаго пункта южной части театра войны, тогда не было бы возможности предусмотрѣть вторженія его въ Волынь. Все, что можно было бы предвидѣть — это набѣги его изъ Люблина къ Сѣдлецу или къ Біалѣ, т.-е. на путь сообщенія на-

шѣй арміи съ Брестомъ или на лѣвый флангъ оной во время расположения ея около Шеницы, Паризова, Литовичи и Сточека, или быстрое отступление его обратно за сю рѣку (находившуюся отъ него на разстояніи одного сильного суточнаго перехода), въ случаѣ движенія на него части арміи нашей изъ-за Вепржа. Но когда по занятіи Люблина, по вскрытии Вислы, при неимѣніи ни моста, ни паромовъ на сей рѣкѣ, Дверницкій, оставивъ городъ сей, двинулся къ Замостью, тогда не трудно было, видя, что онъ совершенно отдѣляется отъ главной польской арміи, постичь истинное его направленіе, долженствовавшее непремѣнно простираться гораздо далѣе этой крѣпости; можно было отгадать, что предметъ, имъ избранный, есть Волынская губернія; ибо какой, мало-мальски понимающей ремесло свое, начальникъ рѣшился предать въ руки непріятеля кратчайшее, и можно сказать, единственное сообщеніе свое съ главною арміею, коей онъ принадлежитъ, для того только, чтобы поглядѣть на крѣпость, вовсе въ немъ ненуждавшуюся, ни для усиленія своего гарнизона, ни для снабженія себя оружиемъ; напротивъ, прибытие туда новыхъ силъ должно было уменьшить средства пропитанія, получаемыя ею изъ окрестностей?

Не взирая на то, весьма ясно видно, что нашъ главнокомандующій не только не постигъ возможности сего вторженія, но и первыя два предположенія, болѣе третьаго съ онымъ сходныя по своему наступательному свойству, бросилъ въ данную мнѣ инструкцію такъ, *par acquit de conscience*, чтобы не совсѣмъ быть грѣшнымъ предъ алкораномъ нѣмецкой методики. Главное вниманіе обращено было на прегражденіе Дверницкому обратнаго отступленія за Вислу.

Вотъ для чего и помѣщенъ былъ одинъ изъ полковъ моихъ въ Желкевкѣ и въ Высокомъ, съ повелѣніемъ ему дѣлать раззѣзы за Щербечинъ и Франполь; вотъ для чего и помѣщенъ былъ корпусъ Крейца не въ Люблинѣ, а въ Уржендовѣ, ближе къ пути отступленія Дверницкаго, о чемъ онъ не гадалъ и не думалъ.

XII.

Мнѣ слѣдовало бы выѣхать изъ Шеницы немедленно по полученіи инструкціи. Уже товарищи мои, Граббе и гр. Тиманъ, раззѣхались по мѣстамъ имъ назначеннымъ. Первый на второй

день по приѣздѣ нашемъ въ 1-й пѣхотный корпусъ, гдѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба; послѣдній на третій день, въ отрядъ Гейсмара бригаднымъ командиромъ конно-егерскихъ полковъ тираспольского и арзамасскаго. Нѣкоторыя, лично до меня касавшіяся, обстоятельства задержали меня, и я противъ воли долженъ былъ остаться въ Шеницѣ до 16-го числа.

Независимо отъ моего одиночества, главная квартира сама собою мнѣ смертельно надобна! Въ теченіе службы моей, я никогда не служилъ при главныхъ квартирахъ, но случалось мнѣ быть присыпану туда или съ извѣстіями, или за приказаніями отъ кн. Петра Ивановича Багратіона, безсмѣннаго начальника авангардовъ нашихъ армій во время войнъ Наполеоновскихъ, у коего я имѣлъ честь и счастіе быть адъютантомъ пять лѣтъ сряду. Впослѣдствіи, командуя самъ отдѣльными частями, я былъ туда призываляемъ для доставленія свѣдѣній о непріятель и полученія секретныхъ приказаній для внезапныхъ на него нападеній. Я помню главную квартиру Бенингсена въ 1806 и 1807-мъ годахъ въ восточной Пруссіи; я помню главную квартиру графа Каменскаго въ Турціи; я помню главную квартиру нашего Кутузова въ великий годъ войны отечественной, не говорю уже о главныхъ квартирахъ Шварценберга и императора Александра въ 1813 и 1814-мъ годахъ. Какое многолюдство! какая роскошь, какія веселости всякаго рода! Это были подвижныя столицы со всѣми ихъ очарованіями! Было гдѣ нашему брату, авангардному жителю, пристать и осушить платье, загрязненное на бивуакахъ, обмыть пахнувшіе порохомъ усы въ бокалахъ шампанскаго, натѣшиться разговорами и обмѣномъ остроумія въ любезнѣйшихъ обществахъ, напитаться свѣжими политическими новостями и отдохнуть отъ всечаснаго: «кто идетъ?» «садись!» и отъ безпрерывныхъ разспросовъ: «гдѣ непріятель? сколько?... пѣхота или конница?... есть ли пушки?...» и проч.

Но въ этой войнѣ главная квартира напоминала колонію квакеровъ или обитель трапистовъ. Конечно, я не могъ жаловаться за себя; фельдмаршалъ удостоилъ меня отлично благосклоннымъ приемомъ. Сверхъ того и начальникъ главнаго штаба, по приѣздѣ своемъ изъ Люблина, обошелся со мною, можно сказать, совершенно по-дружески, за что я обоямъ имъ душевно благодаренъ; но справедливость не дозволяетъ умолчать, что какъ для меня,

такъ и для другихъ ничего не было утомительнѣе сей печальной, педантической, аккуратной въ распределеніи времени главной квартиры, гдѣ видимо преобладала крайняя нерѣшительность. Въ ней все наводило истинную тоску и грусть. Пустота на улицахъ, нигдѣ пяти человѣкъ вмѣстѣ, кромѣ караула главнокомандующаго или такъ-называемыхъ дѣловыхъ людей! Сіи послѣдніе, то отправлявшіеся безмолвно въ канцеляріи, то отсюда къ фельдмаршалу, представляли собой какъ бы процессію церковнаго причета, ходящаго съ запасными дарами къ лежащему на смертномъ одрѣ грѣшнику. Имъ недоставало только продолжительнаго колокольнаго звона и псалмопѣнія; а квартира фельдмаршала, подобно святынѣ, не иначе была доступна для настѣ вакѣ во время скучнаго и скучнаго его обѣда. Все это хорошо для стяженія царства небеснаго, но не для покоренія царства польскаго! Русской арміи необходима блестательная, многолюдная, шумная, веселая, роскошная главная квартира, или скромная, но побѣдная¹⁾, подобно Суворовской. Если гдѣ-нибудь можно извлечь какую-нибудь пользу изъ веселыхъ и любезныхъ, но ни къ какому дѣлу неприкладныхъ тунеядцевъ, то это въ русскихъ главныхъ квартирахъ, откуда громъ музыки и разливной хохотъ молодежи должны были всюду распространяться; сколько я примѣтилъ, что это всегда повторяется во всѣхъ корпусныхъ, дивизионныхъ и полковыхъ штабахъ, а это рождаетъ то расположеніе духа въ войскахъ, которое есть залогъ успѣха; разумѣется, это только тогда, когда при веселости, возбуждающей бодрость въ массахъ, мы видимъ въ главной квартирѣ и глубоко обдуманныя предпріятія, и быстрое, неизмѣнное исполненіе единожды избраннаго намѣренія.

Независимо отъ сего унынія, подавлявшаго нашу главную квартиру, надо признаться, что наружность фельдмаршала много вредила ея важности и блеску.

Безразсудно было бы требовать отъ военачальника — чертъ Аполлона, кудрѣй Антина, или стана Потемкина, Румянцева и Ермолова. Физическое сложеніе не во власти человѣка, да и къ чему оно? Не гремѣли ли славою и хромые Агезилаи, и горбатые Люксамбурги, и рыжіе Лаудоны? Но можно, должно и во власти Дибича было озабочиться, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ при-

¹⁾ Слово самого Суворова.

Д. Д.

личіи въ одѣждѣ и осанкѣ и нѣкоторой необходімой опрятности. Неужели помышшало-бы его важнымъ занятіемъ нѣсколько пригоршней воды, брошенной на лицо грязное, и нѣсколько причесокъ головы сальной и всыпованной? Онъ, какъ говорили приверженцы его, былъ выше этого мелочного дѣла; но имѣть ли онъ право такъ презирать всѣ эти мелочи, когда самъ великий Суворовъ тщательно наблюдалъ за чистотой одѣжды и бѣдъ, имъ носимыхъ? Вообразите себѣ человѣка низенькаго, толстенькаго, съ опухлою и воспаленною физіономіею, небритаго, немытаго, съ рыжими, нечесанными волосами, падающими почти до плечъ, какъ у маймиста, въ запачканномъ сюртукѣ безъ вполетъ; все это было приправлено какими-то застѣнчивыми и порывистыми ужимками, ухватками и приемами, означающими ничтожнаго высокочку, обезважнаго своимъ повышенiemъ лишь слѣпой фортуны; онъ ежеминутно озирался изъ подлобья и наискось, не возбуждая ли онъ насмѣшилыхъ улыбокъ или взглядовъ людей, его окружающихъ.

Такимъ я видѣлъ Дибича въ Шеницѣ. Странность тѣловиженій, безобразie и неопрятность его простирались до того, что самое ласкливое обхожденіе его, самая благосклонность его къ мнѣ, разговоры, сужденія, шутки, часто остроумныя, пріятныя и веселыя, не имѣли силы побѣдить отвращенія къ нему присутствовавшихъ. Я не знаю, что происходило въ душѣ другихъ при видѣ Дибича, но что касается до менѣ, то я не преставалъ напрягать мысли мои, чтобы убѣдить себя въ томъ, что щедъ сего неблагонадежною оболочкою скрываются превосходные таланты и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно быть смущаемъ безотчетнымъ инстинктомъ, говорящимъ мнѣ: что я самъ себя обманываю, что Дибичъ не на своемъ мѣстѣ и что мы съ нимъ ничего славнаго не предпримемъ и не сдѣлаемъ. Сверхъ того, жестоко тернила во мнѣ и гордость россіанина, когда приходили къ нему обѣдать находившіеся при его особѣ комиссары дружественныхъ съ Россіею державъ, австрійскаго и прусскаго¹⁾). Стыдъ выступалъ огненными вспышками на грустное лицо мое, и я невольно перемѣнялся мыслями въ прошедшее.

Я вспомнилъ Бенингсена, длиннаго и возвышавшагося надъ

¹⁾ Австрійскій—графъ Кобога, прусскій—полковникъ Каницъ, человѣкъ весьма умный.

Д. Д.

полками---какъ знамя, холоднаго---какъ статуя коммандора въ Донъ-Жуанѣ, но ласковаго безъ короткости, благороднаго въ рѣчахъ и въ положеніяхъ тѣла, вопреки огромнаго своего роста, одареннаго тою степенностию, которая пріобрѣтается чрезъ долговременное начальствованіе, и словомъ, по обращенію съ подчиненными, истиннаго вождя сильной арміи.

Я вспомнилъ умнаго, злаго, вулканическаго Каменскаго, вполнѣ понимавшаго великолѣпное подножіе, на которое онъ былъ возведенъ судьбою 32-хъ лѣтъ отъ роду.

Я вспомнилъ нашего Ахилла Наполеоновскихъ войнъ, моего Багратіона, его горделивую поступь, его орлиный взглядъ, его геройскую осанку, то магическое господствованіе надъ умами людей, превышавшихъ его въ учености, и наконецъ, тотъ рѣдкій даръ сохранять въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ ними преимущество первенствующаго лица, безъ оскорблениія ничьей гордости, ничьего самолюбія.

Я вспомнилъ скромнаго, важнаго, величественнаго Барклая, какъ будто привыкшаго съ самыхъ пеленъ начальствовать и повелѣвать, тогда какъ за пять лѣтъ до достижения имъ званія главнокомандующаго, я самъ видѣлъ его генералъ-майоромъ, вытѣгивающимся предъ Багратіономъ, дававшимъ ему приказанія.

Я уже не говорю о Кутузовѣ; пятидесятилѣтняя репутація сего умнѣшаго, тончайшаго, просвѣщеннѣшаго и любезнѣшаго собесѣдника блистательнѣшыхъ европейскихъ дворовъ и обществъ, полномочное посольство при Екатеринѣ и отечественный 1812-й годъ, суть достаточныя мѣрила глубокой и вѣрной оцѣнки имъ людей и искусства владычествовать надъ ними всѣми родами очарованія¹⁾.

Я невольно, наконецъ, вспомнилъ и объ Ермоловѣ въ Грузіи, гдѣ онъ хотя и не носилъ званія главнокомандующаго, но былъ имъ на дѣлѣ; его величавая осанка, классическая черты лица, глаза, исполненные жизни и огня, не могли не прѣзвитъ войскъ и жителей сего края. Неуклонная справедливость при большой строгости, рѣдкое безкорыстіе, обширныя свѣдѣнія, особенно по части военного искусства, замѣчательный даръ слова и въ особен-

¹⁾ Далѣе — конецъ XII и вся XIII глава записокъ Давыдова опущены въ спискѣ, принадлежавшемъ кн. Паскевичу и имъ подаренномъ г. Распопову.

Ред.

ности ласковое и гѣжливое со всѣми обращеніе — стягали ему удивленіе, любовь и привязанность войска и горцевъ, трепетавшихъ при его имени. Бывшій митрополитъ Грузіи Феофилактъ, одаренный замѣчательнымъ умомъ, въ донесеніяхъ своихъ министру духовныхъ дѣлъ, называлъ его мудрымъ правителемъ Грузіи; графъ Каподистрія, въ письмахъ своихъ къ нему, называлъ его всегда *âme antique*. Ермоловъ съ ничтожными средствами упрочилъ владычество русскихъ въ этомъ краѣ, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность и торговлю, открылъ новые источники доходовъ, создалъ новые военные дороги, воздвигъ укрѣпленія на всѣхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ; наконецъ, построилъ столицу тамъ, где были лишь куча саклей и два караванъ-сарай. И все это совершено было съ примѣрнымъ соблюденіемъ казеннаго интереса; рѣдко проходили года, чтобы онъ не представилъ одинъ или два миллиона экономіи, самый госпиталь и комиссариатское зданіе Тифліса построены были на счетъ оставшейся послѣ послѣства его въ Персію суммы, которую онъ имѣлъ полное право удержать у себя. Но главный его подвигъ состоялъ въ преобразованіи духа командуемыхъ имъ войскъ; подъ его начальствомъ каждый солдатъ становился героемъ, готовымъ идти въ адъ по гласу обожаемаго вождя. Горько было ему быть съ безчестіемъ изгнану съ поприща своихъ славныхъ подвиговъ . . . . Удаленіе его со служебнаго поприща, надолго лишило Россію отлично-умнаго, просвѣщенаго, энергическаго и безкорыстнаго слуги.

XIII.

Ермоловъ, называемый въ Петербургѣ проконсуломъ Грузіи, никогда не пользовался благоволеніемъ государя императора Николая Павловича, почитавшаго его человѣкомъ опаснымъ, по своему либеральному образу мыслей. Онъ возъимѣлъ о немъ это мнѣніе съ самаго 1815 года. При вступленіи въ Парижъ одной дивизіи grenадерскаго корпуса, которымъ командовалъ Ермоловъ, императоръ Александръ остался недоволенъ фронтовымъ образованіемъ одного изъ полковъ этой дивизіи, вслѣдствіе чего послѣдовало высочайшее повелѣніе посадить 3-хъ штабъ-офицеровъ на гауптвахты, занятые въ тотъ день англійскими войсками. Ермоловъ горячо застуپился за нихъ, говоря, что если они за-

служивають наказанія, то ихъ приличнѣ арестовать въ собствен-
ныхъ казармахъ, но не слѣдуетъ срамить 3-хъ храбрыхъ штабъ-
офицеровъ въ глазахъ чужеземцевъ; «такимъ образомъ, сказалъ
онъ, нельзя пріобрѣсти любви и расположенія войска». Государь
остался непреклоненъ. Ермоловъ, не исполнивъ высочайшаго
помелнія, отправился въ театръ, куда прибыль адъютантъ князя
П. М. Волконскаго — Чебышевъ съ приказаниемъ тотчасъ аре-
стовать вымовныхъ. Встрѣтивъ тамъ великаго князя Николая
Павловича, Ермоловъ сказалъ ему: «Я имѣлъ несчастіе подверг-
нуться гнѣву его величества. Государь властенъ посадить насть
въ крѣпость, сослать въ Сибирь, но онъ не долженъ ронять храб-
рую армію въ глазахъ чужеземцевъ. Гренадеры прибыли сюда
не для парадовъ, но для спасенія отечества и Европы». Слова
эти, столь неблагопрѣятно отзывавшіяся для Ермолова чрезъ 10-ть
лѣтъ, были вѣроятно переданы государю, потому что онъ при-
казалъ приготовить въ занимаемомъ имъ дворцѣ Elysée Bourbon
три кровати для арестованныхъ. Большой князь Николай Павловичъ
сказалъ однажды швейцарскому императору, что этотъ самостоятель-
ный и энергический начальникъ на границѣ государства весьма
неблагонадеженъ. Но государь возразилъ на это: «Я хорошо знаю
Ермолова, онъ слѣдуетъ полезенъ и безвреденъ, чтобы я могъ
чего-либо опасаться».

Событие 14-го декабря не могло не имѣть огромнаго вліянія
на Ермолова, который получилъ извѣстіе о вступленіи на пре-
столъ нынѣшняго государя близъ станицы Червлѣнной, гдѣ онъ
находился съ отрядомъ. Находясь среди раскольниковъ безпопов-
щинскаго толка, онъ долго не могъ быть приведенъ къ присягѣ.
Благочинный, получая на этотъ счетъ никакого предписанія
отъ своего епархиальнаго архіерея, находившагося въ Астрахани,
затруднялся приведеніемъ къ присягѣ, тѣмъ болѣе, что войска
только-что присягнули великому князю Константину Павловичу.
Войска и начальники присягнули великому князю Константину
Павловичу съ замѣтною радостію, почитая его представителемъ
русской партіи..... Въ Петербургѣ, гдѣ довольно долго не полу-
чили изъ Грузіи присяжнаго листа, возникли опасенія, преуве-
личенные многочисленными врагами Ермолова, пользовавшагося
въ то время во всей русской арміи громадной репутацией. Утверж-
дали, что Ермоловъ съ войскомъ спѣшилъ въ Петербургъ для

провозглашениа императоромъ великаго князя Константина Павловича. Однажды, на выходѣ во дворцѣ, австрійскій посолъ эрцгерцогъ Фердинандъ-Эсте спросилъ великаго князя Михаила Павловича:

— .Quelle nouvelle a-t-on de Géorgie? serait-il vrai, que le général Ermoloff et son armée soient en marche sur Pétersbourg?

Великій князь, смѣясь, отвѣчалъ громко: «Подождемъ немногого его прибытія сюда, и тогда онъ самъ разъяснитъ намъ все дѣло».

Между тѣмъ государь и императрица посыпали по нѣскольку разъ въ день освѣдомляться о приѣздѣ фельдъегера изъ Грузіи. Враги Ермолова, ненавидѣвшіе его за его острый языкъ, безкорыстіе и безграницную преданность къ нему войска, окончательно возстановили противъ него государя. Его величество стало его почитать опаснымъ либераломъ, безбожникомъ, безчеловѣчнымъ и горькимъ пьяницей, хотя многимъ извѣстно, что онъ всегда былъ весьма воздерженъ въ употребленіи вина. Вскорѣ прибылъ нетерпѣливо ожидаемый фельдъегерь съ присяжнымъ листомъ; императрица, извѣстясь о томъ, перекрестилась отъ удовольствія. Государь благодарилъ Ермолова письмомъ за принесеніе присяги. Въ письмѣ своемъ, отъ 1-го августа 1826 года, онъ даже написалъ ему:

«Быть бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ» и т. д.¹⁾). Прибывшій изъ Грузіи фельдъегерь былъзванъ во всѣ значительные дома Петербурга, всѣ любопытствовали знать подробности о присягѣ Ермолова. Выведенный изъ терпѣнія частыми вопросами, онъ имѣть неосторожность сказать: «Алексѣй Петровичъ такъ боготворимъ въ Грузіи, что если бы онъ велѣлъ присягнуть персидскому шаху, всѣ бы тотчасъ это сдѣлали». Въ награду за это изреченіе онъ совершилъ путешествіе въ Якутскъ. Враги Ермолова пользовались всякимъ случаемъ, чтобы усилить недовѣріе къ нему Государя; воспрещено было даже посыпать Ермолову медаль,

¹⁾ Это замѣчательное письмо, вмѣстѣ съ прочими письмами императора Николая Павловича къ Ермолову, напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи» 1867 г., въ прилож. къ «Запискамъ Ермолова», стр. 214—217 и др.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. VI. 1872 г., октябрь.

24

выбитую въ память коронаціи и обыкновенно разсылаемую осо-
бамъ первыхъ трехъ классовъ.

Отправляя Паскевича въ Грузію, государь писалъ, между про-
чимъ, Ермолову отъ 10-го августа 1826 года: «Этотъ бывшій
начальникъ мой пользуется всею мою довѣренностью; онъ лично
можетъ вамъ объяснить все то, что, по краткости времени и по
безъизвѣстности не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ
его командующимъ подъ вами войсками, даю я вамъ отличнѣй-
шаго сотрудника, который выполнитъ всегда всѣ, ему дѣлаемыя
порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостью. Я желаю,
чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ
поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать какъ найчаше».
Такимъ образомъ генералъ Паскевичъ началъ свое военное по-
прище въ новое царствованіе.....

Прибывъ въ Грузію, Паскевичъ предложилъ Ермолову свое
посредничество для донесенія государю, но, глубоко оскорбленный,
Ермоловъ отвѣчалъ: «Я въ посредникахъ до сихъ поръ не нуж-
дался, а прошу васъ исполнять лишь мои приказанія». Видя
явное неблаговоленіе и недовѣріе къ себѣ государя, Ермоловъ
нашелся вынужденнымъ написать государю слѣдующее письмо
отъ 3-го марта 1827 года:

«Ваше императорское величество.

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность вашего величе-
ства, я чувствую сколь много беспокойть ваше величество мысль,
что при настоящихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края по-
ручены человѣку, лишенному, по мнѣнию вашему, способностей
и дѣятельности. Сей недостатокъ довѣренности вашего величества
поставляетъ меня въ положеніе весьма затруднительное. Вашему
величеству угодно предполагать, что я не одаренъ рѣшительностью,
хотя не безъизвѣстно никому, что мнѣ природа въ оной не от-
казалась, а потому дѣятельность моя невольно охлаждается при
мысли, что я никогда не заслужу довѣренности вашего величе-
ства, столь необходимой главному начальнику войскъ и края. Въ
этихъ обстоятельствахъ, не имѣя возможности быть полезнымъ
для службы моего отечества, я почти вынужденъ желать уволь-
ненія отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, хотя ни въ ка-
комъ случаѣ не должно приписать того намѣренію уклониться
отъ войны ничтожной.

«Устранилъ всѣ личныя выгody и расчеты, я всенодданныйше осмѣясь представить вашему величеству эту мѣру, если только она согласна съ общей пользой, которая одна въ теченіе всего моего служебнаго поприща руководила моими дѣйствіями и пром. Ермоловъ»¹⁾.

По прибытіи въ Грузію барона Дибича, Ермоловъ, опровергнувъ по пунктамъ весь доносъ Паскевича, написалъ барону слѣдующее письмо:

«Милостивый государь! Ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мнѣ записку, заключающую въ себѣ фальшивые доносы о злоупотребленіяхъ, будто бы совершенныхъ мною во время моего командованія Грузіею. Въ нихъ не упоминаются источники, изъ которыхъ почерпнуты всѣ эти гнусныя клеветы; нѣть основательныхъ доказательствъ, которыми убѣждали бы въ справедливости этихъ показаній, и вамъ не угодно было выставить имя негодного доносчика, который, впрочемъ, слишкомъ извѣстенъ. Такъ какъ все въ нихъ упомянутое легко быть можетъ опровергнуто, я, не желая молчаніемъ дать новый поводъ къ выдумкамъ еще болѣе гнуснымъ и нѣгѣвымъ, которымъ въ Петербургѣ такъ охотно и слѣпо вѣрятъ, сдѣлалъ противъ каждого изъ семи пунктовъ свои возраженія. Не признавая въ себѣ дара всевѣдѣнія, я потому не могу утверждать, чтобы во все 10-ти лѣтніе управлѣніе мое Грузіей не сдѣлано было съ моей стороны какихъ-либо неумышленныхъ упущеній и ошибокъ; человѣку слишкомъ свойственно ошибаться, а потому я, подобно прочимъ смертнымъ, чистосердечно каюсь, что въ теченіе моего служебнаго поприща я не разъ весьма грубо ошибался. Но слишкомъ 35-ти-лѣтнєе мое служеніе, въ продолженіе котораго я никогда не былъ руководимъ личными и корыстолюбивыми выгодами, служить можетъ ручательствомъ въ томъ, что я вовсе неспособенъ на дѣла, въ которыхъ доносчику меня обвинить было угодно. Одна ожесточенная злоба и низкая зависть могли изобрѣсти преступленія, несомнѣнныя съ моимъ характеромъ. Я слиткоемъ

¹⁾ Текстъ этого письма нѣсколько отличенъ отъ того, какой напечатанъ въ «Чтенииъ Моск. Об. Исторіи» 1867 г., кн. III, стр. 244—245. Мы не знаемъ, помѣстилъ ли Давыдовъ этотъ документъ по памяти или имѣлъ одну изъ собственноручныхъ копій Ермолова, которая онъ охотно вносила вѣдѣствіи раздавала людямъ, близко ему извѣстнымъ и уважаемымъ.

Ред.

24*

уважаю самого себя, чтобы унизиться до оправдания; но прошу ваше высокочреповосходительство произвести строжайшее следствие, подвергнувъ примѣрному наказанию виновныхъ, хотя бы въ числѣ ихъ я самъ могъ находиться. Я спокойно буду ожидать суда, который обнаружить неосновательность възводимыхъ на меня обвиненій и имя гнуснаго клеветника, которому самый правдивый и непогрѣшительный Петербургъ не долженъ будеть отказать на сей разъ въ полномъ презрѣніи. Грустно думать, что лица, которымъ, по своему высокому положенію въ мірѣ, знаніе истины должно бы бытъ наиболѣе священно и драгоценно, съ видимою радостью вѣрять показаніямъ всякаго негодяя; я не могу ихъ уважать и дорожить ихъ мнѣніемъ, которое обнаруживается или нелюбовь къ истинѣ и злонамѣренное противъ меня предубѣждение, или жалкое тупоуміе. Вамъ легко убѣдиться, что не любовь къ истинѣ руководила доносчикомъ, который долженъ бытъ въ противномъ случаѣ обнаружить злоупотребленія ранѣе. Истина всегда можетъ достигнуть престола монарха, умѣющаго вникать въ нужды своихъ подданныхъ, благу которыхъ онъ обязанъ посвящать всю свою дѣятельность».

Ермоловъ бытъ вызванъ и имя его не встрѣчается ни на одномъ изъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ воспоминаніе подвиговъ, совершенныхъ русской арміей и гвардіей въ 1812, 1813 и 1814-хъ годахъ. Одинъ изъ враговъ Ермолова въ Петербургѣ, мало разборчивый въ выраженіяхъ, сказалъ однажды кн. Дмитрію Владимировичу Голицыну слѣдующія слова, достойныя человѣка, умѣющаго владѣть собою: «Этого ..... Ермолова выпроводить съ жандармами изъ Грузіи, гдѣ у него все распущенено, въ страшномъ беспорядкѣ; онъ умѣеть лишь заниматься до полудня, а послѣ, до слѣдующаго утра, онъ мертвъ пьянъ». Между тѣмъ всѣмъ была известна изумительная дѣятельность Ермолова, который часто довольствовался лишь четырехчасовымъ отдыхомъ; относительно же употребленія крѣпкихъ напитковъ онъ былъ чрезвычайнодержанъ. При этомъ то же лицо поддерживало слухъ, что Ермолова привезутъ связанного и скованного, подобно преступникамъ, ссылаемымъ въ Сибирь.

Шефомъ любимаго Ермоловымъ ширванскаго полка сдѣланъ бытъ вскорѣ Паскевичъ, который не разъ говорилъ этому безстрашному полку: «Это шотландцы; я выбью изъ васъ ермолов-

скій духъ». Когда изгнаніе Ермолова сдѣжалось известнымъ, храбрые ширванцы умоляли Ермолова чрезъ своего полкового командира Ковалева, чтобы онъ выѣхалъ проститься съ ними. Тяжело было Ермолову не удовлетворить ихъ желанію, но вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ барона Дибича не прощаться съ войсками, Ермоловъ, не желая дѣлать сценъ и быть виновникомъ злополучія многихъ, воздержался отъ того. . . . . Не полагаясь на многихъ изъ служившихъ при немъ, онъ сжегъ много любопытныхъ и драгоцѣнныхъ бумагъ и писемъ; желая избѣжать проводовъ, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ три часа пополночи. Обращаюсь къ прерваннымъ воспоминаніямъ о польской кампаніи 1831 г.

XIV.

Если бы отъ неимѣнія порядочной квартиры въ Шеницѣ, мѣстечкѣ скудномъ, не отвели мнѣ квартиры въ двухъ верстахъ отъ нея, въ деревнѣ Погоржелѣ, гдѣ стоялъ grenадерскій полкъ императора австрійскаго, напоминавшій мнѣ, что я въ арміи, и если бы не адъютанты главнокомандующаго, милая и любезная молодежь, къ которой приставалъ я каждое утро по приѣздѣ моемъ въ Шеницы и которая меня закормила, запоила и, такъ сказать, отогрѣла замерзшую мою душу, я бы не зналъ куда дѣваться; 16-го, отобѣдавъ у князя Михаила Горчакова, тогда начальника артиллеріи дѣйствующей арміи (нынѣ начальникъ главнаго штаба оной), я выѣхалъ къ своему мѣсту. Около вечера я сбился съ дороги и вмѣсто Паризова (Парщова?) попалъ въ Латовичи (Ластовичи?), гдѣ расположень былъ штабъ grenадерскаго корпуса. Я выѣхалъ прямо въ квартиру командира онаго, почтеннаго князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго и провелъ у него ночь; а поутру 17-го отправился далѣе на Желеховъ, куда въ тотъ день перешла главная квартира изъ Шеницы. Вся армія, кроме 6-го пѣхотнаго корпуса и своднаго графа Витта, была въ движеніи къ переправѣ. Ростополь была ужасна; густая грязь, по колѣни лошади и по ось повозки, весьма затрудняла движеніе.

На пути изъ Серочина къ Сточеку я осматривалъ поле сраженія первого неудачнаго нашего дѣла въ сей войнѣ. Я ѿхалъ именно по дорогѣ чрезъ лѣсъ отъ деревни Колодзя къ Сточеку, по коей выскакалъ полкъ Переяславскій конно-егерскій, съ храб-

римъ и знающими свое дѣло генераломъ Пашковымъ (Александромъ Васильевичемъ). Я любовался голыми воевышеніями, закрывавшими войска Дверницкаго и обширию плоскостью, за ними лежащею, по которой ему было столь легко, свивая и развивая войска свои, направлять главные свои натиски куда ему заблагорассудится; не будучи видимъ нашими войсками, онъ могъ слѣдить за малѣйшимъ ихъ движеніемъ и наблюдать за ними, какъ на ладони. Я удивился и невольно содрогнулся, увидя на какомъ разстояніи находился конно-егерскій король виртембергскаго полка въ то время, какъ, по повелѣнію Гейсмара, Пашковъ, увѣнчавъ имъ высоты, ударилъ на непріятеля прежде, нежели второй полкъ, долженствовавшій поддержать ударъ его, успѣлъ обогнуть оконечность лѣса! Разстояніе это было столь велико, что непріятель, разстроивъ Переяславскій полкъ, успѣлъ обратиться всѣми своими силами на полкъ короля виртембергскаго, который понесъ участъ, подобную первому. Вдобавокъ въ сему резервъ этихъ двухъ полковъ, состоявшій изъ конно-егерскихъ полковъ: тиранпольского и арзамасскаго и двѣнадцати орудій, оставленъ былъ въ Серочинѣ, за пять верстъ отъ поля битвы. Я пожалъ плечами и поклонился далѣе!

Къ вечеру я приѣхалъ въ Желиховъ, куда только-что прибыла главная квартира. Пристанище мое было у полкового командаира атаманскаго полка Кузнецова, который самъ стоялъ у казачьяго полковника Рудухина, находившагося въ свитѣ его высочества великаго князя Константина Павловича, и тогда числившагося въ гвардейскомъ отрядѣ, командуемомъ генераломъ графомъ Курутой, бывшимъ уже на походѣ къ Коцку.

Такъ какъ путь мой лежалъ чрезъ сіе же мѣстечко, то 18-го поутру мы съ Рудухинымъ выѣхали верхами къ Коцку. Две брички наши едва тащились, и наконецъ такъ отстали, что я съ своею увидѣлся только въ Люблинѣ. Вся дорога была завалена повозками, на каждомъ шагу выбивающимися изъ грязи и изнуренными лошадьми гвардейскаго отряда, здѣсь оставленными или уже издохшими на дорогѣ.

Въ Овржѣ мы сдѣлали привалъ и тамъ я увидѣлъ большую часть сихъ хваленныхъ войскъ, для подражанія которымъ еще недавно стекались въ Варшаву всѣ истые любители фронтовой службы российской арміи. И подлинно, я увидѣлъ истинно не-

подвижную Гатчину! все застегнуто отъ глотки до пупа! всякая пуговица, всякий ремешекъ, всякая пряжечка, всякий солдатъ, вахмистръ, офицеръ и генераль на мѣстѣ, уставомъ имъ определенномъ! За то какое изнуреніе, какія лохмотья! Какъ все грустно, все скудно людьми и лошадьми, хотя сей отрядъ ни разу еще не нюхалъ пороху. Педантство начальниковъ въ военное время есть тягчайшій ранецъ, тягчайшій выюкъ для подчиненныхъ. Войску русскому необходима распашка, веселость и строгій порядокъ, безъ щепетильной взыскательности; тогда только оно здорово и бодро, а если къ этому еще добрая пища и побѣды, тогда и конь топочетъ и солдатъ хохочетъ, и нѣтъ для него недосыгаемаго и неодолимаго.

Мы ночевали въ Гулевской-Волѣ и 19-го рано поутру выѣхали въ Коцѣ. Вдругъ на половинѣ дороги намъ послышались пушечные выстрѣлы, коихъ направлѣніе казалось со стороны Вислы. Сначала я полагалъ, что сіи выстрѣлы производились по рабочимъ нашимъ, близъ мостовъ находящимся и по войскамъ, къ нимъ подходящимъ, но гулъ выстрѣловъ вскорѣ усилился и продолжался до самаго вечера. Ясно оказывалось, что это была не простая канонада, а сильная битва. Впослѣдствіи мы узнали о нападеніи польской арміи на Гейсмара и Розена. Довольно замѣчательно, что отъ того мѣста, где мы были въ то время, до Милосны, где происходило сраженіе болѣе ста верстъ по прямой линіи; правда, что день былъ ясный и легкій, вѣтерокъ дулъ со стороны битвы.

Мы провели ночь въ Коцѣ. 20-го, рас простясь съ Рудухинымъ, я сѣлъ въ почтовую повозку и приѣхалъ въ Люблинъ, где явился къ графу Витту. 21-го я пробылъ въ Люблинѣ и обѣдалъ у графа. 22-го я ночевалъ въ Пяскахъ, а 23-го къ обѣду достигъ, наконецъ, моего отряда въ Красноставѣ.

Скромность палагаетъ на меня печать безмолвія; но польщеніе самолюбіе мое побуждаетъ меня сказать два слова о пріемѣ, сдѣланномъ мнѣ войсками. Грѣшный человѣкъ, я слѣдую охотнѣе внушенію послѣдняго.

Удивительно и непонятно впечатлѣніе, произведенное моимъ появлѣніемъ на армію. Неужели тому причиной нѣсколько десятковъ лѣтъ боевой службы, нѣсколько весьма незначительныхъ партизанскихъ наездовъ, или нѣсколько разгульныхъ стишковъ, напи-

санныхъ у дымныхъ бивуаковъ и, по словамъ педантовъ, исполненныхъ грамматическихъ ошибокъ? Проѣздъ мой отъ Шеницы до Красностава былъ истинно тріумфальнымъ шествіемъ! не было офицера знакомаго или незнакомаго, стараго или молодого, не было солдата, унтеръ-офицера на походѣ, на привалахъ, или на бивуакахъ, которые бы, увидя меня и узнавъ, что это я, не бѣжали бы ко мнѣ на встрѣчу, или, догнавъ меня, толпами не окружали, какъ какое-либо невиданное чудо. Всѣ кричали мнѣ: «Ваше превосходительство, славу Богу, что вы приѣхали; есть на кого опереться!» Нѣкоторые подходили ко мнѣ, поздравляя не меня, какъ говорили они, а армію и самихъ себя съ приѣздомъ моимъ.

Я истинно краснѣлъ и лицомъ, и душою! Я имѣ отвѣчалъ: «Не рано ли вы радуетесь? повремените, я постараюсь заслужить доброе ваше обо мнѣ мнѣніе.....» И тогда невольно вспомнилъ оковы, несомыя мною за пазухой въ инструкціи, данной мнѣ фельдмаршаломъ, касательно непосредственной моей подчиненности Крейцу,— оковы, которыя я долженъ быть надѣть на себя въ самую минуту приѣзда моего въ отрядъ мнѣ вѣренный, и отъ коихъ, въ теченіе всей войны, я только на нѣсколько дней могъ освободиться вторженіемъ своимъ въ Волынь и взятиемъ приступомъ города Владимира.

Начальникъ главнаго штаба графъ Толь простеръ до того благосклонное вниманіе свое ко мнѣ и нетерпѣніе доставить мнѣ средства удовлетворить мое рвеніе къ службѣ, а можетъ быть и собственное желаніе свое воспользоваться безъ замедленія моими, по мнѣнію его, способностями, что прежде, чѣмъ узналъ о прибытии моемъ въ главную квартиру, онъ составилъ уже означенный отрядъ и поручилъ его полковнику Анрепу, съ оговоркою, до моего приѣзда. Полковникъ Анрепъ ожидалъ меня съ часу-на-часъ, и слѣдовательно приѣздъ мой нимало не удивилъ его. Однако нельзя не отдать справедливости благородному поступку сего отличного офицера при сдачѣ отряда, имъ командуемаго. Сколько я знаю чиновниковъ, истинно достойныхъ и по качествамъ душевнымъ, и по военнымъ дарованіямъ, которые исполняли бы сдачу сю по правиламъ, простирающимся до той черты, отъ которой начинается любовь къ общей пользѣ и забвеніе собственного неудовольствія; ибо какъ ни говори, а для молодого

штабъ-офицера сдача таковаго отряда, каковъ былъ мой, когда непріятель подъ глазами, не только прискорбно, но это есть великое несчастіе. А ирепъ¹⁾ сдалъ отрядъ мнѣ такъ, какъ немногіе. Онъ изложилъ мнѣ всѣ известныя ему подробности о корпусѣ Дверницкаго, о Замостской крѣпости, о распоряженіяхъ своихъ, о мнѣніи своемъ относительно надзора непріятеля, изложилъ мнѣ порядокъ службы, имъ заведенный, объѣздилъ со мною аванпосты свои, истолковавъ, по какимъ предположеніямъ и для чего каждый пикетъ на такой-то возвышенности, на такомъ-то скатѣ, показалъ на картѣ дороги и пункты, до коихъ доходятъ его разѣзы; разсужденіями своими на счетъ общихъ и сего отряда частныхъ обстоятельствъ, онъ меня обрадовалъ находкою въ арміи столь ревностнаго офицера. Впослѣдствіи онъ отлично-усердно службой своей оправдалъ мое о немъ мнѣніе, а возвышенностью чувствъ, воинственною и какою-то рыцарскою осанкой, представилъ мнѣ ближайшее сходство съ тѣмъ идеаломъ истинно военнаго человѣка, который столь давно мерещился моему воображенію.

Говорить, что онъ похожъ на покойнаго отца своего, убитаго въ 1807 году, въ чинѣ генераль-отъ-кавалеріи, при Морунгенѣ во время войны нашей съ Наполеономъ въ Восточной Пруссіи. Отецъ его пользовался общимъ уваженіемъ всей россійской арміи; его воинственная наружность, чистота нравственная, твердость душевная, свѣтлый разумъ и замѣчательная служба обворожили всѣхъ; я его не зналъ, но по привѣздѣ моемъ въ армію, въ 1807 году, первое мертвое тѣло, которое я встрѣтилъ, было тѣло сего отличнаго генерала.

Общая диспозиція войскамъ своднаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ на 21-е марта была слѣдующая:

«Отрядъ генераль-лейтенанта барона Крейца составляется:

«Изъ 2-й драгунской дивизіи; 1-й бригады 2-й конно-егерской дивизіи; гренадерской дивизіи (3 полка) 6-го пѣхотнаго корпуса, и казачьихъ полковъ: Платова, Кирѣева, Хоперскаго, Грекова и Катасанова.

«Съ симъ отрядомъ генераль-лейтенантъ Крейцъ действуетъ отдельно, и съ получениемъ сего всѣ свои донесенія дѣлаетъ уже прямо г. главнокомандующему армію. Генераль-майоры Пашковъ и Муравьевъ и полковникъ Аирепъ (эта бумага написана была за нѣсколько часовъ прежде моего прибытія въ Люб-

¹⁾ Іосифъ Романовичъ Аирепъ, впослѣдствіи генераль-отъ-кавалеріи графъ Аирепъ-Эльмпѣтъ, скончался въ 1860 году.

Ред.

лишь и потому сказано Аренель, а не Давыдовъ) поступаютъ въ команду генераль-лейтенанта Крейца.

«Главные силы отряда генерала Крейца остаются расположеными около Уржендова.

«Генераль-майоръ Пашковъ съ однимъ полкомъ (конно-егерей и Грекова казачьимъ полкомъ) содержитъ посты по Вислѣ отъ Вепржа (или отъ постовъ, выставленныхъ отъ главныхъ силъ вдоль Вислы и по лѣвому берегу Вепржа) до Юзефова, а отъ Юзефова до Завихвоста по Вислѣ содержитъ посты казачий полкъ Хоперского.

«Полковнику Аренелю (т.-с. Давыдову), оставаясь въ своемъ нынѣшнемъ расположениі, усилить посты въ Горшковѣ и въ Жебкевѣ для удобнѣйшаго наблюденія за непріятелемъ и сношенія съ главными силами генерала Крейца.

«Несвижскій карабинерный полкъ 21-го числа собирается въ Казимірже, а 22-го слѣдуетъ къ мѣстечку Ополѣ. Одинъ изъ конно-егерскихъ полковъ съ 4 орудіями конной роты № 28 переходитъ 22-го числа во Вржеловецъ. Дивизіонъ драгунскаго герцога Александра Виртембергскаго полка, нынѣ находящійся въ Люблинѣ и Глускѣ, слѣдуетъ 22-го числа съ коппою батарейпо ротою № 27 въ Недржевице-Косцельна подъ командою полковника Шилинга, коему, привавъ въ свою команду и луцкій гренадерскій полкъ, расположенный въ Недржевице-Дюжу, доносить прямо генералу Крейцу, а равно и генераль-майору Муравьеву. Самогитскій гренадерскій полкъ остается въ городѣ Люблинѣ подъ командою генераль-майора Муравьева, какъ равно и легкая рота № 2 6-го пѣхотнаго корпуса.

«Рота литовскаго сапернаго баталіона остается по прежнему въ Казимірже въ вѣдѣніи генераль-майора Бракера и въ составѣ отряда генераль-лейтенанта Крейца.

«Всѣ сіи войска отнынѣ прекращаютъ свои донесенія къ г. командующему отдѣльнымъ своднымъ корпусомъ (графу Витту) и должны отосниться во всемъ къ генералу-лейтенанту барону Крейцу».

Эта бумага — послѣднее завѣщаніе графа Витта въ Люблинскомъ воеводствѣ. Немедленно послѣ того, онъ, усиливъ своими войсками корпусъ Крейца, выступилъ съ остальными войсками къ главной арміи, подвигавшейся въ мѣстечко Рыки, для переправы за Вислу и оставилъ Крейца между корпусомъ Дверницкаго, стоявшимъ подъ пушками Замостьской крѣпости и корпусомъ Серавскаго, расположеннымъ за Вислою, напротивъ мѣстечекъ Пулавы и Казиміржа; въ то время всѣ говорили, что отрядъ Серавскаго состоялъ изъ 7-ми или 8-ми т. человѣкъ новобраннаго и худо вооруженнаго войска.

Отрядъ мой, принадлежавшій корпусу Крейца, занималъ Красноставъ финляндскимъ драгунскимъ и казачими Катасанова и Платова полками. Полкъ Кареева расположень былъ въ Жебкевѣ и Высокомъ. Первые заботы мои по вступлениі въ командованіе вѣреннаго мнѣ отряда были, какъ я сказалъ, немедленно

объѣхать аванпосты для обзора окрестностей Красностава, знакомство съ войсками и объявление въ приказѣ о поступлениі ихъ подъ мое начальство. Вмѣстѣ съ симъ я отправилъ курьера къ генералу Крейцу съ рапортомъ о моемъ прибытии и о принятіи отряда въ мое вѣдѣніе, и наконецъ послалъ партію для открытия сообщенія съ генераль-майоромъ Лошкаревымъ, выставивъ казачій постъ въ мѣстечкѣ Войславицѣ для этого же предмета. Партии для наблюденія за Дверницкимъ производили поиски свои по устроенному полковникомъ Анрепомъ порядку; они ходили съ одной стороны отъ Красностава до Ситанца, съ другой—изъ Желкевки почти до Сѣдлеца, а изъ Высокаго до Щербжечина и Франсполя.

Я узналъ, что генераль-майоръ Лошкаревъ наблюдалъ отрядомъ своимъ теченіе рѣки Буга отъ села Кладнова, что противъ Дубенки до мѣстечка Летовижажа, смежнаго съ австрійскою Галициею.

Въ Грубешевѣ стоялъ отъ него казачій Попова полкъ, а въ Устилугѣ—два резервныхъ баталіона 26-й пѣхотной дивизіи. Гусарская бригада, состоявшая при семъ отрядѣ, заключала въ себѣ 1,350 сабель, казачій полкъ до 360 пикъ и два баталіона въ 660 штыковъ.

Отрядъ сей принадлежалъ сводному корпусу генерала Ридигера, который самъ съ передовыми войсками сего корпуса прибылъ во Владимиръ-Волынскій еще 7-го марта. Съ нимъ прибыли туда 2-я и 3-я бригады 10-й пѣхотной дивизіи въ весьма разстроенному составѣ и заключавшіе въ себѣ не болѣе 1,760 штыковъ. Прочія войска, долженствовавшія образовать сей корпусъ, были еще далеко и приближались съ различныхъ пунктовъ. Итакъ, у генерала Ридигера состояло въ командѣ всего 1,800 сабель и 2,420 штыковъ для защиты Волынской, Подольской и Кіевской губерній противъ десятитысячнаго корпуса, коимъ предводительствовалъ предпріимчивый Дверницкій, и многочисленнаго шляхетства означенныхъ губерній, тайно вооруженнаго и ожидавшаго съ нетерпѣніемъ прибытія сего польского генерала для общаго возстанія.

Теперь оставимъ Лошкарева въ Устилугѣ, Ридигера—во Владимирѣ, мой отрядъ—въ Красноставѣ, Крейца—въ Уржендовѣ, а непріятельскихъ генераловъ: Дверницкаго—у Замостя и Се-

равского—за Вислой, и перенесемся за Вепржъ, за Бугъ, за Нареву и посмотримъ на положеніе войскъ нашихъ, тамъ находившихся до 19-го марта.

XV.

Графъ Виттъ, усиливъ корпусъ Крейца частію войскъ своихъ, былъ на походѣ изъ Люблинскаго воеводства за Вепржъ для поступленія въ составъ главной арміи.

Главная армія находилась на походѣ изъ Шеницы на Желиховъ и Рыки для перехода Вислы между устьемъ Вепржа и мѣстечкомъ Казеницы, на лѣвомъ берегу рѣки лежащимъ.

6-й пѣхотный корпусъ Розена находился на брестскомъ шоссе у Дембельви (Дембы-Вельки), имѣя авангардъ свой подъ командой Гейсмана въ Милоснѣ, а аванпосты его у самой заставы варшавскаго предмѣстья Праги.

2-й пѣхотный корпусъ графа Палена 2-го находился на походѣ изъ бѣлорусскаго Минска, чрезъ Брестъ-Литовскъ, къ Сѣдлецу на подкрайленіе Розена. Гвардія—въ Ломжѣ. Отрядъ Сакена—въ Остроленкѣ.

Нигдѣ еще не было слышно ни единаго выстрѣла, всюду господствовала тишина и спокойствіе!

Первая вспышка проявилась въ круга боевыхъ происшествій. Далѣе къ тылу праваго крыла дѣйствующей арміи возникаетъ мятежъ въ Шавельскомъ и Тельшевскомъ уѣздахъ Виленской губерніи, и почти въ то же время (14-го марта) корпусъ Уминскаго подходитъ къ Остроленкѣ.

Пора сказать о цѣли движенія Уминскаго.

Многіе полагали, что причина этого движенія была надежда послѣ четырехнедѣльного бездѣйствія застать върасплохъ отрядъ Сакена и гвардію, воспользоваться ихъ усыпленіемъ и удовольствоватьсь однимъ какимъ-либо успѣхомъ на Наревѣ. Другіе думали, и это правдоподобнѣе, что пославшій Уминскаго генераль Сиржинецкій имѣлъ въ виду мысль, подобную той, которая, спустя 12-ть дней послѣ сего, была приведена въ исполненіе Дверницкимъ, то-есть вторженіе въ наши границы и доставленіе помощи восставшей шляхтѣ Виленской губерніи (возстаніе, о которомъ польское правительство заблаговременно было извѣщено), возбуждая при томъ въ таковому же возстанію и прочія литовскія губерніи, еще доселѣ спокойныя. Какъ бы то ни было, но

натискъ Уминскаго не удался и онъ, послѣ нерѣшительнаго покушенія на Остроленку, остался въ окрестностяхъ Пултуска и Сироцка. При всемъ томъ мятежъ, возникшій въ части Виленской губерніи, не преставалъ распространяться далѣе и далѣе!

События такого рода при началѣ наступательнаго движенія должны были неминуемо имѣть вліяніе на нерѣшительнаго, пылающаго и своенравнаго Дибича. Онъ, какъ и всѣ подобнаго рода люди, подчинялся впечатлѣнію измѣняющихся обстоятельствъ и уже при открытиї кампаніи твердость духа его поколебалась отъ неисполненія преднаречаній своихъ, которая впрочемъ не были приведены въ исполненіе отъ неумѣнія воспользоваться побѣдой подъ Гроховыми. Дибичъ дрогнулъ, увидя, что счастіе начинается ему измѣнять; это свойство всякаго баловня фортуны, лишенного отъ природы той твердости душевной, той самонадѣянности въ собственныхъ дарованіяхъ, которая одни побѣждаютъ препятствія. Но эти два испытанія были только предисловіемъ тягчайшихъ и гораздо еще горестнѣйшихъ.

19-го марта, т.-е. спустя одни сутки по полученіи тревожныхъ извѣстій о мятежѣ въ Литвѣ и движеніи Уминскаго, и трехъ сутокъ послѣ выступленія главной арміи изъ окрестностей Шеницы, состоялся общий натискъ главныхъ силъ польской арміи изъ Варшавы на Гейсмаръ и Розена по брестскому шоссе въ трехъ переходахъ отъ Дибича во время марша его къ переправѣ.

Это событие было весьма естественно, ибо неужели Скряжинецкій потерпѣлъ бы одинъ часъ времени присутствія корпуса Розена, разбросаннаго по зимнимъ квартирамъ въ присутствіи главныхъ силъ, имъ предводимыхъ. Бездѣйствіе его до 19-го числа основывалось на опасеніи натиска главныхъ силъ нашихъ въ тылъ его войскамъ во время напора ихъ на Розена; едва узналъ онъ объ отбытіи Дибича къ Венгржу и преданіи Розена собственнымъ силамъ и произволу судьбы, онъ немедленно воспользовался и не могъ не воспользоваться превосходствомъ своимъ надъ войсками, противъ него находившимися. Фельдмаршаль предвидѣлъ этотъ случай еще предъ выступленіемъ изъ Шеницы, ибо я самъ 16-го поутру видѣлъ призваннаго къ главнокомандующему Розена, которому было поставлено на видъ, что главнымъ предметомъ его есть отступленіе къ Бресту, при первомъ на него нападеніи, и соединеніе на пути со 2-мъ пѣхотнымъ

корпусомъ, идущимъ отъ Бреста, который онъ долженъ быть защищать какъ хранилище складовъ и всего для арміи необходимаго.

Итакъ, если натискъ Скражинецкаго на Розена былъ въ порядке вещей, а сверхъ того еще и предвидимъ фельдмаршаломъ, то не надлежало ли ему до начатія своего движенія прибѣгнуть къ сему простому разсужденію: нападеніе главныхъ непріятельскихъ силъ на Розена можетъ ли ниспровергнуть планъ, основанный на движеніи къ Вислѣ и переходѣ ея, и угрожаетъ ли онъ существованію нашей арміи? Если онъ угрожаетъ, то надо было оставаться около Шеницы и чрезъ то спасти отъ разстройства планъ кампаніи и существованіе арміи, и вместо движенія къ Венржу и перехода Вислы, придумать какое-либо другого рода предпріятіе. Если же оно не угрожаетъ нашей арміи, то слѣдуетъ, оставивъ Шеницы, переправиться чрезъ Вислу, и чтобы ни приключилось съ корпусомъ Розена или съ другими отдѣльными частями надлежало, не изумляясь ничему, не упадая ни отъ чего духомъ, стремиться, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, къ достижению цѣли, единожды избранной.

Это не есть съ моей стороны разсужденіе, какъ говорится, заднимъ умомъ, это даже не есть разсужденіе военное, это разсужденіе всякаго, который рѣшается на какое-либо предпріятіе военное, гражданское, мануфактурное, торговое или частное, и лично до него касающеся. Итакъ, если главное начальство рѣшилось уже двинуться къ переправѣ, не взирая на увѣренность въ нападеніи непріятеля въ превосходныхъ силахъ на корпусъ Розена, то, независимо отъ непоколебимости воли, необходимой для достижения предмета, имъ единожды избраннаго, ему надлежало прибѣгнуть къ слѣдующимъ предосторожностямъ, требующимъ особенного его вниманія: во-первыхъ, до выступленія арміи изъ Шеницы, надлежало озабочиться на счетъ продовольствія Розена такъ, чтобы онъ могъ прокормиться провіантромъ, привезеннымъ уже изъ магазиновъ Бреста къ мѣсту имъ занимаемому; это дозволило бы ему, имѣя войска всѣ въ сборѣ на одномъ пункѣ и сосредоточенными, отразить натиски непріятеля, а не разбрасывать войскъ для пропитанія по зимнимъ квартирамъ, какъ то случилось при нападеніи на него польской арміи. Это, къ несчастію, не могло не случиться, ибо на шоссе не было

ни куска обывательского или запаснаго казеннаго хлѣба; во-вторыхъ, соображаясь съ весеннею ростополью и съ положениемъ дорогъ того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ заранѣе предвидѣнныемъ уже отступленіемъ корпуса Розена къ Сѣдлецу (что совершило открывало тылъ нашей арміи во время ея движенія изъ Шеницы къ углу, образуемому Вепржемъ и Вислою), слѣдовало предварительно отправить впередъ всѣ парки, обозы и тяжелую артиллерию, дабы армію прикрыть сіи тѣжести, а не тѣжестямъ симъ прикрывать армію; мы были свидѣтелями сего чудеснаго распоряженія¹⁾.

XVI.

Зависимость моя отъ генерала Крейца произвела обстоятельства, которыя можно было предупредить, оставилъ меня независимымъ и подчинивъ лишь графу Толю; при этомъ мнѣ слѣдовало однако извѣщать немедленно обо всемъ происходящемъ какъ генерала Крейца²⁾, такъ и генерала Ридигера³⁾, занимавшаго границу нашу по Бугу, а головными колоннами самый Владимиръ. Прибывъ въ Красноставъ, я немедленно придинулъ разыѣзы свои до Замостской крѣпости для ближайшаго наблюденія за Дверницкимъ, котораго я не долженъ былъ допускать къ Вислѣ, а потому я занималь дистанцію въ 60 верстъ отъ Красностава до Высокаго. Этотъ отличный и предпримчивый генералъ въ теченіе настоящей кампаніи разбилъ барона Гейсмана и взялъ у него 8 пушекъ, Крейца, у котораго взялъ 5 пушекъ и генерала Кавера, у котораго взялъ 3 пушки. У меня, за неимѣніемъ пушекъ, не могъ онъ ими обогатиться. Въ тотъ же день, по собственному побужденію, послалъ я отъ себя разыѣзы для открытия сношеній съ Ридигеромъ. Чрезъ два дня я получилъ отъ Крейца диспозицію на 25-е число, въ которой сказано было: «Отрядъ генералъ-майора Давыдова располагается въ Пяски».

Исполняя это повелѣніе, я немедленно извѣстилъ о томъ Ридигера, который, отъ 27-го марта за № 524, уведомилъ Крейца,

¹⁾ Весь дальнѣйшій разсказъ до конца не помѣщенъ въ рукописи, принадлежавшей кн. Паскевичу и сообщ. намъ генераломъ Распоповымъ. Ред.

²⁾ Климентъ Антоновичъ Крейцъ, впослѣдствіи графъ и генералъ-отъ-кавалеріи, скончался въ 1850 г. Ред.

³⁾ Федоръ Васильевичъ Ридигеръ, впослѣдствіи графъ, генералъ-отъ-кавалеріи, главнокомандующій гвардейскимъ и grenадерскимъ корпусами, скончался въ 1856 г. Ред.

что такъ какъ по всѣмъ слухамъ Дверницкій думаетъ идти на Волынь (чemu онъ, по слабости силъ, противиться не можетъ, а будетъ вынужденъ отступить за рѣчу Стырь для присоединенія къ войскамъ, къ нему подходящимъ), то онъ убѣдительно просить оставить меня въ Красноставѣ, прибавляя: «Даже я полагаю, что нахожденіе отряда Давыдова въ Красноставѣ весьма много содѣствовало тому, что Дверницкій до сего времени оставался въ Замостѣ». Но Крейцъ не только не возвратилъ меня въ Красноставѣ, но 29-го прислалъ мнѣ новую диспозицію, въ коей было сказано: «Генераль-майору Давыдову дѣлать поиски на мѣстечко Туробань до рѣки Гутта и далѣе, если же Дверницкій уже пришелъ на Медлиборжище и Закликовъ, то генераль-майоръ Давыдовъ быстро долженъ двигаться по слѣдамъ его». Крейцъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ наобумъ, ибо, отдавивъ меня отъ Красностава, онъ лишился средствъ получать вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ Дверницкаго, который, по его мнѣнію, долженъ быть обратиться къ Вислѣ на соединеніе съ Серавскимъ, о переправѣ котораго на правый берегъ Вислы ходили уже слухи.

На основаніи даннаго мнѣ предписанія, я уже 1-го апрѣля былъ на маршѣ изъ Туробана на Щербжечину, открывая моими партіями Франполь и Бельгерой.

Дверницкій же на другой день выступленія моего изъ Красностава сосредоточилъ свои войска у Замостья, и нерѣдко быстро Бугъ въ Крыловѣ, вступилъ въ наши границы, въ Волынь. Если бы я не былъ подчиненъ Крейцу, то ни въ какомъ случаѣ не двинулся бы въ Паски, а оттуда на Щербжечину; понимая, что главная моя обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за Дверницкимъ, я хотѣлъ даже 26-го двинуться къ Ситаницу, деревнѣ, отстоящей отъ Замостья въ 10-ти верстахъ. Вскорѣ Крейцъ узналъ о истинномъ направлѣніи Дверницкаго, объ отступленіи Ридигера, о возстаніи Волыни и о томъ, что Подолія и окрестности Киева также въ сильномъ волненіи. Крейцъ, обвиняя меня въ томъ, что я проглядѣлъ Дверницкаго, за которымъ обязанъ былъ наблюдать, предписалъ мнѣ идти по его слѣдамъ. Пройдя мимо самаго Замостья, гарнизонъ котораго не только не дѣлалъ вылазокъ, но даже не показывался, я, 4-го апрѣля, находясь на сообщеніи Дверницкаго съ сею крѣпостью, захватилъ нѣсколько курьеровъ и небольшіе отряды его. Переправясь за

Бугъ, я быль пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: на мѣстѣ, гдѣ непріятель еще недавно располагался лагеремъ, водружены были довольно высокіе шесты, на вершинѣ которыхъ были привязаны мѣшкі. По осмотрѣ мѣшковъ, оказалось, что они вмѣщали въ себѣ возмутительныя прокламаціи. Поляки, не попимая высокой русской души Ермолова, котораго они почитали глубоко оскорблѣннымъ и пылающимъ местью къ своей родинѣ, напечатали отъ его имени возмутительную прокламацію въ русскимъ¹⁾). Эти прокламаціи, пересланыя въ главную квартиру, были поспѣшно доставлены въ Петербургъ. Ермоловъ, извѣщеный объ этомъ происшествіи, былъ глубоко оскорблѣнъ тѣмъ, что самыя нелѣпныя клеветы были столь легко и охотно удостоиваемы вниманія въ Петербургѣ, и не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ по крайней мѣрѣ своихъ враговъ насыпками. Онъ писалъ брату моему: «Этого мало; вы вѣрно услышите о одержанныхъ мною побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказываетъ фельдмаршалу Дибичу».

Перейдя Бугъ въ Крыловѣ по мосту, по которому слѣдовала Дверницкій, я предалъ его огню и взялъ 6-го городъ Владимиръ приступомъ. Бой живо кипѣлъ! Старь и младъ, шляхта и духовенство, военные и мѣщане, все стрѣляло изъ оконъ, изъ-за заборовъ и оградъ, и подобно лазамъ или лезгинамъ, не просило пощады. Бой продолжался непрерывно въ продолженіи 4-хъ часовъ; съ моей стороны были спѣшены 3-й дивизіонъ финляндскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Кологривова, большая часть полка Катасанова, всѣ же прочіе были на конѣ. Побѣда увѣличала мою рѣшительность; фельдмаршаль и графъ Толь, будучи весьма доволены мною, вошли обо мнѣ съ представлениемъ о награжденіи знакомъ св. Георгія 3-го класса, чего я однако никогда не удостоился получить.

Движеніе мое на Владимирѣ не было плодомъ необдуманнаго предпріятія, но послѣдствіемъ обмана жителей мѣстечка Крылова, которые меня увѣрили, что Дверницкій во Владимирѣ; я однако поставилъ здѣсь все верхъ дномъ и отбилъ навсегда охоту бунтовать. Я не могъ поспѣсть 7-го, то-есть въ день сраженія Ри-

¹⁾ Поляками были напечатаны двѣ прокламаціи: въ одной минима главная квартира Ермолова была назначена въ Самарѣ, а въ другой, отпечатанной весьма скоро послѣ первой, въ Одессѣ.

Д. Д.

25

дигера съ Дверницкимъ къ Боромелю(?), но если бы я явился хотя на другой день, то былъ бы не лишнимъ. Впрочемъ и Владимиръ былъ пунктомъ весьма важнымъ, какъ средоточіе одного изъ главныхъ мятежническихъ ополченій Волынской губерніи.

Въ «Газетѣ Варшавской» было сказано: «Генераль Толь, узнавъ о выступлениі генерала Дверницкаго на Волынь, отрядилъ изъ своего корпуса часть войскъ для дѣйствія противу него. Когда этотъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Давыдова проходилъ близъ Замостья, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ счастливую вылазку. Письма изъ Замостья, отъ 20-го числа, утвердительно удостовѣряютъ, что корпусъ генерала Давыдова разбить волынскимъ ополченіемъ во время переправы его черезъ Бугъ».

Невольно вспомнишь Наполеона, который узнаетъ, что австрійцы, имъ совершенно разбитые, утверждаютъ противное, сказалъ: «*Laissez les faire, les rãves sont toujours la consolation des malheureux.*». Узнавъ во Владимирѣ о пораженіи Дверницкаго Ридигеромъ подъ Боромелемъ, я обратился послѣднѣю на путь сообщенія его съ Замостьюемъ, пролегавшій вдоль границы австрійской Галиціи. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, но Ридигеръ, искуснымъ направленіемъ своей кавалеріи, отѣснилъ Дверницкаго отъ этого пути и принудилъ его обратиться къ Берестечку и Почаеву. Подойдя къ Дружинополю, мои разѣзди встрѣтились съ разѣздами Ридигера, посланными для развѣданія о Серавскомъ, который по слухамъ спѣшилъ на соединеніе съ Дверницкимъ. Узнавъ отъ нихъ объ истинномъ направленіи Дверницкаго, я обратился чрезъ Владимирѣ къ Ковелю, гдѣ сильное скопище мятежниковъ производило страшныя неистовства. Одно приближеніе мое къ Ковелю заставило мятежниковъ послѣднѣю бѣжать и искаль спасенія въ лѣсистыхъ болотахъ. На основаніи предписаній Крейца, я, перейдя границу въ Устилугѣ, расположился въ Блонкахъ для наблюденія за Замостьюемъ.

Въ самый день взятія Владимира Крейцъ разбилъ Серавскаго подъ Казимиржемъ. Польскія газеты того времени осуждали Серавскаго за переходъ его чрезъ Вислу, тѣмъ болѣе, что у него изъ 7,000 человѣкъ едва 1,000 человѣкъ были вооружены ружьями. Между тѣмъ корпусъ Дверницкаго, тѣсненный Ридигеромъ, бросился на австрійскую границу; Ридигеръ остановился и протестовалъ, и австрійцы послѣшли обезоружить ихъ.

Узнавъ о неудачѣ Серавскаго и Дверницкаго, Скражинецкій, находившійся у Сѣдлеца, отрядилъ изъ главныхъ своихъ силъ 7,000-тысячный отрядъ при 10-ти орудіяхъ, подъ командою начальника главнаго штаба Хржановскаго, которому велѣно было спѣшить на выручку Дверницкаго. Подошедшъ никѣмъ незамѣченный къ Коцку, Хржановскій былъ однако открытъ здѣсь партию корпуса Крейца, который, отрядивъ противъ него отрядъ генерала Фези, самъ двинулся къ Любартову; Фези былъ разбитъ, но Крейцъ, соединясь съ нимъ, настигъ въ Любартовѣ отрядъ Хржановскаго, который, остановившись на лѣвомъ берегу Вепржа, гдѣ не было ни мостовъ, ни бродовъ, беспечно варилъ кашу. Крейцъ, притѣпшій изъ Люблинѣа, атаковалъ Любартовъ, занятый арріергардомъ непріятеля и этимъ далъ ему время ономниться, построиться и отступить съ малой потерей на Ленгну, гдѣ самъ Крейцъ остановился, пустивъ въ погоню за Хржановскимъ легкій отрядъ графа Алексія Петровича Толстаго. Такимъ образомъ ускользнулъ отъ насъ Хржановскій, котораго можно было превосходно покупать въ Вепржѣ. Можно было поправить эту ошибку слѣдующимъ образомъ: Крейцу слѣдовало изъ Ленгны усиленнымъ маршемъ слѣдоватъ чрезъ Бискунице въ Красноставъ, и пройдя здѣсь Вепржѣ по прекрасному мосту, пресѣчь дорогу въ Замостье Хржановскому, который, двигаясь на Шедлище и Раювецъ, описывалъ дугу, тогда какъ Крейцъ могъ идти хордой. Дорога, по которой шелъ Хржановскій, шла болотами, лѣсами и плотинами, а Крейцу предстояло слѣдоватъ по дорогѣ гладкой и открытой. Муравьевъ¹⁾ совѣтовалъ предпринять это движеніе, но его не послушали. Съ своей стороны Хржановскій понялъ опасность, которой подвергался, и узнавъ о пораженіи Дверницкаго, онъ съ пеимовѣрной быстротой направился на Красноставъ; перейдя здѣсь рѣку, онъ сжегъ мостъ. Между тѣмъ Крейцъ воротился въ Люблинѣа и занялся составленіемъ реляціи, превосходящей всякое вѣроятіе. О сраженіи подъ Любартовомъ, отстоявшемъ отъ меня во 100 верстахъ, я ничего не зналъ; я въ то время находился въ Блонкахъ, верстахъ въ 10-ти отъ дороги,

¹⁾ Николай Николаевичъ Муравьевъ, вноскладствіи бывшій главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ. О дѣятельности его подъ Карсомъ, см. въ Запискахъ генерала Бакланова, въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. II.

по которой долженъ былъ слѣдоватъ Хржановскій. Если бы корпунсный командиръ заблагоразсудилъ предупредить меня о дальнѣйшемъ движениі Хржановскаго, я могъ бы легко преградить ему дорогу около Руколона, Краслыгина, Сургова, Заставы, гдѣ, изломавъ мости и плотины, я бы его здѣсь надолго задержалъ. Но обо мнѣ забыли, и я былъ извѣщенъ о дѣлѣ подъ Любартовъмъ и о направленіи непріятеля лишь за часъ предъ разсвѣтомъ 29-го апрѣля. Я тотчасъ устремилсѧ къ Избичѣ, но непріятель, двигавшійся всю ночь, прошелъ уже это мѣстечко и направлялся быстро къ Старому-Замостью. Я здѣсь соединился съ графомъ Толстымъ, командовавшимъ авангардомъ нашего корпуса. Здѣсь сошлись четыре генерала: графъ Толстой, Андреѣвъ, Шиллингъ и я; такъ какъ я былъ старшій, то графъ Толстой подѣхалъ ко мнѣ съ рапортомъ, но я сказалъ ему: «Ваше дѣло слишкомъ хорошо начато, чтобы я похитилъ у васъ и начальство и успѣхъ; продолжайте, я же стану помогать вамъ». Если бы Замостье находилось не въ 12-ти, а въ 30-ти верстахъ, то вѣроятно весь непріятельскій корпусъ, крайне утомленный, побралъ бы оружіе. Но Замостье было близко, и онъ остановился, хотя съ большою потерей. Всѣ мы разошлись, а мнѣ вновь приказано было наблюдать за Замостьюемъ. Тѣмъ кончился нахальный, можно сказать, походъ Хржановскаго отъ Сѣдлеца къ Замостью посреди нашей арміи. И здѣсь хотѣли обвинить меня и графа Толстаго въ томъ, что Хржановскому удалось спастись. Къ этому надо прибавить, что за сутки до полученія мною извѣстія о появлѣніи Хржановскаго въ Коцкѣ, Крейцъ безъ всякой надобности отобратъ у меня финляндскій драгунскій полкъ, который потому не могъ быть со мною подъ Старымъ-Замостьюемъ, ни съ Крейцомъ — въ Любартовѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ отобралъ у меня еще два полка казачьихъ и оставилъ меня съ однимъ полкомъ Ка-реева, въ которомъ было не болѣе 300 человѣкъ. Я не жалуюсь на Крейца¹⁾, человѣка доброго, но малодушнаго, какъ въ отно-

¹⁾ При извѣстіи о приближеніи непріятеля, нось генерала Крейца вытѣгивался, можно сказать, на десять пораженій; онъ взялъ приступомъ Люблинъ, защищаемый склонами, весьма слабо вооруженою; здѣсь отличался при взятіи мельницы баронъ Деллинггаузенъ, который былъ флигель-адютантомъ и о которомъ государь изволилъ сказать: «Il est aussi brave, que menteur». Послѣ взятія Люблина Крейцъ въ своемъ донесеніи называлъ его второю Сарагоссою.

Д. Д.

шенихъ своихъ враговъ, такъ и въ отношеніи своихъ пріятелей. Онъ былъ всегда со мною хороши, и впослѣдствіи остался та-
ковымъ же, но у него былъ начальникъ штаба баронъ Деллингс-
гаузенъ, зародышъ Макка будущихъ россійскихъ войнъ, кото-
рый имѣлъ на него неограниченное вліяніе. Онъ сталъ дѣлать
неудовольствія Муравьеву, Пашкову, Аирепу, графу Толстому и
мнѣ; Крейцъ же молчалъ, какъ мокрая курица и извинялъ его
въ письмахъ своихъ ко мнѣ. Короче Крейцъ былъ у него какъ
.... на содержаніи. Все мною здѣсь сказанное основано на пись-
менныхъ официальныхъ документахъ; самъ великий Деллингсгау-
зенъ не имѣть документовъ достаточно сильныхъ, чтобы опро-
вергнуть тѣ, которые у меня и подписаны Крейцомъ и имъ самимъ.

Не могу понять, почему послѣ Остроленской побѣды, которую
можно назвать первымъ кризисомъ въ нашу пользу, вдругъ ока-
залось столь необходимымъ присутствіе въ главной арміи кор-
пуса Крейца, которому приказано было, не ожидая смѣны своей
Ридигеромъ, оставить Люблинское воеводство и спѣшить на сое-
диненіе съ арміей; Ридигерь же, который долженъ быть смѣ-
нить его, едва перешель границу въ Устилугъ и не прежде могъ
двинуться къ Любlinу, какъ по прибытии Кайсарова, который
долженъ былъ заступить его мѣсто и имѣть предметомъ охра-
неніе Волыни. Между тѣмъ около Замостя находился корпусъ
Хржановскаго, въ 80-ти верстахъ за Вислой корпусъ Дзѣкон-
скаго, коего передовые посты доходили до Курова и Белжады;
войсками его корпуса были сильно заняты Казиміржа, Пулава и
Голомбъ, гдѣ былъ мостъ и предмостное укрѣпленіе. Подобное
повелѣніе Крейцу могло быть объявлено ему до Остроленского
дѣла, когда готовы были всѣмъ жертвовать для усиленія нашего
главнаго корпуса, ожидавшаго встрѣчи съ главными непріятель-
скими силами. Казалось, благопріятный исходъ дѣла долженъ быть
неминуемо измѣнить всѣ обстоятельства, по крайней мѣрѣ отно-
сительно послѣд资料的 выступленія Крейца изъ Люблина до смѣны
его Ридигеромъ, который съ своей стороны не щадилъ ни убѣ-
деній, ни просьбъ, чтобы склонить Крейца не оставлять береговъ
Вислы и Вепржа до своего появленія въ окрестностяхъ Люблина.
Если Дибичъ уже рѣшился не оставлять корпуса Крейца, состояв-
шаго изъ 9,000 всадниковъ при 48-ми орудіяхъ, для защиты Во-
лыни и удержанія сего края отъ неминуемаго возстанія, то слѣ-

девало бы ему, по крайней мѣрѣ, присоединить его къ главнымъ силамъ своимъ, а не давать ему направлениѣ, частью на Люблинъ, частью на Сточекъ и даже за Вислу для разсѣянія вновь формировавшихся непріятельскихъ войскъ; эти войска, которыхъ не могли быть сильны, должны были сами по себѣ разсѣяться при одномъ извѣстіи о пораженіи главной польской арміи, и для этой важной цѣли намъ слѣдовало напрягать всѣ умственныя и вещественныя усиленія наши. Крейцъ выступилъ 19-го мая изъ Люблинского воеводства, на защиту втораго имъ была оставлена лишь 2-я конно-егерская дивизія, состоявшая изъ 600 человѣкъ, неимѣвшихъ ружей, съ изнуренными лошадьми, Хоперскій кава-затій полкъ, Кареева полкъ въ 300 человѣкъ, всего 2,100 коней. Имъ надлежало наблюдать за непріятелемъ на протяженіи отъ Красностава до Завихоста, отсюда до Бобровниковъ, а отсюда до Коцка; кромѣ того, надо было занять центральный пунктъ—Люблинъ достаточнымъ числомъ войскъ. Изъ города были вывезены Крейцомъ на подводахъ весь хлѣбъ и овесъ; больныхъ же, которыхъ слѣдовало перевезти въ числѣ 1,200 человѣкъ, оставили въ госпиталия города, гдѣ, кромѣ того, брошено было на произволъ судьбы много пороху, зарядовъ и оружія. Даже 48-му егерскому полку, выступившему въ Россію для укомплектованія себя людьми, которому ничего бы не стоило оставаться въ Люблинѣ хотя нѣсколько лишнихъ сутокъ, приказано было, не взирая на всѣ просьбы Пашкова, остававшагося начальникомъ въ воеводствѣ и городѣ, послѣднѣе выступать. Жители не помнили себя отъ радости и явно говорили, что надняхъ въ городѣ вступить польскій корпусъ, который неминуемо нась всѣхъ плѣнить. Это было весьма правдоподобно.

XVII.

Въ это время, то-есть 20-го мая Ридигерь, подъ начальство втораго я поступилъ уже восемь дней, даль мнѣ изъ Камарова слѣдующее повелѣніе: «Оставить Кареева полкъ для наблюденія Замостья, спѣшить самому въ Люблинъ и принять подъ свое главное начальство всѣ войска воеводства». Я прибылъ 21-го въ Люблинъ, гдѣ узнать о побѣдѣ подъ Остроленкой и о прибытіи нашей главной арміи къ Пултуску. Поляки, почитая меня жестокосердымъ, трепетали при имени моемъ. Я, подобно знаменитому нашему Алексѣю Петровичу Ермолову, съ намѣреніемъ разсѣвалъ

эти слухи, чтобы не быть вынужденнымъ карать непокорныхъ. Я находился и въкоторое время въ крайней опасности, отъ которой избавился лишь видимымъ милосердіемъ Божіимъ. Какъ было не воспользоваться Дзѣконскому отдаленіемъ моимъ отъ главной арміи, находившейся за Наревомъ, отдаленіемъ отъ Ридигера и, наконецъ, выступленіемъ Крейца, котораго онъ могъ значительно удержать и не допустить до Пултуска. Кроме того, пользуясь малочисленностью моего отряда, онъ могъ безъ большихъ усилий захватить 1,300 больныхъ, много пороху, зарядовъ и нѣсколько сотъ ружей, въ коихъ мы сильно нуждались; но для него было всего важнѣе овладѣніе Люблиномъ, гдѣ онъ могъ легко соединиться съ Хржановскимъ, который съ своей стороны не замедлилъ бы прибыть туда, стѣдя чрезъ Красноставъ и Пяски. Средоточеніе силъ непріятельскихъ могло быть для насъ тѣмъ болѣе гибельно, что въ то же время Скражинецкій готовился со всемъ арміею выступить изъ-подъ Праги къ Любlinу. Движеніе это, предпринятое имъ лишь недѣлю спустя, не имѣло успѣха только потому, что Ридигерь находился въ то время уже въ Люблинѣ. Зная мою слабость, онъ прислалъ мнѣ отрядъ генерала Шлохова, и вскорѣ самъ сюда явился. Зная меня и Шлохова со временія войны въ Финляндіи, Ридигерь питалъ къ намъ большую дружбу и постоянно оказывалъ большое довѣріе. Мнѣ было поручено начальство надъ 20-ю эскадронами, казачьимъ полкомъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Извѣстясь о движеніи Скражинецкаго, Ридигерь быстрымъ движеніемъ за Вендржъ успѣлъ поразить часть его арміи подъ Лисабысомъ или Будзинскимъ. Въ этомъ сраженіи, гдѣ Ридигерь съ 6,000 человѣкъ одержалъ блестательную победу на 20,000 польскихъ войскъ, я, командая авангардомъ, состоявшимъ изъ конно-егерской дивизіи Пашкова и двухъ егерскихъ полковъ 19-го и 20-го, при шести орудіяхъ, въ продолженіе трехъ часовъ выдерживалъ напоръ непріятеля, значительно превосходившаго меня числомъ (здѣсь сражалась противъ меня подъская гвардія). Появленіе Ридигера, лично аттаковавшаго непріятеля за лѣсомъ, рѣшило судьбу сраженія. Благодаря Бога, я опрокинулъ непріятеля и соединился съ Ридигеромъ, который, слыша сильный съ моей стороны огонь, весьма опасался за меня. Послѣ сраженія онъ меня при всемъ корпусѣ благодарили. Въ этомъ дѣлѣ Плоховымъ взято было много офицеровъ и рядовыхъ,

обозъ съ артиллериjsкими зарядами и ящикъ съ казной, гдѣ найдено было до 50,000 рублей. Возвратясь въ Люблинъ, Ридигеръ, узнавъ о выступлениі изъ Замостья Хржановскаго, прогналъ его за Вислу. Поручивъ мнѣ преслѣдованіе непріятеля съ 29-ю эскадронами, при которыхъ находились генералы Квитницкій, Ольшевскій, Плоховъ, графъ Тимманъ, онъ самъ возвратился въ Люблинъ; но непріятель бѣжалъ такъ быстро, что я не могъ его догнать. Этимъ вполнѣ блестящимъ и малоизвѣстнымъ подвигомъ, Ридигеру удалось отстоять Люблинское воеводство. Это — единственная классическая операција въ продолженіе всей войны, она достойна изученія, и Жомини не можетъ не быть въ восторгѣ, узнавъ, какую дѣятельность и энергию выказалъ здѣсь Ридигеръ.

Въ Люблинѣ Ридигеръ праздновалъ свои успѣхи; за обѣдомъ, за которымъ было до 60-ти человѣкъ (я былъ въ отсутствіи), онъ, между прочимъ, сказалъ: «Когда я въ Лисабысахъ услыхалъ ужасный огонь со стороны авангарда, трехчаснымъ жестокимъ боемъ успѣвшимъ удержать стремленіе главныхъ непріятельскихъ силъ, я, признаюсь, подумалъ, что если Давыдова сбоятъ, мнѣ будетъ плохо; но Давыдовъ блистательно опрокинулъ непріятеля».

Я во время преслѣдованія сдѣлалъ двѣ ошибки, за которыя, знаю, онъ весьма сердился. Когда я прибылъ изъ авангарда и признался въ нихъ съ первыхъ словъ, Ридигеръ вмѣсто того, чтобы мнѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать за то замѣчаніе, сталь себя обвинять и увѣрять меня, что если я не сдѣлалъ того, что слѣдовало, то этому причинаю онъ самъ, съ чѣмъ я однако никакъ согласиться не могъ. Я никогда ни съ однимъ начальникомъ не былъ столь близокъ, какъ съ Ридигеромъ, который былъ обыкновенно не только не мягокъ, но весьма серьезенъ и строгъ; но я, кромѣ незаслуженного вниманія, ничего отъ него не видалъ. Зная его съ поручичьяго чина, потомъ полковникоmъ и генераль-майоромъ, я никогда не могъ думать, чтобы онъ былъ одаренъ столь замѣчательными военными способностями. Онъ мнѣ позволилъ и даже просилъ письменно и словесно сообщать ему все, что мнѣ придется въ голову. Я часто позволялъ себѣ давать ему совѣты, за которые онъ не зналъ какъ меня достаточно благодариТЬ. Я весьма радуюсь и горжусь тѣмъ, что въ этомъ подвигѣ былъ ему главнымъ помощникомъ, въ особенности въ Лисабы-

сахъ, гдѣ принять на свой щитъ главный ударъ непріятеля, о чёмъ онъ непрестанно говорилъ и за что баловалъ меня самимъ дружескимъ обращенiemъ. У насъ съ нимъ не было секретовъ; едва получалъ онъ какое-либо извѣстie или важную бумагу, онъ тотчасъ посыпалъ за мною, сообщалъ мнѣ все и мы съ нимъ по несколько часовъ сидѣли вмѣстѣ. По представлению моему, принятому съ благодарностью Ридигеромъ, сдѣлана была по Люблинскому воеводству публикація; мною написанныя правила для аванпостной службы отданы были по его желанію въ приказѣ. Видя его военные дарованія, рѣшительность и деликатное со мною обращеніе, я глубоко уважаю его, какъ одного изъ отличайшихъ, благороднейшихъ и добродушнѣйшихъ генераловъ нашихъ.

Если бы корпуса Дзѣконского изъ-за Вислы, Хржановскаго изъ Замостиа и главная непріятельская армія, оставивъ достаточные гарнизоны въ Люблинѣ и Прагѣ и наблюдательные отряды противъ Ридигера и Розена, сосредоточились бы у брестскаго шоссе лицомъ къ Пултуску и Остроленкѣ и развернули бы свои колонны отъ Брокѣ къ Ружинополью и Остроленкѣ въ тылу нашей арміи, мы неминуемо понесли бы жесточайшее пораженіе¹⁾.

XVIII.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій вступаетъ въ командование арміею. Я не могъ питать большого уваженія къ сему человѣку, потому что гнусные его доносы на Ермолова мнѣ были слишкомъ извѣстны²⁾). Принадлежа къ числу безграмотныхъ, которому Грибоѣдовъ сочинялъ приказы и даже частныхъ письма, онъ, недовольствуясь уже отправленными въ Петербургъ доносами, прива-

¹⁾ До смерти своей графъ Дибичъ жаловался на графа Толя и получиль въ отвѣтъ разрѣшеніе: «отправить его вонъ». Это письмо, полученное послѣ кончины фельдмаршала, было распечатано графомъ Толемъ. Великій князь Константий Павловичъ сказалъ однажды графу Дибичу: «Смотри, герой Западноканскій, не будь пѣхоникъ Зависянскій». Графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ сказалъ Алексѣю Петровичу Ермолову: «Прибыль въ армію, а въ графѣ Дибичѣ не нашелъ уже того фельдмаршала, съ которымъ я быть въ сношеніяхъ въ эпоху адрианопольского мира; въ Европѣ многие дураки утверждали, что я его отравилъ, мнѣ не нужно было этого дѣлать, потому что онъ самъ себя отравилъ ромомъ».

Д. Д.

²⁾ См. въ «Русской Старинѣ» донесенія Паскевича о Ермоловѣ и его дѣйствіяхъ. (Изд. 1872 г.. т. V, стр. 706—726 и т. VI, стр. 39—69 и 243—280).

Ред.

залъ написать отъ имени Аббасъ-Мирзы письмо, въ которомъ Ермоловъ былъ обвиненъ въ вѣроломномъ нарушеніи мира¹⁾). По его приказанию была вырѣзана армяниномъ печать, которая весьма походила на печать, которую Аббасъ-Мирза обыкновенно прикладывалъ къ своимъ граматамъ и письмамъ; это подложное письмо, снабженное этой печатью, было отправлено въ Петербургъ съ адъютантомъ главнокомандующаго графомъ Опперманомъ. Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ въ то время при графѣ. Не взирая на все это, я, какъ русскій, желалъ ему отъ души быть генералиссимусомъ, даже принцемъ крови, лишь бы война могла быть имъ окончена скоро и молодецки.

Я опять съ 25-го іюля въ Красноставѣ и вновь наблюдалъ за Замостьемъ, откуда нельзя было ожидать никакого нападенія съ тѣхъ порь, какъ Хржановскій удалился въ Варшаву. Въ Люблинѣ жители повѣсили носы, говоря, что вскорѣ наступитъ миръ; хотя этого и нельзя было предвидѣть такъ скоро, но слухи эти ясно доказывали, что поляки почитали свое дѣло окончательно проиграннымъ. Я принадлежалъ армії Сакена, но не Паскевичевої. У поляковъ еще до этого времени началась ужасная анархія, начальникъ существовалъ лишь для командованія войсками въ военное время; вѣдь поля сраженія войска не призна-

¹⁾ Злонамѣренность сего доноса, который ..... превосходитъ всѣ предыдущіе, очевидна, ибо всѣмъ извѣстно, что Аббасъ-Мирза, вѣроломно нарушилъ миръ, вторгся неожиданно въ наши предѣлы. Графъ Паскевичъ отправилъ для этой цѣли негодяя Караганова (извѣстнаго подъ именемъ Ваньки-Каина) съ чиновникомъ на границу для принятія вымышленнаго письма. Это было передано Ермолову генераломъ Василиемъ Иловайскимъ, а послѣ подтверждено многими изъ подчиненныхъ фельдмаршала. Лучшимъ опроверженіемъ того, что Ермоловъ не нарушилъ мира, написавъ будто бы рядъ оскорбительныхъ писемъ Аббасъ-Мирзѣ, служить то, что въ теченіе десятилѣтнаго славнаго управления Грузіей всѣ письма, писанныя пмъ Аббасъ-Мирзѣ и другимъ соѣднѣмъ нашимъ были писаны его собственнуко рукою и ни одно не было предъявлено нашему правительству.

Д. Д.

Мы не беремъ на себя отвѣтственность за правдивость данныхъ, сообщаемыхъ здѣсь партизаномъ Давыдовымъ. Кто знаетъ, быть можетъ фанатическая преданность Ермолову, доходившая въ немъ до обожанія этого героя — невольно заставила Давыдова вѣрить многимъ, въ сущности несправедливымъ рассказамъ о дѣйствіяхъ Паскевича относительно Ермолова. Мы съ болѣшимъ удовольствиемъ помѣстимъ всякое опроверженіе показаній Давыдова, и если ихъ печатаемъ въ возможной полнотѣ, то только для раскрытия исторической истины, для которой уже настало время,— разностороннимъ ея изслѣдованіемъ.

Ред.

вали властей, отбирали у жителей послѣднее, говоря, что это для отчизны. Не изиная на то, что я къ полякамъ никогда не питалъ большого расположения и сочувствія, война эта мнѣ казалась даже невыносимою, ибо часто со слезами на глазахъ я находился вынужденнымъ отрывать родителей отъ дѣтей и отсыпать ихъ. Но къ утѣшению моему, Крейцъ и въ особенности Ридигеръ весьма строго наблюдали за тѣмъ, чтобы солдаты наши не дозволяли себѣ грабить жителей.

19-го іюля я, командуя отрядомъ на Вислѣ, дѣлая фальшивую переправу, стрѣлять изъ орудій и ружей въ Пулавѣ, и это одно изъ послѣднихъ дѣйствій моихъ въ теченіе кампаніи. Корпусу нашему велико было переходить Вислу, и въ диспозиціи было сказано: «весь корпусъ переходитъ Вислу по мосту въ Юзефовѣ 25-го іюля, а отрядъ генераль-майора Давыдова въ Пулавѣ съ 24-го на 25-е». (Тамъ моста не было, но я успѣлъ построить и поставить двѣ барки, на коихъ можно было помѣстить 50 человѣкъ пѣхоты и два плота, на коихъ можно было поставить человѣкъ 10-ть съ лошадьми). Отрядъ мой состоялъ изъ 100 человѣкъ стрѣлковъ, 1 казачьяго полка, 7-ми эскадроновъ конныхъ егерей. Весь противоположный берегъ былъ изрытъ длиннымъ валомъ, за которымъ сидѣли непріятельскіе стрѣлки, которые стрѣляли по всякому подходившему съ нашей стороны. Итакъ, мнѣ надлежало съ сотнею стрѣлковъ держаться противъ превосходнаго числомъ непріятеля болѣе сутокъ, ибо ранѣе, и то съ большими трудомъ, нельзя было перевезти мою конницу, потому что река широка и быстра, плоты же были сдѣланы вскорѣ, гребцы нашлись съ трудомъ, къ тому же все это должно было находиться подъ выстрѣлами непріятеля. Всѣ мы видѣли явную гибель, къ которой стремились, но я, тридцатилѣтній солдатъ, хотя и сознавалъ вполнѣ свое опасное положеніе, долженъ быть безпрекословно исполнить повелѣніе. Цѣлый день трудились мы надъ исправленiemъ плотовъ и паромовъ, подвергаясь во все время непріятельскимъ выстрѣламъ. При наступлѣніи ночи, я сталъ готовиться къ переправѣ; такъ какъ офицеры и стрѣлки обираживали большую робость, я рѣшился сѣсть на первую барку иѣхать съ ними, можно сказать, на убой. Хотя генералъ Ольшевскій, завѣдывавшій конно-егерскими эскадронами, старинный пріятель мой, человѣкъ испытанной храбости, и сказалъ

мнѣ: «*je vous ai toujours cru brave, mais aujourd’hui vous agissez en héros*», но я чувствовалъ себя далеко не такъ хладнокровнымъ и спокойнымъ. Ольшевскій оставался на берегу; изъ тѣхъ, коимъ слѣдовало быть со мною, никого не было, всѣ остались въ Пулавѣ, кромѣ моего любезнаго Кологривова, который былъ мнѣ преданъ, какъ сынъ и храбръ, какъ нельзѧ болѣе. Когда уже совершенно стемнѣло я началъ садиться въ первую барку съ 50-ю стрѣлками; по всему противоположному берегу затрещали выстrelы, градъ пуль сталъ осипать насъ и въ самое короткое время ряды солдатъ убитыхъ и раненыхъ пали вокругъ меня. Едва только хотѣли мы отчалить, какъ послышались съ нашей стороны крики: «ваше превосходительство! курьеръ!»

Я выскоочилъ изъ барки и при огнѣ фонарей прочелъ: «Отмѣнить переправу и идти къ мосту на Юзефовъ». Еще секунда, мы бы отчалили, полетѣли бы по быстрой Вислѣ, и уже никакой курьеръ насъ не могъ бы спасти. Огонь непріятельской по насъ былъ такъ силенъ, что въ Пулавѣ раненъ былъ мой человѣкъ. Тутъ человѣческаго ничего не было, одинъ Богъ былъ виновникомъ нашего спасенія; я отъ полноты душевной принесъ Ему мою душевную молитву за столь чудное спасеніе! Полковникъ польскій, командовавшій на противоположномъ берегу, будучи впослѣдствіи взятъ въ плѣнъ, говорилъ мнѣ, что онъ, зная о нашей переправѣ, ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ, чтобы всѣхъ насъ истребить.

Въ 20-хъ числахъ августа я командовалъ отрядомъ въ предмѣстномъ укрѣплѣніи на Вислѣ, близъ Казиміржа. Варшава была еще въ рукахъ непріятельскихъ. Вдругъ непріятель, въ довольно большихъ силахъ приблизившись къ намъ, выслалъ на приступъ двѣ колонны; такъ какъ я зналъ, что это были толпы мужиковъ, предводимыхъ Ружицкимъ, я открылъ по нихъ сильный огонь, отъ которого они разсѣялись. Ридигеръ, бывшій постоянно моимъ ангеломъ-хранителемъ, бодрствовалъ по своему обыкновенію; онъ явился, преслѣдоваль на разстояніі 30-ти верстъ непріятеля, который при этомъ лишился 1,000 человѣкъ убитыми и плѣнными 15 офицеровъ и 500 рядовыхъ. Чрезъ два дня я узналъ, что десятитысячный корпусъ генерала Ромарино, преслѣдуемый Розеномъ, направляется на меня; такъ какъ у насъ было всего 1,200 человѣкъ, я потому поспѣшилъ извѣстить о томъ Ридигера, на-

ходящагося въ 50-ти верстахъ. До полученія моей бумаги, онъ мнѣ предписалъ съ однимъ баталіономъ и 4 орудіями спѣшить въ Радомъ на подкрѣпленіе принца Адама Виртембергскаго¹); я послалъ къ нему другого курьера, при чмъ писаль ему, что полагаю свое присутствіе въ укрѣпленіи болѣе необходимымъ. Получивъ повторительное приказаніе выступить, я на разсвѣтѣ 1-го сентября двинулся, но на половинѣ дороги меня настигъ новый курьеръ съ приказаніемъ ночевать и возвратиться назадъ.

Утромъ получиль я слѣдующее донесеніе отъ генерала Слатвинскаго, оставшагося въ укрѣпленіи: «Видя предъ собой непріятеля въ весьма большихъ силахъ, напелся вынужденнымъ оставить укрѣпленіе праваго берега, и перейдя рѣку, я сжегъ мостъ». Онъ поступилъ весьма благоразумно и основательно; непріятель, за неимѣніемъ моста, двинулся къ австрійской границѣ, гдѣ, преслѣдуемый русскими, онъ положилъ оружіе. Такъ какъ Слатвинскій не успѣлъ вой-чего перевезти на тотъ берегъ, то подвергся сильнымъ нареканіямъ. Я бы испыталъ то же самое, но, къ счастію, Богъ меня отъ того спасъ.

Къ намъ стало возвращаться много офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, которые были свидѣтелями ужасныхъ неистовствъ жителей Варшавы. Такъ, напримѣръ, нѣкто есендзѣ Пулавскій ходилъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, умоляя со слезами народъ истребить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и евреевъ. Нѣсколько десятковъ евреевъ было повѣшено на фонарныхъ столбахъ. Генералъ Янковскій за неудачу свою подъ Лисабысомъ (или Будзискомъ), генералъ Буковскій и камергеръ Феншъ были изрублены и повѣшены. Графиня Гауке также была изрублена и повѣшена. Полковница Баханова, изуродованная сабельными ударами, была также повѣшена въ глазахъ ея дочери, тщетно умолявшей о пощадѣ и получившей также ударъ штыкомъ въ бокъ. Плѣнныи офицеръ нашъ Кетлеръ былъ повѣшенъ вслѣдствіе просьбы какой-то женщины, которая просила народъ, въ случаѣ несогласія его на то, повѣсить ее. Офицеры наши, возвратясь изъ плѣна рассказывали, что чернь варшавская и войска всенародно объявили, что если меня возьмутъ въ плѣнъ, то тотчасъ повѣсятъ. При нихъ объявлено было нѣсколько разъ, что

¹⁾ Объ немъ я однажды сказалъ: «Quoique ce soit un prince du sang, et par dessus cela un Adam, mais ce n'est pas le premier des hommes». Д. Д.

Ридигеръ и я ванты и что нась везутъ въ Варшаву, гдѣ намъ потому заготовлялись почетныя квартиры и на другой день мы должны были быть повышеннными: «Слышите ли, говорили поляки, что партизанъ Давыдко (это было мое прозвище) идетъ на нась, жжетъ и рубить все безъ пощады, смотрите, будьте осторожны; но мы его скоро возьмемъ и повесимъ». На аванпостахъ сначала войны спрашивали лишь о принцѣ Адамѣ Виртембергскомъ, которого ненавидѣли за то, что его мать была княжна Чарторижская и онъ самъ прежде служилъ въ польскихъ войскахъ; о Ридигерѣ, который своими славными побѣдами навелъ на нихъ страхъ, и о мнѣ недостойномъ.

Нѣкто генералъ Камицкій командовалъ отрядомъ, который мы полагали въ 1,500 человѣкъ, но онъ состоялъ изъ 4,000 человѣкъ; онъ весь положилъ оружіе, и павъ на колѣна, кричалъ: «Виватъ Николай, цесаржъ нашъ польскій!» Грустно становится смотрѣть на этотъ народъ, гордый и заносчивый въ счастіи, но низкоколесненный послѣ неудачи. Вспомнишь невольно слова Наполеона: «Cette nation porte sa ruine dans son caractѣre». Но, слава Богу, Варшава пала и лучъ русскаго штыка вновь засверкалъ старинной славой!

Денисъ Давыдовъ.

Сообщ. В. Д. Давыдовъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ЗАПИСКАМЪ Д. В. ДАВЫДОВА.

I.

Рѣчь императора Николая депутатамъ города Варшавы при приемѣ ихъ во дворцѣ Лазенки.

^{1/16} октября 1835 года¹).

Когда депутація отъ города введена была въ особенную залу, императоръ, въ присутствіи генераль-фельдмаршала князя варшавскаго и военнаго губернатора, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

„Вы хотѣли меня видѣть?— Вотъ я! Вы хотѣли говорить мнѣ. Рѣчи?— Этого не нужно! Я желаю избавить васъ отъ лжи! Да, господа, желаю избавить васъ отъ лжи!— знаю, что вы не чувствуете того, въ чёмъ хотите меня увѣрить; знаю, что болѣшая часть изъ васъ, если бы возобновились прежнія обстоятельства, были бы готовы опять то же начать, что дѣлали во время революціи.

„Не вы ли сами за пять, за восемь лѣтъ предъ симъ говорили лишь о вѣрности, преданности; не вы ли увѣяли меня въ привязанности вашей,— и что же? спустя нѣсколько дней, вы нарушили ваши клятвы, вы совершили дѣла ужасныя!

„Императоръ Александру сдѣлалъ для васъ много, можетъ быть болѣе, чѣмъ русскому императору сдѣдовало,— говорю такъ потому, что такъ думаю; онъ осыпалъ васъ благодѣяніями; онъ пекся объ васъ болѣе, нежели о своихъ подданныхъ настоящихъ; онъ поставилъ васъ въ самое счастливое, въ самое цвѣтущее положеніе; и вы, за все это, заплатили ему самою гнусною неблагодарностью; вы никогда не умѣли довольствоваться дарованными вамъ выгодами

¹) Рѣчь эта была напечатана въ «Вѣсти. Юго-Зап. Россіи» 1863 г. и затѣмъ въ «Чтепіяхъ Моск. Общ. Исторікъ» 1864 г.; мы ее приводимъ по двумъ спискамъ, сообщеннымъ А. Н. Яхонтовымъ и М. В. Кюхельбекеромъ; послѣдній списокъ болѣе исправный и оба они пріѣютъ варьанты противу напечатанныхъ.

Ред.

и сами разрушили свое благоденствие; вы уничтожили, попрали ваши постановления! Говорю вамъ истину, чтобы единожды навсегда разумѣть васъ о взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ, и чтобы знали, чего должны держаться.

„Не словамъ, но дѣйствіемъ вашимъ я повѣрю; надобно, чтобы раскаяніе шло отсюда. (Государь указалъ на сердце). Вы видите, что я говорю вамъ хладнокровно, что я спокоенъ, не сержусь на васъ; я давно забылъ оскорблѣнія противъ меня и моего семейства; мое единственное желаніе заплатить вамъ за зло добромъ, сдѣлать васъ счастливыми, вопреки вамъ самимъ. Я далъ въ этомъ клятву предъ Богомъ, и никогда клятвъ своихъ не нарушаю.

„Фельдмаршаль, здѣсь присутствующій, исполняетъ здѣсь мои на-
мѣренія, помогаетъ мнѣ въ моихъ видахъ, и также печется о ва-
шемъ благоденствіи. (При этихъ словахъ всѣ депутаты поклонились
фельдмаршалу. Государь продолжаетъ):

„Что доказываютъ эти поклоны? Ничего! Прежде всего должны
вы исполнять ваши обязанности, должны поступать, какъ поступаютъ
честные люди. Вамъ представляются два пути: упорствовать въ меч-
тахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно, вѣрными поддан-
ными, подъ моимъ правлѣніемъ. Если вы упрямо сохраняете мечты обо
всѣхъ химерахъ, объ отдельной національности, о независимой Поль-
шѣ, о всѣхъ этихъ несбыточныхъ призракахъ, вы ничего не можете
сдѣлать, кроме того, что навлечете на себя новыя тяжкія бѣдствія.

„Я воздвигнуль Александровскую цитадель, и объявляю вамъ, что
при малѣшемъ волненіи — разгромлю вашъ городъ; уничтожу Вар-
шаву, и ужъ конечно не я выстрою ее снова!

„Мнѣ тяжело съ вами говорить, тяжело государю обращаться
такъ съ своими подданными; но я говорю для вашего блага; вамъ,
господа, подумать о томъ, чтобы заслужить забвеніе прошедшаго.

„Только вашимъ поведеніемъ, вашею преданностю къ правитель-
ству можете вы достигнуть этого. Нѣть въ мірѣ такой полії, ко-
торая могла бы воспрепятствовать преступнымъ спошніямъ съ ино-
земцами; но вамъ самимъ предложите этотъ надзоръ; отъ васъ завис-
ить удалить зло. Дайте дѣтямъ вашимъ хорошее воспитаніе, утвер-
ждайте ихъ въ правилахъ религіи и вѣрности къ ихъ государю.

„Вотъ средства, которыми вы удержитесь на пути истиинномъ. И
тогда, среди всѣхъ смятеній, потрясающихъ зданіе общественности,
вы будете пользоваться счастіемъ, живя спокойно подъ щитомъ Рос-
сіи — мощнай, неприкосновеной, бодрствующей за васъ; и вѣрьте
мнѣ, господа, принадлежать русской землѣ и пользоваться ея покро-
вительствомъ — есть точно благополучіе! Ведите себя хорошо, испол-

нѣмъ всѣ ваши обязанности, и тогда попеченіе мое распространится на всѣхъ васъ, и несмотря на все прошедшее, правительство всегда будетъ пещься о вашемъ благоустройствѣ и счастії. Помните обо всемъ томъ, что я вамъ говорилъ!“

Лиши только одинъ изъ представителей варшавской депутаціи хотѣть говорить рѣчъ, и началь: Sirs....

— „Остановитесь, сказалъ государь: я знаю что вы хотите сказать; вы послушайте лучше меня“. (Депутаты начали кланяться).

— „Не кланяйтесь,—вы точно также кланялись въ 1829 году, и безстыднымъ образомъ измѣнили, пренебрегли благодѣяніями Александра, который не жалѣлъ для васъ и богатства своей земли; хорошую страну вы оставили въ исторіи! Вы сами для себя построили цидатель, теперь помните, что при малѣйшемъ возмущеніи, въ 24 часа Варшавы не будетъ, и я уже въ другой разъ ее не построю. На нѣмцевъ и французовъ — не надѣйтесь; они вамъ не помогутъ, но вы можете надѣяться на мою щадость; чтите законы, любите своего монарха, увѣраю васъ, что только въ такомъ случаѣ будете счастливы, и старайтесь дать дѣтамъ вашимъ иное воспитаніе“.

II.

Дѣйствія польскихъ войскъ.

1831 г.

Вместо изложенія донесеній Дубича о его планахъ и дѣйствіяхъ въ польской кампаниі и затѣмъ критического разбора тѣхъ и другихъ—въ Паскевичскомъ спискѣ «Записокъ Давыдова»—помѣщены нижеслѣдующій разборъ дѣйствій польской арміи: это компиляція изъ сочиненія Солтыка, и едва ли не составлена переписчикомъ «Записокъ» для фельдмаршала Паскевича. Приводимъ ее вполнѣ.

Ред.

Солтыкъ въ сочиненіи своемъ показываетъ, что польская дѣйствующая армія, при началѣ военныхъ дѣйствій, состояла изъ

13-ти полковъ пѣхоты, по 4 баталіона	Пѣхоты.	Каваліи.	Всего.
каждый, что составить 52 баталіона;	41,600	—	41,600
полагая баталіонъ въ 800 человѣкъ .			
9-ти полковъ кавалеріи, по 5-ти эскадронъ			
каждый, и 2 эскадрона карабинеровъ, что составить 47 эскадр.; полагая			
эскадронъ въ 200 человѣкъ	—	9,400	9,400
Артиллеріи съ резервнымъ паркомъ на			
126 орудій, полагая по 20 человѣкъ на			
орудіе	—	—	2,520
Фурштата	—	—	1,000

„РУССКАЯ СТАРША“, т. VI. 1872 г., Октябрь.

	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Всего.
Новосформированной пѣхоты	2,500	—	2,500
3-хъ баталіоновъ егерей, вооруженныхъ охотничими ружьями и нѣсколько эс- кадроновъ кракусовъ.	1,000	500	1,500
Итого	45,110	9,900	58,520

Изъ сего слѣдуетъ исключить:

1) Гарнізони крѣпостей Праги, Модлина и Замостья	—	10,000	14,500
2) Отрядъ Дверницкаго	—	2,500	
3) Отрядъ Сѣравскаго	—	1,500	
4) Отрядъ въ Сандомирскомъ воеводствѣ. —	—	500	

Остается въ главной массѣ 44,020

Какъ войско сіе образовалось на мѣстѣ и не могло потерпѣть при образованіи своеемъ ни малѣйшей потери отъ походовъ и бивуаковъ, то полагая баталіонъ не въ 800, а въ 1,000 человѣкъ и три егерскія баталіона не въ 1,000, а въ 3 т., вся польская армія состояла изъ 81,920 человѣкъ, а гладная масса въ 67,420 челов. Сверхъ того формировалась резервная армія со всемъ послѣшнотѣю, требуемою обстоятельствами. Она состояла изъ 16-ти полковъ пѣхоты, по 3 баталіона каждый, изъ 20-ти полковъ кавалеріи и изъ 3-хъ баталіоновъ егерей,—она долженствовала заключать въ себѣ до 90 т. человѣкъ.

Главная масса дѣйствующей арміи, подкрепленная изъ послѣдней 2-ми полками пѣхоты и 18-ю орудіями, что по счету Солтыка возвышало силу ея до 50 т. человѣкъ и 144 орудій, а по истинѣ до 73,760 человѣкъ, расположена была эшелонами большою частію отъ Праги до Добре и Калушина, по брестскому шоссе, менышею же частію отъ Праги до Пултуска, по ломжинскому шоссе, занимая легкими авангардами съ одной стороны берега Нарева до Остроленки, а съ другой—берега Ливицы, и разсѣкая промежутокъ, находящійся между Бугомъ и Наревою, безпрерывными разъездами партий и патрулей, связывавшихъ болѣшую и меньшую части арміи. Многіе изъ поляковъ справедливо порицали правительство свое въ недостаткѣ предусмотрительности касательно оборонительныхъ мѣръ.

Во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы магазины, устроенные на счетъ жителей праваго берега Вислы, перемѣстить на лѣвый берегъ сей рѣки, правительство оставило ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были устроены; непростительная безпечность; за которую царство дорого заплатило! „Всѣ сіи магазины, говорить Солтыкъ,—захвачены

были россійскою арміею при первомъ си движеніи, и польская армія, оставшись на скучномъ продовольствіи произведенія земли хваго берега, до того нуждалась въ пролитаніи, что правительство принуждено было производить закупъ хлѣба въ сосѣднихъ чужеземныхъ областахъ посредствомъ чрезвычайныхъ цѣнъ и употреблять огромныя суммы, поступившия въ казну для другихъ не менѣе нужныхъ предметовъ.

Во-вторыхъ, великое число повозокъ собрано было для подвоза провіанта и фуража въ армію, но вмѣсто того, чтобы размѣстить ихъ по дивизіямъ или бригадамъ, повозки эти держали въ массѣ и чрезъ то умножили затрудненія въ постоянномъ и немедленномъ доставленіи продовольствія каждой части арміи особо.

Въ-третьихъ, никакого вниманія не было обращено на мѣстность, опредѣленную театромъ военныхъ дѣйствій. Вмѣсто того, чтобы возвѣгнуть предметы укрѣпленія въ Плоцкѣ, въ Бобровникахъ, въ Миншевѣ и укрѣпить тщательно Сироцкъ, что служило бы твердымъ опоромъ и основаніемъ оборонительному дѣйствію арміи на правомъ берегу Вислы, правительство обратило вниманіе свое только на исправленіе Модлинской крѣпости, на созданіе Прагскаго предметнаго укрѣпленія и на обнесеніе укрѣпленіями Варшавы, не постигнувъ важности пунктовъ: Плоцкаго, могущаго оборонять нижнюю Вислу, Бобровниковскаго при впаденіи Вепржа въ Вислу, Миншевскаго при впаденіи Шилицы въ ту же рѣку, и что еще непростительнѣе, не постигнувъ, какъ справедливо замѣчаетъ Солтыкъ, превосходство Сироцкаго пункта, давно сакимъ Наполеономъ признаннаго важнѣйшимъ оборонительнымъ пунктомъ восточной части бывшаго Варшавскаго герцогства.

И подлинно, находясь на вершинахъ двухъ треугольниковъ: одного, имѣющаго основаніемъ Прагское укрѣпленіе и Модлинскую крѣпость, другого—Броки и Остроленку, Сироцкъ есть истинная застѣжка теченія Буга и Наревы, и потому фланговое положеніе и слѣдственно влияніе на движеніе нашей арміи къ нижней или средней Вислѣ, въ обоихъ случаяхъ неизчислимо! Могли ли бы мы безпрѣятственно пройти отъ Пултуска въ Плоцкъ (что мы впослѣдствіи совершили); еслибы польская армія, прыгая правымъ крыломъ къ Сироцкому укрѣпленію, а лѣвымъ—къ Модлинской крѣпости, двинулась вдоль рѣки Вѣры въ тылъ нашей арміи? Въ какомъ положеніи была бы тогда наша армія, принужденная принять сраженіе тыломъ къ Пруссіи, государству нейтральному, правымъ флангомъ къ Плоцкому укрѣпленію, занятому непріятельскимъ гарнизономъ, и угрожаемая, сверхъ того, лишеніемъ единственнаго сообщенія своего съ Россіею главной

непріятельской арміею, которая, при самой неудачѣ своей, сохранила бы свободное отступление къ Сиронку и Модлину? Съ другой стороны, не въ томъ же ли положеніи мы были, дѣйствуя по брестскому шоссе къ Прагѣ или къ средней Вислѣ? Единственное направление польской арміи изъ Сиронка чрезъ Вишковъ къ брестскому шоссе пресѣкало сообщенія наши съ Брестомъ, т.-е. съ Литвою и Россіею и обращало насъ къ невольному избранію устилугскаго пути, и слѣдственно къ невольному же перемѣщенію нашего базиса на Волынь. Какого рода дѣйствіе могли бы мы избрать, подавленные съ одной стороны польской арміею, подвигавшейся на нашъ флангъ и тылъ, и имѣя возлѣ невольно избраннаго нами сообщенія Замостьскую крѣпость и предъ собою два предмостныхъ укрѣпленія, Бобровники и Минишевъ? Правда, что время года мало благопріятствовало инженернымъ работамъ; при всемъ томъ оно не совершенно препятствовало заняться ими, ибо въ сіе же время исправлена была Модлинская крѣпость и возникло Пражское укрѣпленіе, безъ большого затрудненія.

Вдобавокъ ко всему этому, заключали поляки, правительство дѣйствовало по плану шаткому, темному, безъ увѣренности въ успѣхѣ и потому безъ силы воли, рѣшимости и упрямства въ достижениіи цѣли, однажды имъ избранной—и это сущая правда! ибо вообще съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны главнокомандующіе не употребили ни энергіи, ни отважности въ предпріятіяхъ, требуемыхъ обстоятельствами. Сверхъ того, они обнали эту войну не съ той точки зреянія, съ каковой надлежало обніять ее. Они почтали ее воиномъ обыкновенною, правилькою, систематическою, исключительно подвластною стратегическимъ правиламъ. Это ошибка! Война эта, по существу своему, переступала за черту обыкновенныхъ войнъ, и хотя въ окончательныхъ соображеніяхъ необходимо должноствовала склоняться къ непреложному началу чистой военной науки, при всемъ томъ ей надлежало, и весьма часто надлежало, въ начальныхъ предпріятіяхъ миновать преграды, воздвигнутыя теоріею и ускользать отъ узъ педантической строгости, употребляя разсчеты и средства имъ неподвластные, а часто и противоположные. Словомъ, это была война настолько же классическая, сколько романтическая. Ею должны были управлять начальники, похожіе въ военномъ отношеніи столько же на Шеншиновъ и Байроновъ по вдохновенію и по отступлению отъ правильныхъ на классическихъ истинахъ, сколько на Буало и Расиновъ по сохраненію порядка въ беспорядкѣ дѣйствія и по сближенію мѣры отступленій отъ коренныхъ правильныхъ при самихъ заlettныхъ предпріятіяхъ. Подобная снаровка не изложена ни въ какихъ учебныхъ книгахъ и изложена быть не можетъ. Она вѣтъ со-

образеній исключительно военныхъ, исключительное познаніе коихъ врядъ ли достаточно даже для второстепенныхъ чиновниковъ, еще менѣе для главнокомандующихъ, существующихъ соединять въ себѣ и качества воина, и качества политика, и что-то еще болѣе, безъ чего ни военныхъ, ни политическія знанія ни къ чему не служатъ. Это отсутствіе обширности въ обзорѣ, проницательности, въ оцѣнкѣ обстоятельствъ и соотношеній между собою противоположностей, приправленныхъ раздумьемъ на отважные предприятия, отличило въ теченіе всей войны предначертанія и дѣйствія большей части главныхъ начальниковъ обѣихъ воюющихъ армій. И должно признаться, что въ семь случаѣ начальники польскихъ войскъ превзошли нашихъ. Обстоятельства, въ коихъ они находились, требовали отваги въ дѣйствіи болѣе отъ нихъ, чѣмъ отъ нашихъ военачальниковъ. Ихъ успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и неожиданности движений и ударовъ на тѣ пункты, которые по систематической войнѣ признаны неприступными, недобсигаемыми и за чертой позволительныхъ соображеній классицизма. Но для сего надо было забыть о личныхъ выгодахъ, жертвовать не только званіемъ, мѣстомъ, властю и жизнью—но болѣе чѣмъ жизнью—репутацией, славою, будущую жизнью въ исторіи. Для сего надо было полное самоотверженіе, безъ воспоминаній, безъ сожалѣній, безъ вздоховъ о диванахъ, каминахъ и сытныхъ обѣдахъ, въ золотыхъ палатахъ оставленныхъ; безъ страха заточенія, висѣлицы, пушки въ лобъ на лобномъ мѣстѣ, и наконецъ, безъ большого еще страха пересудовъ и осужденій военныхъ педантовъ, управлявшихъ мнѣніями общества и потомства. Обнаженъ мечь—надо было бросить ножинъ его въ пламя бивуака, слушаться одного собственнаго вдохновенія, ожидать награды отъ собственной совѣсти и идти безъ оглядки. Смѣлько Богъ владѣеть! вотъ что было нужно польскимъ военачальникамъ, и чего именно въ нихъ вовсе не доставало. И да престанутъ говорить, что ни въ какомъ случаѣ, ни съ какимъ военачальникомъ, ни при какихъ соображеніяхъ не было возможно польской нації ожидать успѣха по причинѣ несоразмѣрности въ силахъ съ ея противниками; что 73-хъ-тысячная армія съ 144 орудіями не минуемо должна была погибнуть отъ напора на нее 100-тысячной нашей арміи, вѣличившей съ собою 390 орудій. Это пошлая отговорка. Конечно, рано или поздно, Россія должна была укротить волненіе въ Польшѣ; но до этого укрошенія можно было нанести намъ опасные удары, продлить бореніе и отсрочить паденіе надолго. Все зависитъ отъ умѣнья, отъ знанія своего дѣла. Большая или меньшая численная сила не иначе идетъ въ счетъ, какъ на поляхъ сраженій; но привести на поле сраженія болѣе число войскъ въ сравненіи съ

войсками противника; но ринуть болѣшее число войскъ на важнѣйшій пунктъ сего поля сраженія, принадлежитъ одному дарованію, принадлежитъ одному генію. Въ 1796 году три арміи, и каждая сильнѣе арміи, предводительствуемой Бонапартомъ, одна послѣ другой нападали на него, и каждая поодиночкѣ понесла пораженіе. Въ 1809 году Наполеонъ былъ въ десять разъ слабѣе австрійцевъ подъ Регенсбургомъ и Ландсгутомъ, а чѣмъ кончилась борьба его съ эрцгерцогомъ? И наконецъ въ 1814 году онъ же предводительствовалъ арміею 23-ти тысячами слабѣе той, о коей здѣсь рѣчь идетъ, тогда какъ численная сила союзныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ него, доходила до 250 т. человѣкъ, а какова была кампанія? Онъ палъ оттого, что она постыдно оставила его одного въ минуту рѣшительную; но еслибы Парижъ двое только сутокъостоялъ за себя и чрезъ то даль Наполеону время прибыть на помощь ему съ 50-ю т. войска, что было бы тогда? Ето тогда осмѣлился бы штурмовать каменный лабиринтъ сей изъ нѣсколькихъ тысячъ улицъ, между собою пересѣкающихся составленный, въ срединѣ коего находилась бы армія въ 50 т. съ 800 т. воспалительнымъ народонаселеніемъ и самъ Наполеонъ¹⁾? Возьмемъ въ уваженіе и то, что французская армія въ 1796 году въ Италии и въ 1809 году въ Германіи нимало не могла надѣяться на содѣйствіе себѣ народонаселеній, въ тылу австрійцевъ оставленныхъ, тогда какъ въ войнѣ съ царствомъ польскимъ мы были въ томъ же положеніи, въ какомъ была бы союзная армія въ 1814 году, еслибы Парижъ дождался Наполеона. Литва, Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Украина, все шляхетство сихъ губерній кишѣло враждою на Россію, и готово было къ поднятію противъ насъ оружія всякаго рода, что внослѣдствіі оно исполнило на дѣлѣ и съ гораздо большімъ рвенiemъ самихъ жителей царства, но при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ. Итакъ, если новое польское правительство отъ беззечности своей дозволило арміи нашей безпрепятственно соединиться на границѣ царства, то по крайней мѣрѣ надлежало бы, укрѣпя пункты, о коихъ выше упомянуто, избрать центральную позицію арміи своей предъ Вислою и въ то же время образовать партизанскую войну въ тылу нашей арміи на обширномъ пространствѣ линскихъ болотистыхъ лѣсовъ и въ бѣловежской пущѣ, поддерживая набѣги партій вооруженнымъ населеніемъ Литвы и Во-

¹⁾ Въ это время 10 т. войска находилось между Версалемъ и Вандома. Въ парижскомъ арсеналѣ хранилось 54 т. ружей; въвсе можно было найти у жителей и независимо отъ артиллеріи, размѣщенной у заставъ города, 250 орудій на лафетахъ, съ ящицами полными зарядовъ, стояли на Марсовомъ полѣ. (*Mémoires du Duc de Regio*). Savary.

лыни. Ударяясь головою въ оплотъ, составленный изъ регулярной арміи и укрѣпленій, устроенныхъ на важнѣйшихъ пунктахъ предъ Вислою и угрожаемая съ тыла сильными и многочисленными партиями и народонаселеніемъ польско-российскихъ губерній, армія наша была бы въ необходимости съ одной стороны къ подъятію изнурительныхъ трудовъ въ борьбѣ регулярной и систематической, а съ другой—къ отвлечению силъ своихъ отъ боевой массы для защиты путей, по которымъ она долженствовала получать всѣ жизненные и боевые потребности, для войны необходимыя, на коихъ находились склады запасовъ пропитанія и зарядовъ, и посредствомъ коихъ сохраняла она сообщеніе съ внутренними губерніями имперіи.

Къ счастію, ничего этого не было сдѣлано, и польская армія, состоявшая изъ 81,920 человѣкъ дѣйствовавшихъ войскъ и 91 т. формировавшихся, что составляло 172,920 человѣкъ, ожидала прибытія нашей арміи изъ 110,620 человѣкъ составленной. Впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ всѣ эти силы разсѣяны были по всему царству и главные боевые массы состояли съ нашей стороны въ 98 т., а со стороны поляковъ въ 73 т., расположенныхъ эшелонами отъ соединенія шоссе ковенскаго и брестскаго, въ направлениі къ Пултуску и Калушину.

Сообщ. А. Распоповъ.

III.

Замѣтки о Запискахъ моего отца-старика Д. В. Давыдова.

Николай Лѣнивцевъ, о которомъ редакція упоминаетъ въ предисловіи къ запискамъ моего отца, („Русская Старина“ 1872 г., т. VI, стр. 1—2), не былъ его родственникомъ и рукописный экземпляръ „Записокъ“ получилъ не отъ Дениса Васильевича, а отъ меня, и вотъ по какому случаю. Отецъ его былъ бѣдный симбирскій помѣщикъ и служилъ уѣзднымъ судьею въ городѣ Сызранѣ, въ тридцатыхъ годахъ. Изъуваженія къ отцу моему, онъ весьма часто съ женой и съ дѣтьмиѣзжалъ въ наше имѣніе село Верхняя Маза, и вслѣдствіе общей страсти съ отцомъ къ псовой охотѣ, весьма полюбился ему. Бывши человѣкомъ добрымъ и простымъ, по старинному хлѣбосольству, проживалъ у насъ довольно долго съ чадами и домочадцами. А такъ какъ я былъ одногодокъ съ сыномъ его Николаемъ, то мы, дѣти, порой и учились вмѣстѣ, но всего больше шалили сообща. Отецъ мой, имѣя всегда желаніе сдѣлать изъ меня ученаго офицера и прельстившись программою преподаванія въ корпусѣ путей сообщенія, находившагося тогда въ апогей своей славы, приготавлялъ меня къ поступленію въ означенный корпусъ. Въ то время главноуправляющимъ корпусомъ путей сообщенія былъ

графъ Карлъ Федоровичъ Толль, находившійся въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ. Это побудило и старика Лѣнивцева приготовлять своего сына въ тотъ же корпушъ путей сообщенія. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: и, несмотря на всѣ старанія и средства, учился вѣтreno, кое-какъ, а Лѣнивцевъ неутомимо и прилежно, и потому, несмотря на всѣ желанія принять меня, я на экзаменѣ срѣзлся, а онъ былъ принятъ. Неудача моя обратила меня на другую дорогу, хотя столь же ученную, но не столь специальную — въ л.-гв. конную артиллерію, и я Лѣнивцева потерялъ изъ вида. Послѣ смерти отца моего бумаги его очутились у меня, вслѣдствіе возвращенія ихъ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, которому матушка вручила ихъ для пересмотра. Въ то время генералъ-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій собиралъ материалы для исторіи финляндскаго похода. Какое, казалось бы, могло быть отношеніе между историографомъ-генераломъ и несчастнымъ прапорщикомъ, бѣгавшимъ изъ манежа въ гостинную, изъ гостинной въ манежъ? Къ несчастію, въ одной изъ гостинныхъ онъ, встрѣтившись со мною, удостоилъ меня спросить, доволенъ ли я составленной имъ біографіей отца моего для галлереи генераловъ 1812 года. Я отвѣчалъ ему, что нахожу его біографію составленную прекрасно, но удивляюсь одному, гдѣ могъ онъ набрать всѣ нужные для того материалы, такъ какъ всѣ бумаги отца моего находятся у меня. При этихъ словахъ генералъ Данилевскій разсыпался со мною на всевозможныя привѣтствія и любезности, и наконецъ, послѣ всевозможныхъ занискиваній, просилъ меня самымъ вкрадчивымъ образомъ привезти всѣ бумаги къ нему для пересмотра. Я растаялъ, и явился къ нему со всемъ кипой. Онъ, увидавши въ числѣ ихъ воспоминанія о Кульевѣ и предположеніе о формированиіи войскъ на лыжахъ, убѣдительно стала меня просить оставить эти бумаги у него. Несмотря на обаяніе генеральскихъ ласкъ, я твердо отказалъ ему, чувствуя, что это не моя личная собственность, а всей моей семьи, и увезъ торжественно назадъ свои бумаги. Но тутъ начались въ полномъ смыслѣ слова преслѣдованія его. Онъ даже снисходилъ заѣжать въ мою скромную, чтобы не сказать больше, прапорщью квартиру, и наконецъ уговорилъ меня дать ему обѣ статьи о Финляндіи всего на одинъ день. Увы! этотъ день продолжается донынѣ. Генералъ Данилевскій взялъ цѣликомъ пѣтыя страницы изъ означенныхъ статей и напечаталъ ихъ подъ своимъ именемъ въ его „Исторіи финляндскаго похода“, и кроме того, зажигалъ обѣ рукописи. По счастью черновые находятся еще у меня. Несмотря на мои настоятельные просьбы возвратить

май велыхъ рукописи, онъ, какъ говорится, кормилъ меня завтраками, откладывая возвращеніе день за день, и наконецъ объявилъ мнѣ, что онъ мнѣ ихъ отдать, несмотря на то, что онъ ему нужны, съ однімъ условіемъ, чтобы я ему отдалъ на время записки о польской кампани. Въ это время Лѣнивцевъ, уже выпущенный изъ корпуса путей сообщенія на службу, отыскалъ меня, и когда я ему въ числѣ прочихъ разговоровъ рассказалъ дѣйствія генерала Данилевскаго, то онъ, въ виду слабости моего характера и явнаго намѣренія генерала захватить часть бумагъ отца, предложилъ мнѣ отдать ему на сохраненіе рукопись о польской кампани, дабы имѣть предлогъ не поддаться на настойчивость генерала. Такъ и было сдѣлано. Каюсь, омытъ свѣтской жизнью со всѣми ея треволненіями, лагерная жизнь, кутежи и проч., свойственный тогдашнимъ моимъ лѣтамъ, совершилъ изгладили изъ моей памяти бѣдного путейскаго офицера Лѣнивцева и находящуюся у него рукопись отца. Онъ отправился куда-то на работы, а я—на Кавказъ, и уже въ 1845 году узналъ о его смерти. Всѣ розыски мои о судьбѣ врученныхъ ему бумагъ остались тщетны. Все, что я только могъ узнать, и то только какъ слухъ, что онъ умеръ въ крайней бѣдности, кажется даже въ госпиталѣ, и что малое количество вещей его было продано. Съ тѣхъ поръ о рукописяхъ не было ни слуху, ни духу. Помню только, что кто-то сказалъ мнѣ, что видѣлъ бумаги отца моего у покойника Лѣнивцева. Нынѣ изъ предисловія редакціи „Русской Старинѣ“ знаю, что онъ имѣли были переданы генералу Веселицкому, а тѣмъ затеряны. Для меня, къ счастію, эта потеря не имѣла послѣдствій, ибо всѣ статьи отца моего находятся въ двухъ или трехъ рукописныхъ экземплярахъ по причинѣ частыхъ его помарокъ, поправокъ и даже измѣненій. Слѣдовательно и записки о польской кампани имѣли, кроме потерянной рукописи, еще два экземпляра. Хотя редакція и говоритъ въ предисловіи, что эта оставшаяся часть Лѣнивцевской рукописи лучшая, но это несправедливо. Тотъ экземпляръ, который я доставилъ „Русской Старинѣ“, былъ вывѣренъ покойнымъ моимъ братомъ Денисомъ со вторымъ, который, по странному стечению обстоятельствъ, попалъ въ руки покойнаго князя Петра Владимировича Долгорукаго, и имѣ напечатанъ самимъ недобросовѣстнымъ образомъ въ Лондонѣ, въ 1863 году, въ 8⁰. Онъ въ этой книжѣ откинуль больше трети и исказилъ все, сообразно съ его политическими и соціальными взглядами. Жалѣю очень, что въ настоящую минуту не могу разсказать, какимъ страннымъ и вполнѣ незаконнымъ путемъ эти записки достигли до князя, и какъ я тщетно гонялся за ними по Лондону, чтобы требовать отъ него отчета въ его неблаговид-

иомъ поступкѣ. Теперь же ручаюсь, что рукопись, мною отданныя по-
койному Лѣнивцеву, была не такъ полна, какъ та, которая нынѣ яви-
лась на страницахъ „Русской Старинѣ“.

Въ биографическомъ очеркѣ о моемъ отцѣ („Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 624—639) необходимо сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стр. 624, строка 7 сверху, читай такъ: „Но пусть не сътутъ
на меня редакція, если я начну ав ово и обращусь къ семейнымъ
преданіямъ“....

Стр. 627, строка 7 сверху, напечатано: „могущество“ читай: „ве-
личество“.

Стр. 632, строка 10 снизу, читай: „тетка моя и мать Н. Н.
Раевскаго по первому мужу“.

Стр. 634, строка 16 снизу, читай: „Longtemps épragné“...
тамъ-же: „au champ d'hoppeur“.

Стр. 637, строка 6 сверху, напечатано: „я тебѣ прямо говорю“...
читай: „и тебѣ прямо говорю“....

Стр. 639, строка 14 снизу, послѣ словъ: „нынѣ они настали“. Читай: „Прошло сорокъ лѣтъ съ усмиренія Польши. Она съ тѣхъ порь еще разъ попробовала помѣриться съ силами Россіи и пала снова подъ ударами другихъ уже войскъ, подъ начальствомъ другихъ уже лицъ. Возстаніе 1830 года стало давно прошедшими временемъ, и со смертію лицъ участвовавшихъ въ подавленіи его исторія вступаетъ въ свои права. Для нея уже настало потомство, справедливо выслушивающее всѣ стороны, взвѣшивая всѣ даннныя на беспристрастныхъ вѣсахъ и говорящая свое послѣднее правдивое слово. Вотъ причины, побудившія меня обратиться къ страницамъ „Русской Старинѣ“ для сохраненія рукописей, въ которыхъ авторъ, со всею откровенностью старого воина, разоблачаетъ истину“.

„Рус. Стар.“, т. VI, на страницѣ 7-й сказано: „генералъ-контро-
леръ Оковоль“. Не ошибка ли это? По моему это должно быть из-
вѣстный генералъ Окуневъ.

На стр. 10, строка 9 сверху, напеч.: „склонности“ читай: „по-
хоти“; строка 12 напечатано: „не намѣренno“ читай: „повивальной
бабкою“.

Василій Давыдовъ.

Помѣщенное на стр. 635 („Рус. Стар.“, т. V) письмо Давыдова
писано не къ С. Н. Ланскому, какъ тамъ замѣчено со словъ А. В.
Рачинскаго его сообщившаго, а къ другу партизана А. Д. Ольшев-
скому — командиру бѣлорусскаго гусарскаго полка. С. Н. Ланская

убить подъ Ераономъ въ февралѣ 1814 года; письмо же писано въ 1816 году, что совпадаетъ со временемъ сватовства Давыдова въ Киевѣ.

Г. Бѣлой.

Владиміръ Львовінъ.

IV.

Въ дополненіе къ „Запискамъ Давыдова“ считаю не лишнимъ сообщить два его письма, списанныхъ мною съ подлинниковъ, хранящихся въ дѣлахъ бывшаго штаба арміи фельдмаршала Дибича. Первый изъ этихъ документовъ писанъ къ начальнику главнаго штаба его величества—графу Чернышеву:

1 января 1831 г.

„Не взирая на чрезмѣрное разстояніе между вашимъ сіятельствомъ и мною, разстояніе столъ блистательными заслугами государю и отечеству вами, милостивый государь, пріобрѣтенное, вы не преставали никогда оказывать мнѣ особой благосклонности. Теперь вамъ, какъ начальнику моему, предстоитъ случай прибавить къ оной благосклонности и благодѣяніе. Въ Польшѣ возникли беспокойства; полагать должно, что загремитъ скоро тамъ оружіе; если этому быть должно, то осмѣливалось покорнѣйше просить ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ государя императора желаніе мое служить въ дѣйствующей арміи. Воля его священная употребить меня какъ, куда и чѣмъ его величеству угодно будетъ,—только за долгъ поставляю не скрыть отъ вашего сіятельства, что хорошо зная себя, я увѣренъ, что полезнѣе буду въ командованіи летучимъ отрядомъ, по чину моему составленнымъ, чѣмъ въ рядахъ, безъ собственныхъ вдохновеній и съ окованіемъ духомъ предприятій.“

„Впрочемъ, смѣю повторить, ваше сіятельство, да будетъ священная воля монарха,—а я съ своей стороны ручаюсь честію русскаго солдата, что во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ не осрамлю высокую добродѣнность его и благодѣтельное ходатайство вашего сіятельства“.

Это письмо, по высочайшему повелѣнію, препровождено было къ графу Дибичу, Денисъ Давыдовъ призванъ въ армію, и въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ въ командованіе летучій отрядъ. Дѣйствія его изложены выше въ „Запискахъ партизана“.

Изъ тѣхъ-же „Записокъ“ читатели видѣли, что не долго довелось Давыдову покомандовать отрядомъ въ томъ составѣ, въ какомъ онъ былъ данъ ему первоначально. Послѣ разныхъ урѣзокъ, отрядъ распылся совершенно. Вслѣдствіе этого, Давыдовъ, глубоко обиженный, обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ начальнику главнаго штаба арміи графа Толю:

18-го мая 1831 г.

„Ваше сиятельство, моя единственная подпора и надежда! Какъ въ великомъ 1812 году, такъ и въ текущемъ, вы постоянно мнѣ благодѣтельствовали и благодѣтельствуете, и потому я смѣю утруждать ваше сиятельство моимъ собственнымъ дѣломъ, сопряженнымъ однако и съ пользою общую.

„Въ половинѣ марта я, по особенной благосклонности вашего сиятельства, получиль блестательнѣйшій отрядъ. Я дѣйствовалъ оннымъ какъ умѣлъ, и слышаль, что заслужилъ одобрение ваше, что для меня выше всѣхъ наградъ въ свѣтѣ!

„Вскорѣ начали отсѣкать части моего отряда: вначалѣ взяли полкъ драгунъ, полкъ сильный, ибо состоять изъ 800 чл., прежде заголовленныхъ и изнуренныхъ, а у меня послѣ нѣкоторыхъ поисковъ и приступа гор. Владимира, опять почувствовавшихъ теченіе въ себѣ русской крови и на все готовыхъ. Потомъ взяли у меня казачій полкъ Платова; и все молчалъ, исполнія долгъ мой съ остаткомъ моего отряда. Наконецъ взяли у меня казачій полкъ Катасанова, такъ что оставилъ меня съ однимъ казачьимъ Кирѣева полкомъ, коего сила чи-сломъ людей не простирается далѣѣ 300 чл., уничтожили совершенно отрядъ, столь милостиво вашимъ сиятельствомъ мнѣ довѣренный; ибо полкъ Кирѣева, имѣя своего полковника, не есть уже отрядъ, который составляется изъ нѣсколькою полковъ.

„Межу тѣмъ я слышу, что генераль-майоръ Шереметевъ сдѣлалъ партизанскій набѣгъ почти подъ глазами вашего сиятельства. Быть можетъ, что другой какой-либо генераль готовится то же исполнить, или исполнилъ уже, а я долженъ о томъ слышать, и кипа рвѣніемъ, готовый на таковыя же предпріятія, такъ давно вамъ извѣстный за знающаго свое дѣло, не имѣть способовъ дѣйствовать; ибо не имѣю войскъ, лишившихъ ихъ постепеннымъ разборомъ моего отряда.

„Такъ какъ я, сиятельнѣйшій графъ, состою по кавалеріи, не принадлежу никакому корпусу и никакой дивизії, и такъ какъ по разсѣяніи отряда вашимъ сиятельствомъ мнѣ вѣренного, я совершенно здѣсь безъ дѣла, то не удостоните ли вы меня позволеніемъ прибѣти къ вашей особѣ для получения отряда такого, каковой ваша извѣстная ко мнѣ благосклонность опредѣлить составить. Я на все готовъ, на все радъ, только предоставьте мнѣ счастіе дратиться подъ вашего сиятельства распоряженіемъ и относиться единственно къ вамъ, какъ то было въ 1812 году, а не наблюдать непріятеля вдалекѣ отъ васъ и безъ сомнѣнія прямаго съ вашимъ сиятельствомъ.

„Вѣрьте, сиятельнѣйшій графъ, чести моей, что ежели я и теперь всѣми силами стараюсь служить, какъ вѣрный сынъ отечества, то юдь-

непосредственнымъ вліяніемъ и начальствомъ вашего сіятельства все то сдѣлаю, что умственныя и душевныя способности внушить мнѣ возможутъ".

Графъ Толь отвѣчалъ, что графъ Дибичъ, принимая въ уваженіе, что при корпусѣ генерала Ридигера нѣть вовсе опытныхъ генераловъ, коимъ бы можно было поручить отдѣльную часть, не изъявилъ своего соизволенія на отозваніе Давыдова въ главную квартиру, но приказалъ, чтобы Ридигеръ употребилъ его при ввѣреныхъ ему войскахъ. Затѣмъ Давыдовъ и поступилъ въ полное уже распоряженіе генерала Ридигера, дѣйствовавшаго отдѣльно отъ главныхъ силъ фельдмаршала Дибича.

Сообщ. Док—ій.

V.

Указъ Сенату о князѣ Чарторижскомъ.

6-го октября 1831 года.

Члена государственного совѣта и сенатора тайного совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предприятияхъ польскихъ математиковъ до самого окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить.

Сообщ. Г. Е. Рѣшинскій.